

ГИЖИՆՅՆԻ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ.

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

343 x
5092.

1888.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I.

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

BIBLIOTEKA
Państw. gim. m.
w. ŁOMŻY.
Arm. XIV
Lit. 69
№

РЕВЕЛЬ.

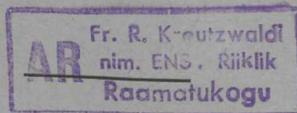
ТИПОГРАФІЯ ЭСТЛЯНДСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
1. Къ Гомеру. А. Breusing	I
2. Причины малой успѣшности по математикѣ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я. Блюмбергъ	XII
3. Изъ жизни классической школы. С. Воскресенскій	XXII
4. Образцовые уроки. Ест. исторія. Картофель. R. Schröder	XXV
5. Критика и библиографія	XXIX
6. Вопросы и отвѣты для повторенія въ VIII классѣ	XXXII
7. Къ школьной гигиенѣ	XXXII
8. Домашнія работы учениковъ. M. Strack	1
9. Воспитываемъ ли мы нашихъ дѣтей или наши дѣти воспитываютъ насъ? Н. Аегевое	31
10. Обремененіе учащихся въ Австріи. R. Pindter	63
11. Воспоминанія педагога. * * *	83
12. Русскіе педагоги: 1) П. Д. Юркевичъ. А. Юркевичъ	92
2) А. П. Зессель. Ф. Монюшео	100
13. Varia	103
Объявленія.	

П р и л о ж е н і е.

14. Н. Негелсбахъ. Гимназическая педагогика	1
---	---

65.649

72.858
Гимназія

Отъ Редакціи.

Программа, предварительно разосланная по учебнымъ заведеніямъ, и указатель статей, предположенныхъ къ помѣщенію въ первыхъ книгахъ, достаточно указываютъ цѣль и стремленія «Гимназіи».

Выпуская первую книгу, мы можемъ только прибавить, что употребимъ всѣ свои силы на служеніе священному для насъ дѣлу гимназическаго образованія.

5092

Къ Гомеру.

Α. Zeising. *)

1. πορφύρεος и πορφύρειν.

Когда я отправлялся въ море, мнѣ пришлось всё свои вещи уложить въ маленький дорожный сундучекъ, и потому изъ книгъ я могъ только взять съ собою библію и Гомера. Къ счастью, у меня было Оксфордское изданіе Гомера 1780 года съ маленькими схоліями подъ текстомъ, и такъ какъ въ немъ были объяснены всё рѣдкія греческія выраженія, то я счелъ лишнимъ брать еще словарь, для котораго, впрочемъ, и мѣста не было. Я началъ съ Одиссеи, — въ школѣ первыхъ книгъ мы не читали, — и въ одно воскресенье, днемъ (въ будни мнѣ некогда было читать) я дошелъ до конца второй книги, до стиховъ:

ἔπρησεν δ' ἄνεμος μέσον ἰστίον, ἀμφὶ δὲ κῆρυα
στείρηι πορφύρεον μεγάλ' ἴαχε νηὸς ἰούσης.

Это было въ сѣверо-восточномъ пассатѣ, и по моему дневнику я отлично могъ опредѣлить долготу и широту мѣста въ Атлантическомъ океанѣ. Сильный вѣтеръ раздувалъ паруса, и корабль быстро двигался впередъ. Я лежалъ на бакбортѣ (возвышенное мѣсто палубы) и слышалъ, какъ пѣнились и поднимались волны: λευκὴ χαλάζοντος ἀνέπτου κόρυτος ἄχρη. Самъ я переживалъ что было написано въ этихъ двухъ стихахъ Одиссеи, — хотя это и не нужно было, чтобы понять значеніе cadaго слова:

Вѣтромъ наполнившись, онъ поднялся, и пурпурныя волны
Звучно подъ вилемъ потекшаго въ нихъ корабля зашумѣли.**)

Не нужно было и ѣздить по морю, чтобы представить себѣ, что, когда вода раздѣляется по обѣимъ сторонамъ στείρηι, то эта στείρηι

*) Авторъ недавно вышедшаго замѣчательнаго изслѣдованія: Die Nautik der Alten, Bremen, 1886. Предлагаемыя замѣтки заимствованы изъ Neue Jahrb. f. Phil. u. Päd. 1885—87. Red.

***) Од. II 427—28, пер. Жуковскаго.

означаетъ ничто иное, какъ переднюю часть корабля. Если бы это слово единственно встрѣчалось въ этомъ мѣстѣ, и то нельзя было бы сомнѣваться въ его значеніи; но такъ какъ я его еще не встрѣчалъ, то посмотрѣлъ въ схолии, и не мало удивился, когда нашелъ, что τῆ στείρη объясняется черезъ τῆ τρόπιδι. Съ той минуты все мое довѣріе къ знаніямъ древнихъ комментаторовъ исчезло, и въ послѣдствіи пришлось мнѣ только пожалѣть, что и наши переводчики пошли по ихъ стопамъ, и слово στείρη тоже перевели словомъ «киль». Какже возможно было приписать Гомеру, этому зоркому наблюдателю, вѣрному описателю природы, этому знатоку морскихъ явленій, что онъ видѣлъ, какъ море волнуется у киля, когда киль находится глубоко подъ поверхностью воды, и ничего о волнахъ и не знаетъ!? Только по обѣимъ сторонамъ передней части корабля пѣнятся волны.

Я помнилъ, что мы πορφύρεον переводили «пурпурно - красный», и съ тѣхъ поръ довольствовался этимъ переводомъ. Но это не подходитъ къ бѣлоснѣжнымъ пѣнистымъ волнамъ, потому я и посмотрѣлъ въ толкователь, и не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, когда увидалъ, что оно объяснялось словомъ μέλαν! Это значитъ свѣтлые, солнечные лучи называть темными. Если бы я тогда вспомнилъ связь между πορφύρεος и πορφύρειν и мѣста: δ 427 πολλά δέ μοι κραδίη πόρφυρε κίοντι и E 16 ὡς δ' ὅτε πορφύρη πέλαγος μέγα κύματι κωφῶ, то я довольствовался бы значеніемъ «волнующійся», потому что λ 243 πορφύρεον δ' ἄρα κύμα περιστάθη ὄρει ἴσον означаетъ ничто иное, какъ то, что волны закипѣли кругомъ, поднялись, какъ скала, и скрыли отъ взоровъ любящую пару. Точно также и ἄλς ποφυρέη π 391 ничто иное, какъ ποφυρούσα καὶ κομαινούσα θάλαττα Artem. Oneir. II 20, волнующеся, кипящее, пѣнящееся море. Для меня стало совершенно ясно, что если слово πορφύρεος должно означать цвѣтъ, то цвѣтъ этотъ, очевидно, можетъ быть не темно-черный и не темнокрасный, но только блестящій, бѣлый цвѣтъ; и я нашелъ это значеніе во всѣхъ мѣстахъ Одиссеи, гдѣ оно встрѣчается. Оно стоитъ, какъ прилагательное, при δίπλαξ τ 242; при ῥήγεα δ 298, η 337, κ 353; при σφαῖρα θ 373; при τάπητες υ 151; при φᾶρος θ 84; при χλαῖνα δ 115 и 154 и τ 225. Одно сочетаніе этихъ словъ, какъ и при ε 500 съ предыдущимъ χλαῖνα φοινικόεσσα, достаточно объясняетъ, что только одинъ бѣлый цвѣтъ можетъ подходить всѣмъ этимъ предметамъ. Можно ли полагать, что перина или одѣяло были черного или красного цвѣта? Относительно φᾶρος Калипсо и Цирцеи, по ε 230 и κ 543, говорится даже, что оно было у нихъ ἀργύρεον, т. е., блестящее бѣлое платье.

Другаго цвѣта оно и не могло быть, потому что въ древнемъ мірѣ высшее сословіе, а въ особенности женщины, носили всегда бѣлый цвѣтъ, а темные цвѣта носили только ремесленники и рабочій классъ. Потому въ τ 234 и говорится о хитонѣ: λαμπρὸς δ' ἦν ἡέλιος ὤς, и этимъ объясняются ἀλιπόρφυρα φάρεα ν 108 и ἀλιπόρφυρα ἡλάκατα ζ 53 и 306: одежды и шерстяныя нитки блестяще-бѣлыя, какъ пѣнящееся море, ἄλς πορφυρέη. Въ княжескомъ домѣ только и можетъ быть употребляема лучшая шерсть, именно, бѣлая. Слово «пурпурное море», которымъ перевели ἀλιπόρφυρος, весьма неудачное. Могу свидѣтельствовать, что я изслѣдовалъ морскія явленія всѣхъ цвѣтовъ, при разныхъ обстоятельствахъ и освѣщеніяхъ, но «пурпурнаго» моря никогда еще не встрѣчалъ.

Послѣ сдѣланной ошибки, когда перемѣшали многозначительное латинское слово purpureus съ греческимъ Гомеровскимъ πορφύρεος, стараются подыскивать разнаго рода толкованія и говорятъ, что существуютъ нѣкоторыя моря, гдѣ утромъ или вечеромъ волны бываютъ мутно-краснаго цвѣта. Я этого никогда не замѣчалъ, развѣ только красное небо иногда отражалось по поверхности воды, но и тогда небо только было пурпурное, а никакъ не море. Въ рѣдкія случаи, я, дѣйствительно, замѣчалъ, что когда солнце низко на горизонтѣ, т. е., утромъ или вечеромъ, виднѣлись радужные цвѣта въ волнахъ, но это замѣтно только тому, кто этого ищетъ, но ради этого кто можетъ назвать море пурпурнаго цвѣта? Откуда Voss въ объясненіи Verg. georg. IV 373 получилъ свѣдѣнія, что въ Средиземномъ морѣ волны краснаго и даже темно-коричневаго цвѣта, для меня не понятно, но, конечно, не отъ тамошняго моряка. Въ этомъ случаѣ, не могу говорить по собственному опыту, такъ какъ не ѣздилъ по этому морю, но всѣ моряки, у которыхъ я объ этомъ спрашивалъ, и совершенно надежные люди, единогласно отвѣчали мнѣ, что это, уже само по себѣ невѣроятное предположеніе, ничто иное, какъ чистѣйшая выдумка.

Въ Иліадѣ это не такъ просто, какъ въ Одиссеѣ, такъ какъ тамъ встрѣчаются сочетанія словъ, какъ напр., πορφύρεον αἶμα, гдѣ уже невозможно принять это за «блестящій бѣлый цвѣтъ». Но и тутъ надо только имѣть въ виду, что πορφύρεον означаетъ цвѣтъ, который принимаетъ море при πορφύρεον, и значеніе слова понимается безъ затрудненія. Уже не разъ высказывали удивленіе, что въ древней литературѣ не существуетъ отдѣльнаго слова для блестящей игры морскаго сіянія. Но, за исключеніемъ описаній путешествій нашихъ

натуралистовъ, какъ Forster, Humboldt, Chamisso и др., а такихъ въ древности и не бывало, ибо никто не захочетъ серьезно считать таковымъ бездушнаго компилятора Плинія старшаго, тоже замѣчаніе подходитъ и къ нашимъ писателямъ, исключая Гете. Было бы тщетно искать описанія морскаго сіянія у Лессинга, Шиллера и т. п.; у нихъ не было достаточнаго повода къ этому, какъ и древнимъ писателямъ вообще. Только относительно Гомера, который имѣлъ такое тонкое чутье для всѣхъ явленій природы, и въ особенности моря, это удивленіе основательно. Но я убѣжденъ, что у него слово *πορφύρεος* означаетъ всѣ явленія свѣта въ *πορφύρουσα θάλαττα*, слѣдовательно, и морское сіяніе; только подъ этимъ не слѣдуетъ понимать то, что такъ называется въ Нѣмецкомъ морѣ, и что къ настоящему морскому сіянію относится также, какъ свѣтъ падачей звѣзды къ солнечному. Но въ болѣе теплыхъ климатахъ, въ Средиземномъ морѣ, гдѣ Гете этимъ любовался, и въ особенности между поворотными кругами это явленіе видно въ полномъ совершенствѣ. Я самъ отказываюсь дать описаніе такого явленія, такъ какъ оно, конечно, не могло бы соответствовать дѣйствительности, но я указалъ на Forster'a и Humboldt'a, и приведу ихъ слова. Forster (ges. Schr. I 66) объ этомъ говоритъ: «Какъ только темнѣло, море вокругъ насъ представляло удивительное зрѣлище: весь океанъ казался въ огнѣ, верхушки каждой бьющейся волны казались ярко освѣщенными, подобно фосфорическому свѣту, и по бокамъ корабля прибой волнъ производилъ свѣтлую линію.» Humboldt (Ans. d. Natur, II 3, 66) описываетъ это такъ: «Морское сіяніе принадлежитъ къ самымъ удивительнымъ и великолѣпнымъ явленіямъ природы, и можно имъ любоваться каждую ночь цѣлыми мѣсяцами. Во всѣхъ поясахъ море блеститъ фосфорическимъ свѣтомъ, но кто этого не видалъ подъ поворотными кругами, въ особенности въ Южномъ морѣ, тотъ имѣетъ только слабое представленіе объ этомъ величественномъ зрѣлищѣ. Когда корабль при свѣжемъ вѣтрѣ пересекаетъ пѣнистыя волны, то не насытишься зрѣлищемъ этого близкаго прибоа воды. Каждый разъ, когда стороны корабля облегаютъ волна, кажется, что молніеобразный, голубоватый, или красноватый огонь свергаетъ изподъ кила. Всюду, гдѣ пѣнящаяся волна бьется о твердое вещество, всюду, гдѣ волнуется вода, является этотъ молніеобразный свѣтъ.»

Можно бы подумать, что Гумбольтъ, въ своей послѣдней фразѣ, хотѣлъ представить связь между *πορφύρεον* и *πορφύρεος*: одно — механическая причина, другое — оптическое дѣйствіе.

Короче сказать, морское сіяніе представляетъ свѣтящійся, огнистый блескъ, и именно это значеніе имѣеть πορφύρεος P 547:

ἦύτε πορφυρέην ἴριν θνητοῖσι τανύσση
 Ζεὺς ἐξ οὐρανόθεν, τέρας ἔμμεναι ἢ πολέμοιο
 ἢ καὶ χειμῶνος δυσθαλπέος, ὅς ῥά τε ἔργων
 ἀνθρώπους ἀνέπαυσεν ἐπὶ χθονί, μῆλα δὲ κήδει,
 ὡς ἡ πορφυρέη νεφέλη πυκίασασα ἔ αὐτήν и т. д.

Всѣ толкователи согласятся, что не существуетъ другаго прилагательнаго для радуги, съ ея живыми красками, какъ πορφύρεος, въ каковомъ смыслѣ слово это не требуетъ большаго объясненія, хотя они и толкуютъ: νῶν ποικίλην. Тоже значеніе это слово должно имѣть въ связи съ νεφέλη.

Безъ сомнѣнія, Гомеръ зналъ μέλαν νέφος и νεφέλη μέλαινα. И не существуютъ ли и у насъ лѣтомъ, кромѣ темнымъ тучъ, и свѣтлосіяющія серебристыя, бѣлыя тучи, какъ кромѣ κῶμα μέλαν — темно-синихъ волнь, существуютъ еще κῶμα πορφύρεον — пѣнисто-бѣлыя волны? Если бы это не было нелѣпо, то и я могъ бы, по примѣру другихъ, которые толкуютъ слово πορφύρεος, какъ имъ нравится, и даютъ разныя значенія, то красный, то голубой, то черный цвѣтъ, и я могъ бы всегда объяснять бѣлымъ цвѣтомъ, такъ какъ самыя черныя тучи состоятъ изъ туманныхъ пузырьковъ, а туманъ вблизи тоже бѣлый. Возраженіе, что πυκίασασα понимается, какъ κάλυψασα, и потому предполагать темный покровъ, совершенно неосновательно. Чтобы скрыться отъ взоровъ, Аѣина могла одинаково покрыться свѣтлосіяющей, ослѣпляющей тучей, какъ и темной, неприятной, холодной, дождевой тучей, а по моему первая болѣе подходит богинѣ и самому поэту, чѣмъ вторая.

Но если прилагательное совсѣмъ не относится къ νεφέλη, а надо читать ὡς ἡ πορφυρέη, νεφέλη πυκίασασα ἔ αὐτήν и т. д., то это сравненіе возбуждаетъ иную мысль: «какъ радужная ἴρις въ тучѣ, такъ стояла въ облакѣ свѣтлосіяющая богиня.» Сіяющій свѣтъ есть именно атрибутъ Аѣины, когда она спускалась на землю. Мы нашли въ Δ 75 мѣсто, которое совершенно соотвѣтствуетъ этому, за исключеніемъ тучъ. Оба раза посылается Аѣина между людей, какъ блестящій метеоръ: одинъ разъ, какъ искры выдѣляющій огненный шаръ, другой разъ, какъ свѣтлосіяющая ἴρις, и оба раза неузнанная измѣняется то въ Лаодока, то въ Феникса. Если же богиня должна была являться какъ радуга, то, для вѣрности картины, необходима была туча, безъ которой

и радуга не мыслима: Δ 27 ἴρισιν εἰκίότες, ἅς τε Κρονίων ἐν νέφει στήριξε τέρας μερόπων ἀνθρώπων; но порφυρέη, также какъ ἶρις, можетъ быть только богиня сама, а никакъ не туча, и ποκάσσα «объемлющая». никакъ не значить καλύσσα «покрывающая». Возраженіе, что порφύρεος обыкновенно употребляется толко въ смыслѣ вещественномъ, не кажется мнѣ довольно основательнымъ, чтобы приписать Гомеру неясную мысль, невѣрную картину. Я скорѣе искалъ бы въ этомъ, быть можетъ, ошибочномъ соединеніи порφυρέη νεφέλη древнихъ временъ источникъ недоразумѣнія, почему порφύρεος объясняли, какъ μέλας. Явленія свѣта на морѣ при порφύρειν не были извѣстны, хотя знали, что радуга показывается только въ черной дождевой тучѣ, стоящей противъ солнца; и такимъ образомъ пришли къ несчастной мысли объ atra pubes, въ которое облеклась Аѳина. Вѣроятно, благодаря этой мысли, мы имѣемъ такое неправильное чтеніе nimbo въ Verg. Aen. II 616 arces Pallas insedit limbo effulgens. Кромѣ того, я хотѣлъ бы замѣтить, что χειμῶν δυσθαλής, зловредный вѣтеръ, должно быть scirocco, который имѣетъ описанныя здѣсь качества. Quintus Smirnaeus XI 156 объясняетъ «морозный», но это не можетъ быть принято.

Когда море сіяетъ, моряки говорятъ: «море горитъ», потому что исходящій отъ него свѣтъ не серебристо-бѣлый, какъ днемъ у пѣнистой волны, но горящій, красный. «Весь океанъ, говоритъ Forster, кажется въ огнѣ; это — яркочерное огненное море, въ которомъ повсюду сверкаетъ синеватое пламя». Этимъ же и объясняется порφύρεον αἷμα. Это — выступающая изъ раны яркочерная кровь, но не сгущенная, темнокрасная; это φοῖνιον αἷμα σ 97. Что порφύρεον и φοῖνιον употребляется Гомеромъ въ одинаковомъ смыслѣ, въ этомъ убѣждаетъ меня также Soph. Aias 352 κῆμα φοινίας ὑπὸ ζάλης ἀμφίδρομον и заставляетъ видѣть намекъ на морское сіяніе; это — въ огненномъ кипѣніи ударяющіяся о берегъ волны, которыя извергаютъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и бросаютъ ихъ опять въ море. У Suidas ζάλη объясняется чрезъ μεγάλη ἄλς; не болѣе удачная мысль и замѣнить его словомъ ἄλλα. Что во время горѣнія море сверкаетъ, οἶνος πόντος, и бываетъ какъ οἶνος ἐροθρός ι 163, это едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Откуда-же во всемъ мірѣ и могло произойти это названіе? Къ мѣсту ε 132 хотѣлъ бы я еще замѣтить, что во время грозы море всего сильнѣе горитъ.

порφύρεος θάνατος повторяется три раза. Такъ какъ ε 83 αἰματοέσσα, II 334 и Υ 477 αἵματι непосредственно предшествуетъ, то естественно отнести порφύρεος къ причинѣ смерти — потерѣ крови. Потому и гово-

рится у Artemidor Oneir. II 3 ἡ πορφυροβαφῆς (ἐσθῆς) οἷς μὲν τραύματα, οἷς δὲ πυρετὸν ἐπιφέρει, и I 77 οἱ δὲ ἐκ τῶν ἰων γεγονότες (στέφανοι) κατὰ μὲν τὴν ὄραν ἀγαθοί, παρά δὲ τὴν ὄραν μοχθηροί и т. д. Здѣсь, какъ при κῶμα πορφύρεον и при κῶμα μέλαν, понятие «черный» или «темный» должно быть совершенно оставлено.

Изъ блестящихъ явленій свѣта моря при πορφύρεον произошли разныя значенія πορφύρεος. Сіяющій бѣлый цвѣтъ, или огненно-красный — самые обыкновенные свѣтлосіяющіе цвѣта противъ матовыхъ. Это — свѣжая краска въ противоположность къ полинявшей и отцвѣтшей, такъ что Pindar Nem. II 36, говоря о свѣжей зелени, употребляетъ πορφυρέος ἔρσιον. Напротивъ, Puth. 4, 203 σπαργάνοις ἐν πορφυρέοις значить «въ бѣлыхъ пеленкахъ», ср. Artem. Oneir. II 3 ἀνδρὶ δε νοσοῦντι λευκά ἔχειν ἱμάτια θάνατον προαγορεύει διὰ τὸ τοὺς ἀποθανόντας ἐν λευκοῖς ἐκφέρεισθαι.

Кромѣ ποφυρέη ἴρις, πορφύρεον αἶμα и πορφύρεος θάνατος, въ Илиадѣ встрѣчаются тѣ же выраженія, которыя извѣстны намъ изъ Одиссеи. Не понимаю, почему находятъ необыкновеннымъ, чтобы πορφύρεον κῶμα Ф 326 можно было сказать и о рѣкѣ. Здѣсь πορφύρεον стоитъ въ своемъ первоначальномъ значеніи «волнующійся», именно, какъ этого требуютъ обстоятельства; только не слѣдуетъ переводить «пурпурный». А что касается тканыхъ матерій, которыя обозначаются, какъ πορφύρεα, то нѣтъ причины не принять ихъ за блестящія, бѣлыя. Даже διπλαῖ ποφυρέη въ Г 126 и X 441 имѣлъ на бѣломъ фонѣ цвѣтныя вышивки.

Тому, кто самъ, какъ Гейне, Шамисо, или Гете, видѣлъ море, и смотрѣлъ на него глазами поэта, не пришло бы въ голову иначе переводить πορφύρεον, какъ «въ серебристомъ сіяніи волнъ днемъ», или «въ краснозолотистомъ свѣтѣ бьющейся волны ночью».

Только схолиасту, который на чудный Божій свѣтъ смотрѣлъ только черезъ крашенныя стекла, можно было принять πορφύρεον κῶμα — «блестящую волну» Гомера за черную, или темную, или мутно-красную, или темно-красную.

Подобное же недоразумѣніе, которое случилось съ πορφύρεος и ἀλὶ πῶρ-φορος, случилось и съ словомъ ἰσείδης, которое одинаково съ двумя другими употребляется относительно движущагося моря, и которое переводятъ то «лиловый», то «темный», когда оно у Гомера можетъ означать только бѣлый цвѣтъ. У Artemidor'a въ вышеуказанномъ мѣстѣ было у насъ ἰον λευκόν, χροκίον и πορφύρεον. ἰον μέλαν потому, конечно, не упомянуто, что для вѣнковъ не берутся темные цвѣта. Изъ этихъ четырехъ красокъ мы должны рѣшиться на одну, такъ какъ нельзя

предполагать, что ἴον въ соединеніи ἰοειδής имѣеть другое значеніе, тѣмъ въ соединеніи ἰοδνεφής. Но вотъ встрѣчается это слово въ соединеніи съ εἶρος δ 135, относительно пряжи шерсти. Если въ то время извѣстна была цвѣтная шерсть, то пряжа эта могла имѣть всякую краску, но въ ζ 53 и 306 говорится ἡλάκατα στρωφῶς ἀλιπόρορα, такъ что здѣсь по крайней мѣрѣ шерсть на платьяхъ бѣлая. Очень важное для насъ мѣсто въ ι 426, гдѣ руно на тѣлѣ барана опять называется ἰοδνεφές εἶρος. Такъ какъ не существуютъ шафранно-желтыя или красныя овцы, то слово ἴον уже никакъ не можетъ означать эти двѣ краски, и изъ двухъ остальныхъ, λευκόν и μέλαν, нужно выбрать первую, т. е. бѣлую, такъ какъ для овецъ это самый естественный цвѣтъ. Въ видѣ исключенія, бываютъ иногда и черныя овцы, у насъ, какъ и у Гомера, но черныя овцы имѣли у древнихъ символическое значеніе, при обѣтахъ или жертвоприношеніяхъ. Гдѣ только идетъ рѣчь объ овцахъ, вездѣ онѣ бѣлы, какъ и у насъ: Γ 198 οἶων μέγα πῶν ἀργενάων, Σ 528 πῶσα καλὰ ἀργενέων οἴων, κ 85 ἄργοφα μῆλα νομεύων, ρ 472 ἀργενῆσ' οἴεσσιν. Съ самаго начала сдѣлана была ошибка въ томъ, что ε 72 ἴον перевели «фіялки», и потомъ ἰοειδής и ἰοδνεφής «фіялковый цвѣтъ». Когда мы говоримъ «фіялки», то сейчасъ вспоминаемъ наши мартовскія темно-лиловыя фіялки; но Гомеръ ихъ, вѣроятно, не видалъ, такъ какъ ихъ рѣдко можно встрѣтить въ Греціи и малой Азій. Чтобы выразить общепонятный цвѣтъ, Гомеръ ужъ никакъ не могъ выбрать, почти никому изъ его слушателей неизвѣстное, растеніе. Трудно опредѣлить окончательно, что, собственно, надо подразумѣвать подъ словомъ ἴον. Если же ἰοδνεφής должно означать цвѣтъ руна благородныхъ овецъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ἴον λευκόν означаетъ не ἴον μέλαν, а λευκόν. Если ἰοδνεφής составлено изъ ἴον и νέφος, то это означаетъ бѣлоснѣжныя тучки, которыя и мы, какъ и Гомеръ, называемъ «барашками», а ἰοδνεφές εἶρος означаетъ бѣлоснѣжное руно. Откуда придумали «фіялковые» барашки, пусть понимаетъ кто можетъ. Не слѣдовало бы Фоссу употреблять слово «темный», которое будто-бы стоитъ у Гомера въ его опредѣленіяхъ о краскахъ, но которое собственно только въ темныхъ понятіяхъ самаго Фосса. Существуютъ, конечно, и у насъ овечьи стада съ болѣе темной шерстью, но неужели Гомеровскіе великолѣпные бараны, эти καλοῖτε μεγάλοτε овцы, могли быть какимъ нибудь грязнымъ стадомъ? Точно также Афродита, которая родилась изъ пѣны, и которую Гомеръ ηυ. 5, 18 называетъ ἰοστέφανος, могла имѣть вѣнокъ только изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, а уже

никакъ не изъ темныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что *ιοειδής πόντος* означаетъ пѣнисто-бѣлое море.

Въ заключенiе, мнѣ хотѣлось бы еще указать на нѣкоторыя слова, которыя не сочетаются съ *πορφύρειν*. Когда при ровной тихой водѣ, *λευκή γαλήνη* κ 94, лучи свѣта отражаются, какъ отъ полированной мраморной доски, и тучи не мѣшаютъ, *ἀλλὰ μάλ' αἴθρη πέπταται ἀνέφελος*, *λευκή δ' ἐπιδέδρομεν αἴγλη*, тогда море представляетъ изъ себя, точно, блестящее чистое зеркало, и о немъ говорится *ἄλς μαρμαίρεται* 275 или *ἄλς λευκή* *Hom. h. 33, 15.*

Эта способность блестѣть, или сверкать, не есть принадлежность одного моря или воды, но вѣхъ гладкихъ тѣлъ, будь они въ прозрачномъ или густомъ, въ жидкомъ или твердомъ видѣ. Напротивъ того, надо замѣтить, что къ значенiю словъ *μέλας* и *ἡεροειδής* принадлежитъ большая прозрачность морской воды. Само собой разумѣется, что это никакъ нельзя назвать чернымъ, какъ, напр., мы называемымъ молоко бѣлымъ или вино краснымъ. Точно также Гомеръ не можетъ назвать воду темною, оттого что на нее падаетъ тѣнь тучъ. Какъ часто на морѣ я вспоминалъ эти чудныя мѣста *Η 64, Δ 277, ρ 406* и *ξ 304*, когда приближался дождь, предшествующій вѣтеръ кудрявилъ поверхность воды, и темная тѣнь отъ тучи ложилась на море *μελάντερος ἤυτε πίσσα!* Но это явленiе не имѣетъ ничего общаго съ движенiемъ или крученiемъ воды, *φρίξ*, не смотря на *δ 402*; и безъ этого, смѣющаяся, освѣщенная солнцемъ вода можетъ сдѣлаться темной. Словомъ, Гомеръ называетъ воду темной, *μέλας*, потому что она свѣтла, ясна и прозрачна. Схолиасты имѣли очень слабое понятiе о тонкой и вѣрной наблюдательности природы Гомера, и, къ сожалѣнiю, новѣйшіе толкователи слишкомъ имъ довѣряютъ. Когда строитель принужденъ, на наружной стѣнѣ какого нибудь строенiя, ради симметрiи, сдѣлать фальшивое окно, то для болѣе вѣрнаго обмана онъ покрываетъ черной краской тѣ мѣста, которыя должны изображать стекла. И будь домикъ даже изъ Нюренбергскихъ игрушекъ, бѣлый, желтый или красный, вѣ стекла оконъ его красятся въ черную краску, именно потому что свѣтъ, проходя черезъ прозрачное стекло, кажется чернымъ для смотрящихъ снаружи, и чѣмъ оно чище и прозрачнѣе, тѣмъ чернѣе оно кажется. На томъ-же основанiи, прозрачная вода кажется черной, разъ дна не видать. Не грязная и мутная вода можетъ казаться темной, а именно свѣтлая, прозрачная, въ которой лучи свѣта такъ глубоко проникають, что исчезаютъ. Для свѣжаго питья или для помсканья бѣлья, употребляется только чистая

вода, и потому въ В 825 рѣчная вода и ζ 91 изъ глубины выходящая ключевая вода называется μέλαν ὕδωρ или Π 3 δνοφερὸν ὕδωρ, и искрящіяся капли похожи на свѣтлыя слезы: δάκρυα θερμὰ χέων ὡς τε κρήνη μελάνυδρος, ἢ τε κατ' αἰγίλιπος πέτρης δνοφερὸν χέει ὕδωρ. Это ошибочное понятіе — принять λευκὸν ὕδωρ ε 70 и μέλαν ὕδωρ δ 359 за противоположности. Первое, λευκὸν «бѣлый, блестящій» говорится объ играющихъ лучахъ на поверхности, а второе μέλαν «темный» говорится о лучахъ, проникающихъ въ прозрачную воду, которая и кажется темной. Потому то и говорится о морѣ, не смотря на его свѣтлую и прозрачную, какъ хрусталь, воду, что оно μέλας πόντος, а волны μέλαν κῶμα. Возможно ли изъ этихъ словъ понять нѣчто въ родѣ чернилъ? Когда въ ε 353 богиня прячется въ μέλαν κῶμα, то это ничто иное, какъ то, что она входитъ въ бездонную темную глубину, какъ въ δ 510 τὸν δ' ἐφόρει κατὰ πόντον ἀπείρονα κυμαίνοντα. Само собою теперь понятно изъ этого объясненія, какъ прозрачное можетъ казаться темнымъ; это подходитъ также и къ противостоящему солнцу μέλαν νέφος, но не относится къ νύξ μελαίνα. νηὺς μελαίνα имѣетъ свое прилагательное или отъ черной краски съ дегтемъ, которымъ по θ 35 окрашивается корабль раньше даже, чѣмъ спускать его въ море, что уже практиковалось во времена Гомера, или же оттого, что на бѣломъ блестящемъ морѣ корабль можетъ казаться только чернымъ предметомъ. Отъ пребыванія въ водѣ, корабль никогда не сдѣлается чернымъ; скорѣе черный корабль сдѣлается сѣрымъ.

Также какъ μέλας, къ прозрачности морской воды относится и ἡεροιδής. Тамъ, гдѣ пѣнистая волна у береговъ теряетъ свой бѣлы йцвѣтъ, подрывая дно морское, и имѣетъ грязноватый сѣрый видъ, говорится, что море ἄλς πολυή. Такъ, далѣе, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, гдѣ вода становится прозрачнѣе, но еще такъ не глубоко, что видно песчаное дно, она принимаетъ желтоватый видъ; тамъ же, гдѣ дна не видать, но глубина еще не слишкомъ велика, какъ на примѣръ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, вода кажется зеленой.

Всюду около берега вода зеленая, и потому называется у Овидія, ars. am. I 402. Π 92 viridis aqua, а у Плутарха mor. s. 767 χλωρὸν ὕδωρ. Для моряковъ эти перемѣны цвѣта воды служатъ предостерегательнымъ знакомъ; чѣмъ она свѣтлѣе, тѣмъ мелче. Въ болѣе глубокихъ моряхъ, какъ Средиземное море или океанъ, зеленый цвѣтъ переходитъ мало по малу въ синій, по мѣрѣ того какъ удаляются отъ берега, и море становится глубже, и чѣмъ глубже вода, тѣмъ темнѣе синій цвѣтъ. Никогда не забуду, какъ въ первый разъ рулевой показалъ мнѣ

прозрачность и голубой цвѣтъ морской воды, бросая черезъ бортъ оставшіяся отъ обѣда бѣлыя кости. Долго могъ я слѣдить, какъ онѣ опускались въ море, и какъ ихъ бѣлый цвѣтъ переходилъ въ болѣе и болѣе въ темный синій цвѣтъ. Я потомъ часто самъ занимался этимъ зрѣлищемъ; и на самомъ дѣлѣ, это такъ поразительно красиво, что обязательно показывается каждому юнгѣ, каждому новичку на морѣ. Еще въ преклонныхъ годахъ, старикъ Nettelbeck вспоминалъ съ восторгомъ зрѣлище морской глубины. Вотъ его слова (біографія 2-е изд. стр. 216): «Когда удаляются отъ берега, морская вода мѣняется, дѣлается чище, синѣе, прозрачнѣе. Если же при этомъ совершенная тишь, и поверхность воды не двигается, то это невыразимое наслажденіе смотрѣть въ эту хрустальную прозрачную воду, какъ въ болѣе густое небо подъ собою.» Это и есть *ἡεροειδῆς πόντος*.

Морская вода въ тонкихъ слояхъ такъ прозрачна, какъ только можетъ быть прозраченъ воздухъ; и равно какъ воздухъ придаетъ голубой видъ всѣмъ отдаленнымъ предметамъ, потому что самъ голубой, тоже самое дѣлаетъ и морская вода въ глубокихъ слояхъ. И когда лучи свѣта, выходя изъ воды, падаютъ на скалу, то придаютъ ей голубоватый видъ, точно также и воздухъ придаетъ голубой цвѣтъ отдаленнымъ горамъ. Это и есть *ἡεροειδῆς πέτρη* μ 233. Нужно ли напоминать читателямъ о голубой пещерѣ около Капри, которая, благодаря тому-же явленію — отраженію лучей изъ воды, имѣетъ это поражающее волшебное освѣщеніе? Это и есть *σπέος ἡεροειδέος* μ 80 и ν 366, *ἄντρον ἡεροειδέος* ν 103 и 347.

Какая ужасная была ошибка перевести въ этой чудной картинѣ E 770 *ἡεροειδέος* чрезъ «пасмурный, сумрачный, туманный, сѣроватый»! Это самый ясный, прозрачный, голубой цвѣтъ, какой только извѣстенъ греческому голубому небу:

*ὄσσον δ' ἡεροειδέος ἀνὴρ ἶδεν ὀφθαλμοῖσιν
ἦμενος ἐν σκοπιῇ, λεύσσω ἐπὶ οἴνοπα πόντον,
τόσσον ἐπι θρώσχοσαι θεῶν ὑψηχέες ἴπποι.*

«Насколько человекъ видитъ очами, когда съ вышины смотреть на сіяющее море [проникаетъ прозрачное, голубое] настолько прыгаютъ рѣзвые кони богинь.» Вѣдь, сумрачное, туманное, сѣроватое мѣшаетъ далеко смотрѣть? И это будто бы говорилъ Гомеръ, тамъ гдѣ хотѣлъ описать неизмѣримую даль!?

(Продолженіе въ слѣдующемъ №)

Причины малой успѣшности по математикѣ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Весьма часто приходится слышать мнѣніе, будто для пониманія математики необходима особенная способность. Это мнѣніе совершенно неосновательное.

«Продуктивная математическая голова» говоритъ одинъ извѣстный писатель (Фалькъ) «должна, конечно, родиться, какъ и поэтъ; «но какъ миллионы непродуктивно-поэтическихъ головъ понимаютъ «сущестующія стихотворенія и читаютъ ихъ съ наслажденіемъ, точно «также каждый человѣкъ со здравымъ смысломъ долженъ быть «одаренъ способностью воспринимать найденныя уже математическія «истины. Вся математика основана на простомъ представленіи о «пространствѣ и числѣ, а кто этого представленія не можетъ имѣть, «тотъ слабоумный; сочетаніе отдѣльныхъ представленій основано «на простомъ логическомъ мышленіи, а кто не въ состояніи имъ «пользоваться, у того нелогическая голова и тотъ не будетъ успѣвать «и во всякой другой наукѣ».

Между тѣмъ каждый преподаватель часто имѣлъ случай убѣждаться, что математика, особенно въ началѣ, представляется камнемъ преткновенія чуть-ли не для большинства учащихся. Алгебра, напр., часто кажется ученику какою-то хитрою механикою, какою-то игрою въ буквы, придуманною, по его мнѣнію, лишь для того, чтобы его терзать и поглощать весьма значительную часть его времени безъ видимой для него пользы; на буквенныя величины онъ смотритъ именно какъ на буквы, неимѣющія для него никакого содержанія, какъ на пѣшки, которыя онъ долженъ разставлять и сочетать по извѣстнымъ шаблонамъ и не сознаваемымъ имъ, но твердо заученнымъ правиламъ.

Такъ какъ, однако, у большинства нашего учащагося юношества нельзя же отрицать здраваго смысла, и такъ какъ многіе ученики, считаемые весьма прилежными и довольно свѣдущими въ другихъ наукахъ, тѣмъ не менѣе оказываются математическими невѣждами, то, на основаніи вышеприведеннаго взгляда Фалька, мы должны придти къ заключенію, что причины такого неуспѣшительнаго явленія, т. е., низкаго уровня математическаго знанія въ большинствѣ изъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, надо искать не столько въ лѣтніи юноши или въ его неразвитости, въ неспособности его къ мышленію, а гораздо глубже — въ насъ, преподающихъ: мы-то наичаще главные виновники неуспѣшности нашихъ учениковъ.

Часто мы беремся за трудное дѣло преподаванія съ большимъ жаромъ, но безъ опредѣленнаго, заранѣе строго обдуманнаго плана, а такъ, по внушенію даннаго момента, и полагаемъ, что мы свое дѣло сдѣлали, когда формально выполнили предписанное программю. Въ результатъ же часто оказывается, что мы не только ничему путному не научили вѣранныхъ намъ дѣтей, но и прямо нанесли имъ вредъ, уже тѣмъ, что понапрасну отняли у нихъ драгоцѣнное, невозвратимое время.

Иной изъ насъ принимается за дѣло преподаванія въ розовой надеждѣ на блистательный успѣхъ: онъ чувствуетъ или, по крайней мѣрѣ, думаетъ, что чувствуетъ въ себѣ, всѣ задатки хорошаго педагога, и что онъ, при своемъ усердіи, навѣрно успѣетъ сдѣлать изъ всѣхъ своихъ учениковъ отличныхъ математиковъ. Усердіе его дѣйствительно велико, намѣренія — преблагія. Онъ поэтому проходитъ съ классомъ не только предписанное количество учебнаго матеріала, но, недостаточно провѣривъ въ ученикахъ знаніе пройденнаго, находитъ еще нужнымъ прибавлять отъ себя необязательные отдѣлы и массу подробностей, направленныхъ, по его миѣнію, на всестороннее и полное математическое развитіе учениковъ; задаваемые имъ на домъ письменныя работы требуютъ глубокаго и весьма напряженнаго мышленія, часто и остроумія и большой ловкости въ искусственныхъ приѣмахъ рѣшенія — качествъ, которыя мы, за нѣкоторыми развѣ исключеніями, едва-ли можемъ предполагать во всѣхъ ученикахъ класса. Постороннему наблюдателю покажется, что этотъ учитель мастеръ своего дѣла и что, при такомъ его усердіи, успѣхъ обезпеченъ. Но увы! — на первомъ же экзаменѣ этотъ преподаватель убѣждается, что почти весь его трудъ былъ напрасенъ, что только весьма незначительная доля учениковъ

кое-что усвоила по математикѣ, а что всё остальные поголовно остались математическими невѣждами, какими были до того, а пожалуй и еще большими, такъ какъ они не только ничего путнаго не знаютъ изъ теоріи и не могутъ справиться съ простою задачею, но еще зачастую несутъ при отвѣтахъ невообразимую чепуху, чего они прежде, не бывъ вовсе знакомы съ математикою, конечно, не дѣлали.

И такъ, причины неуспѣшности ввѣренныхъ намъ дѣтей мы должны искать не въ чемъ иномъ, какъ въ насъ же самихъ: если, по меньшей мѣрѣ, двѣ трети нашего класса не успѣло сколько-нибудь удовлетвори-тельно усвоить преподаваемый нами предметъ, то въ этомъ кругомъ виноваты мы, преподаватели, въ томъ, конечно, предположеніи, что нѣтъ другихъ, побочныхъ причинъ и неблагоприятныхъ условій, тормозящихъ дѣло. Мы могли бы указать на такія побочныя причины, но считаемъ неудобнымъ объ этомъ высказаться здѣсь, тѣмъ болѣе, что имѣемъ въ виду разсмотрѣть причины неуспѣховъ, вызываемыя лишь нами, и потому легко устранимыя при здоровомъ обсужденіи этого дѣла и при осторожныхъ приемахъ преподаванія.

Если отсутствіе дѣйствительно удовлетворительныхъ математическихъ познаній у большинства учениковъ мы приписываемъ причинамъ, кроющимся, главнымъ образомъ, въ преподавателѣ, то читатель, конечно, вправѣ ожидать отъ насъ не только вѣскихъ доводовъ въ подтвержденіе нашихъ словъ, но и указанія мѣрѣ, которыя могли бы сколько нибудь устранить такія причины и содѣйствовать поднятію математическаго уровня до надлежащей высоты, отвѣчающей назначенію и цѣли гимназій, какъ общеобразовательнаго учебнаго заведенія. Для удовлетворенія такихъ справедливыхъ ожиданій читателя, мы позволимъ себѣ высказать нашъ взглядъ на это дѣло.

Главная цѣль средняго учебнаго заведенія, несомнѣнно, должна состоять въ томъ, чтобы приучать учащихся къ научному мышленію, дать имъ основательное, но общее образованіе и надлежащую подготовку къ послѣдующему спеціальному, а никакъ не должна состоять въ спеціализаціи того или другаго предмета. Между тѣмъ наши среднія учебныя заведенія, во многихъ случаяхъ, теряютъ характеръ общеобразовательныхъ институтовъ, отчасти въ слѣдствіе того, что программы отдѣльныхъ предметовъ сами по себѣ довольно обширны, по большей же части потому, что тотъ или другой преподаватель считаетъ свой предметъ болѣе существеннымъ, самовольно выходитъ изъ предѣловъ программы въ ущербъ прочимъ предметамъ, такъ

и мѣтитъ болѣе на знанія, чѣмъ на знаніе, и явно силится дѣлать изъ своихъ учениковъ готовыхъ специалистовъ.

По нашему крайнему разумѣнію, во всякомъ учебомъ предметѣ вообще, а въ частности въ математикѣ, слѣдуетъ держаться основнаго педагогическаго принципа: *Non multa, sed multum*, т. е., слѣдуетъ распространяться не въ ширину, а въ глубь, не гнаться за количествомъ свѣдѣній, а за качествомъ ихъ. Для этого мы не должны, вообще, ставить ученику требованій, выходящихъ изъ предѣловъ утвержденной программы и превышающихъ его умственные силы, а постоянно помнить, что мы имѣемъ дѣло съ юношескимъ, не достаточно еще зрѣлымъ умомъ, и что дѣтская голова не чуланъ, въ который, безъ вреда для учащагося, можно пихать свѣдѣнія въ какомъ угодно количествѣ, не заботясь о ихъ педагогической цѣлесообразности: мы уже должны быть вполне довольны, если наши ученики удовлетворительно справляются съ предписаннымъ, и безъ того довольно значительнымъ количествомъ учебнаго матеріала. Если бы мы, на нашихъ урокахъ, постоянно помнили, что и мы когда-то были дѣтьми, и на школьной скамьѣ часто не понимали напыщенныхъ словъ красноречиваго учителя или растянутыхъ, яко-бы научныхъ выкладокъ объемистаго учебника, и если бы чаще становились въ центръ не великаго умственнаго дѣтскаго кругозора, то мы оказались бы истинными благодѣтелями дѣтей, общества и государства, и достигали бы несравненно лучшихъ результатовъ.

Математика, въ слѣдствіе понуждающаго своего характера сосредоточивать всѣ умственные силы ученика на одной точкѣ и не позволять ему уклоняться отъ этой точки ни въ какую сторону, служить уздою для пылкой фантазіи, а, по неумолимости своихъ выводовъ, наилучшимъ коррективомъ противъ умственной вялости и недостаточной точности мышленія. Если же мы, въ преподаваніи математики, станемъ вдаваться въ излишнія подробности и мелочи, то этимъ самымъ непремѣнно будемъ отвлекать юношескій, еще не устойчивый умъ отъ существеннаго, учащійся будетъ лишенъ возможности сосредоточивать свои мысли на главномъ и теряться въ чрезмѣрномъ разнообразіи выводовъ; въ результатъ окажутся только громкія фразы, числа, формулы и пр., импонирующія несвѣдущему наблюдателю, но никакъ не способныя обмануть знатока дѣла; ученики нахватаютъ массу несвязныхъ и непроизводительныхъ свѣдѣній, способствующихъ только ихъ самоиѣнью и напыщенности, оставятъ школу незрѣлыми

и недоучками и тѣмъ дадутъ контингентъ людей, неспособныхъ ни къ какому серіозному труду ни на какомъ поприщѣ общественной или государственной дѣятельности.

Въ нашемъ классѣ найдутся, конечно, двѣ — три особенно выдающіяся математическія головы, для которыхъ тотъ объемъ математическихъ свѣдѣній, какой мы здѣсь разумѣемъ, является нѣсколько узкою ареною; но убѣжденіе въ громадной пользѣ математики заставляетъ желать, чтобы съ этимъ предметомъ основательно ознакомились не единичные ученики, а весь классъ. Поэтому мы не должны задаваться слишкомъ отдаленными цѣлями, а надлежитъ довольствоваться по возможности меньшимъ, но за то болѣе солиднымъ, слѣд., и болѣе плодотворнымъ количествомъ математическихъ знаній, доступныхъ преобладающему большинству учениковъ.

Задаваемые на домъ задачи весьма часто не разрѣшимы для большинства: одинъ справляется съ ними легко, другіе сидятъ надъ ними много часовъ, а остальные просто списываютъ у другихъ, или, если ученикъ подобросовѣстнѣе, ничего не представляетъ учителю или же подаетъ одинъ только вздоръ. По нашему мнѣнію, болѣе трудныя задачи должны быть рѣшаемы и подробно разбираемы въ классѣ, а на домъ слѣдуетъ задавать болѣе легкія и подобныя разрѣшеннымъ, но всегда рассчитанныя на средній математическій уровень класса; тогда большинство учениковъ въ состояніи будетъ самостоятельно и добросовѣстно выполнять свои обязанности, не упадетъ духомъ, а окажется ободреннымъ и нравственно удовлетвореннымъ, тогда какъ неуспѣхъ, послѣ напряженнаго, но непроизводительнаго труда, способенъ лишь дѣлать ученика апатичнымъ и равнодушнымъ къ нашему предмету. Часто намъ приходилось присматриваться къ проблемамъ, заданнымъ учителемъ на домъ, и — откровенно заявляемъ это — мы сами задумывались и не легко усматривали удобный ходъ ихъ рѣшенія, до того эти задачи представляли собою нѣкоторымъ образомъ скачки съ препятствіями, хотя рѣшающіе ученики не обладали въ достаточной мѣрѣ необходимыми для этого элементарными свѣдѣніями. При такихъ приѣмахъ, конечно, нечего ожидать успѣховъ, и только понапрасну у учениковъ отнимается драгоцѣнное время, которое они съ большею пользою могли бы посвящать другимъ образовательнымъ предметамъ, хотя бы, напр., музыкѣ или рисованію: этимъ способомъ мы изъ нашихъ учениковъ можемъ дѣлать только умственныхъ калѣкъ, въ послѣдствіи трудно излечимыхъ.

Успѣхъ класса можетъ считаться удовлетворительнымъ лишь тогда, когда по меньшей мѣрѣ двѣ трети учениковъ усвоили пройденное и легко могутъ слѣдовать за учителемъ дальше. Противный случай доказываетъ одно изъ двухъ: или неуспѣвающіе попали въ классъ по чрезмѣрной снисходительности нашей, или преподаваніе идетъ слишкомъ быстро. Въ обоихъ случаяхъ отвѣтственность всецѣло падаетъ на насъ, такъ какъ, въ первомъ случаѣ, мы наносимъ нашимъ protégés одинъ лишь вредъ въ будущемъ, во второмъ — мы, въ слѣдствіе слишкомъ большаго рвенія двигать классъ впередъ какъ можно скорѣе, не даемъ ученикамъ достаточно оріентироваться и умственно окрѣпнуть. Въ дѣлѣ обученія юношества какъ нельзя лучше примѣнима поговорка: *festina lente*. Особенно въ третьемъ и четвертомъ классахъ не слѣдуетъ торопиться, а надо осторожно идти впередъ, рассчитывая каждый шагъ, и не переходить отъ одного математическаго отдѣла къ другому раньше, чѣмъ большинство класса не успѣло достаточно усвоить пройденное. Ходъ преподаванія, въ этомъ случаѣ, конечно, окажется вначалѣ труднымъ и весьма медленнымъ, мало математическаго матеріала окажется разработаннымъ, но за то осмысленно заученное станетъ неотъемлемымъ умственнымъ достояніемъ учащагося: отказываясь отъ достиженія быстрой и кажущейся ббльшей пользы, мы этимъ кладемъ прочный фундаментъ для будущаго зданія. Тогда, и только тогда, объ учителѣ можно сказать, что онъ добросовѣстно исполнилъ возложенныя на него обязанности и находится на высотѣ своего призванія, а училище окажется дѣйствительно хорошимъ питомникомъ для будущихъ, тѣлесно и умственно здоровыхъ гражданъ.

Мы считаемъ нужнымъ указать еще на одно явленіе, способное подтачивать уже въ корнѣ всходящіе математическіе отпрыски. Ясно, что ариѳметика есть первоначальная почва, въ которую кладемъ сѣмена для будущихъ математическихъ плодовъ: чѣмъ эта почва тщательнѣе воздѣлана умѣлою рукою, тѣмъ болѣе мы вправѣ ожидать обильной жатвы; если же воздѣлываніе почвы поручается неумѣлому, наскоро и для вида обрабатывающему одинъ только поверхностный слой ея, то надо отказаться отъ надежды даже на весьма посредственный урожай. Мы съ увѣренностью не можемъ высказаться о ходѣ преподаванія ариѳметики въ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ нихъ преподаваніе происходитъ, повидимому, раціонально; да иначе и быть не должно, такъ какъ эти заведенія обставлены такъ, что могутъ воздавать ариѳметикѣ

должное вниманіе; но въ большинствѣ неправительственныхъ учебныхъ заведеній этого рода, сильно размножившихся, особенно въ столицахъ, подъ разными громкими наименованіями, преподаваніе этого столь потребнаго предмета способно вызвать горькую улыбку. Съ нѣкоторыми изъ этихъ училищъ мы, волею судьбы, имѣли случай близко ознакомиться, такъ что мы говоримъ здѣсь на основаніи личныхъ наблюденій. Заинтересованные въ возможно большемъ доходѣ и, надо полагать, въ видахъ экономіи, иные содержатели этихъ училищъ, подвизавшіеся прежде на поприщахъ, далеко не педагогическихъ, часто поручаютъ преподаваніе ариѳметики въ низшихъ классахъ лицамъ, не имѣющимъ ни надлежащаго ценза, ни даже достаточной опытности, тогда какъ въ этихъ именно классахъ есть мѣсто наиопытнѣйшаго изъ наличныхъ преподавателей. И вотъ эти Цыфиркины снабжаютъ наши средніе классы поголовными Митрофанушками, для которыхъ не нужна математика, какъ ихъ фонъ-Визинскому прототипу не нужна была географія: извозчикъ свезетъ! Вотъ, и возитесь съ этими искалеченными юношами, и преподавайте имъ алгебру и геометрію: ихъ учить — значитъ воду толочь. — Намъ неудобно подробнѣе высказываться здѣсь объ этихъ рассадникахъ науки; но мы, по всей вѣроятности, будемъ имѣть поводъ вернуться къ нимъ другой разъ.

Въ заключеніе, считаемъ умѣстнымъ обратить вниманіе терпѣливаго читателя еще на одну изъ слабыхъ сторонъ преподаванія математики, именно алгебры, въ 3-мъ или 4-мъ классахъ. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что послѣдующій успѣхъ по какому-либо предмету зависитъ преимущественно отъ основательнаго знанія начального курса этого предмета; въ данномъ, интересующемъ насъ случаѣ, будущій успѣхъ обусловливается твердымъ и сознательнымъ знаніемъ первыхъ четырехъ алгебраическихъ дѣйствій: нѣтъ такого знанія, нечего рассчитывать на успѣхъ въ послѣдующемъ. Наилучшимъ же критеріемъ знанія учениками этихъ основныхъ дѣйствій, и главною основою послѣдующаго курса алгебры мы считаемъ статью «о разложеніи многочленовъ на простые множители.» Здѣсь — то ученикъ показываетъ, на сколько онъ твердъ во всемъ до того пройденномъ, на сколько онъ понимаетъ внутреннее содержаніе алгебраическихъ выраженій и взаимное отношеніе величинъ; здѣсь легко контролировать пониманіе значенія скобокъ, знаковъ дѣйствій и знаковъ относительныхъ величинъ и проч.; здѣсь ученикъ испытываетъ и упражняетъ умственные свои силы въ преобразованіи

формуль, составляющемъ существенную цѣль алгебры. Можно смѣло утверждать, что эта статья, систематически пройденная и достаточно усвоенная, въ высшей степени плодотворна, значительно облегчаетъ дальнѣйшій ходъ преподаванія и даетъ возможность гораздо быстрее двигать учениковъ впередъ въ слѣдующихъ классахъ; не ознакомившись въ достаточной мѣрѣ съ этимъ отдѣломъ, ученикъ не справится съ дѣйствіями надъ дробями или съ уравненіями, содержащими многочленные знаменатели, и въ послѣдствіи окажется лишеннымъ прекраснаго средства для простѣйшихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изящныхъ приѣмовъ рѣшенія математическихъ вопросовъ; наконецъ, во всемъ послѣдующемъ курсѣ алгебры ученику то и дѣло придется прибѣгать къ разнымъ преобразованіямъ, въ основаніи которыхъ лежитъ разложеніе на множители. Служебная сторона этой статьи очевидна.

Между тѣмъ мы неоднократно убѣждались, что на упомянутую статью не обращается должное вниманіе: ее или совершенно обходятъ, или же касаются лишь вскользь. Доказательствомъ можетъ служить отсутствіе сколько-нибудь достаточно полной статьи о разложеніи на множители во всѣхъ почти, даже ходкихъ, учебникахъ алгебры. Крайне скуднымъ можно назвать то, что эти учебники преподносятъ намъ въ этомъ отношеніи: два — три примѣра на вынесеніе общаго множителя за скобки, на разложеніе разности двухъ квадратовъ — и дѣлу конецъ. Мы убѣждены, что сказанная статья, достаточно подробно и систематически изложенная, есть единственный прочный фундаментъ, на которомъ смѣло можно строить дальше, и что потраченное на нее время съ лихвою вознаградится въ послѣдствіи.

Хотя мы нисколько не имѣемъ поползновенія навязывать нашимъ собратамъ наши взгляды и методъ изложенія упомянутаго алгебраическаго отдѣла, тѣмъ не менѣе считаемъ не бесполезнымъ вкратцѣ познакомить съ этимъ методомъ нашихъ молодыхъ товарищей, впервые приступающихъ къ трудному дѣлу преподаванія. Эти наши товарищи навѣрное извинятъ насъ, если примутъ во вниманіе, что знать предметъ — одно, а преподавать его — иное, и что мы приобретаемъ опытность лишь послѣ продолжительной практики и послѣ ряда негласныхъ наставленій, данныхъ намъ нашими-же учениками: docendo discimus.

Пройдя, сколь можно основательнѣе, первыя 4 дѣйствія надъ цѣлыми алгебраическими количествами, мы пополняемъ этотъ отдѣлъ разсмотрѣніемъ частныхъ случаевъ умноженія и дѣленія, именно:

возвышенія въ квадратъ двучлена, умноженія суммы двухъ количествъ на ихъ разность и дѣленія суммы или разности одинаковыхъ степеней двухъ количествъ на сумму или на разность ихъ основаній. Въ послѣднемъ случаѣ, мы, рядомъ частныхъ примѣровъ, стараемся предварительно наводить учениковъ на законъ составленія частныхъ и остатковъ, и только тогда разсматриваемъ общій случай, когда большинство класса ясно усмотрѣло этотъ законъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, въ среднихъ классахъ, которымъ отвлеченныя выкладки не легко даются, индуктивный методъ долженъ предшествовать дедуктивному, аналитическому. Продѣлавъ, въ примѣненіе пройденнаго, необходимое число примѣровъ (для этого вполне достаточны задачи 208—250 и 259—273 изъ 2-го отдѣла задачника Бычкова*) и убѣдившись въ достаточномъ навыкѣ учениковъ, мы переходимъ къ задачамъ 442—491, въ которыхъ приходится лишь брать за скобки общаго наибольшаго множителя всѣхъ членовъ многочлена или отдѣльныхъ группъ членовъ; затѣмъ продѣлываемъ задачи 574—635, къ которымъ примѣняются формулы $(a+b)(a-b)$ и вышесказанные частные случаи дѣленія. При рѣшеніи этихъ задачъ, мы настаиваемъ на томъ, чтобы разности одинаковыхъ четныхъ степеней непременно разсматривались, какъ разности квадратовъ, и рядомъ примѣровъ убѣждаемъ учениковъ въ большей успѣшности работы при такомъ именно взглядѣ на двучленъ вида $a^{2m}-b^{2m}$, такъ какъ, при другомъ приѣмѣ, получаемые многочленные множители всегда оказываются еще разложимыми, и ученикъ часто склоненъ считать задачу оконченною, тогда какъ она въ дѣйствительности еще не окончена. Покончивъ удовлетворительнымъ образомъ и съ этими задачами, переходимъ наконецъ къ задачамъ 636—699. Изъ нихъ задачи 636—661 служатъ для разложенія на множители трехчлена 2-ой степ., представляющаго квадратъ двучлена (способъ разложенія другихъ трехчленовъ разсматривается въ послѣдствіи, послѣ рѣшенія квадратнаго уравненія), а къ остальнымъ примѣняется все предшествующее послѣ надлежащей комбинаціи членовъ многочлена. Конечно, нѣтъ надобности продѣлывать въ классѣ всѣ приведенныя задачи, а достаточно выбрать изъ нихъ только типичныя, болѣе трудныя и интересныя, остальные же задавать на домъ для упражненія, съ тѣмъ, однако, чтобы эти задаваемые задачи были легче рѣшенныхъ

*) На нашихъ урокахъ мы придерживаемся весьма распространеннаго сборника задачъ Бычкова.

въ классѣ; особенно выдающіеся ученики легко найдутъ время и охоту продѣлать и болѣе трудныя задачи помимо задаваемыхъ.

Если статью о разложеніи многочленовъ на множители и о ея примѣненіи къ дробямъ проходить въ указанной послѣдовательности, не торопясь и неустанно требуя отъ ученика полной отчетливости въ его приѣмахъ, то нельзя будемъ сомнѣваться въ удовлетворительномъ успѣхѣ послѣдующаго курса алгебры. Въ этомъ мы достаточно убѣждались во время нашей продолжительной практики.

Мы резюмируемъ еще наши слова въ слѣдующихъ положеніяхъ.

- 1) Для пониманія математики не требуется особенно выдающаяся способность, а достаточно одного здраваго смысла, котораго мы у большинства нашихъ учениковъ отрицать не можемъ.
- 2) За преподаваніе математики слѣдуетъ браться со строго обдуман-нымъ планомъ, относясь строго-критически къ своему же методу.
- 3) Преподаватель долженъ помнить, что дѣтская голова не можетъ быть нагружаема по произволу и безъ вреда для него излишними подробностями, неотвѣчающими главному назначенію обще-образовательнаго учебнаго заведенія, и потому онъ не вправѣ выходить изъ предѣловъ предписанной программы.
- 4) На главномъ планѣ должно стоять качество свѣдѣній, а не количество; отнюдь не слѣдуетъ торопиться и гнаться за скорымъ успѣхомъ.
- 5) Задаваемые на домъ задачи должны быть рассчитаны на силы *средняго* ученика и потому доступны преобладающему большинству класса.
- 6) Безъ ариѳметики нѣтъ алгебры; поэтому первую, какъ основу математики, надо культивировать въ низшихъ классахъ съ особенною тщательностью, неустанно требуя отъ учениковъ полной отчетливости въ выкладкахъ.
- 7) Мѣсто самаго опытнаго изъ наличныхъ преподавателей — низшіе классы заведенія.
- 8) Изъ основныхъ статей алгебры, статья о разложеніи многочленовъ на множители, по своей служебности, самая важная и благодарная, и потому на ней и на ея примѣненіяхъ слѣдуетъ останавливаться подольше, нисколько не опасаясь за потраченное на то время.

Я. Влюмбергъ.

Изъ жизни классической школы.

Въ замѣткѣ «Борцы особаго рода» («Одесскій Вѣстникъ» № 323, 1887 г.) коснулись мы одного изъ большихъ мѣсть нынѣшней классической школы. Это — широкое распространеніе любезно предлагаемыхъ разными Югансонами, Газисами и обязательно приобретаемыхъ нашими гимназистами «пособій» по древнимъ языкамъ, въ видѣ отвратительныхъ подстрочныхъ «переводовъ», уже прямо безнравственныхъ «миніатюрныхъ изданій» словарей и другихъ «ключей» къ классической премудрости (См. каталоги книжн. маг. Югансона, въ изобиліи разсылаемые по гимназіямъ). Причины возникновенія этого новаго рода промышленности и ея успѣховъ коренятся, несомнѣнно, въ самой школѣ, въ обычной постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ. Дѣло въ томъ, что очень часто младшіе классы, (ввѣряемые обыкновенно несвѣдущимъ или неопытнымъ преподавателямъ), рѣшительно не готовятъ ученика къ занятіямъ старшихъ классовъ. И вотъ, при первомъ же затрудненіи въ той terra incognita, какую представляетъ для ученика, не прошедшаго хорошей начальной школы, греческій или латинскій текстъ, ничего иного, пожалуй, и не остается, какъ обратиться къ названнымъ «пособіямъ.» А разъ вступивъ на этотъ путь, путь полнаго отсутствія самодѣятельности, ученикъ уже теряетъ способность его бросить и неизбѣжно приходитъ къ полному банкротству въ данной области. Такъ обыкновенно и бываетъ, если преподаватель старшихъ классовъ ведетъ дѣло по обычному шаблону, т. е., только задаетъ «съ этого до этого» и спрашиваетъ заданное.

Зло однако такъ широко разрослось, такъ серьезно по своимъ послѣдствіямъ, что нашей школѣ, для того чтобы она могла остаться вѣрной своимъ основнымъ принципамъ и задачамъ, слѣдуетъ очень настойчиво бороться съ нимъ.

Вся суть въ постановкѣ дѣла въ младшихъ классахъ, гдѣ, конечно, свѣдущій, опытный преподаватель — *conditio, sine qua non.*

Но, кромѣ преподавателя, весьма важное значеніе въ данномъ вопросѣ имѣетъ и самый методъ веденія дѣла.

Преобладаетъ въ нашей школѣ, какъ извѣстно, догматическій методъ, обусловливаемый и общимъ теоретико-грамматическимъ характеромъ занятій по др. яз. Крайности, какія возможны въ этомъ случаѣ (когда, напр., на произведенія древнихъ авторовъ смотреть, какъ на сборникъ примѣровъ для этимологіи и синтаксиса), ведутъ

естественно къ тому, что ученики пріобрѣтають тѣ или другія свѣдѣнія въ грамматикѣ, но не выносятъ изъ своихъ занятій знанія языка, умѣнія пользоваться имъ, беспомощными чувствуютъ себя и при чтеніи древнихъ авторовъ.

Гораздо болѣе можетъ подготовить къ этому послѣднему методъ индуктивный. Сущность этого метода въ примѣненіи къ др. яз. состоитъ, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ: изъ чтенія, перевода и разучиванія легкихъ, систематически подобранныхъ статей мало по малу накапливается у ученика запасъ словъ и знаніе ихъ измѣненій, знаніе, постепенно пополняемое и, въ концѣ концовъ, приводимое въ систему.

Такой методъ, постоянно затрогивая самодѣятельность учащихся, возбуждая ихъ вниманіе, требуетъ отъ учителя гораздо больше труда и умѣнья, чѣмъ методъ догматическій, сводящійся на практикѣ къ простому задаванію «съ этого до этого» и спрашиванію заданнаго. Но не за этимъ, разумѣется, остановка. Привитъся ему въ нашихъ гимназіяхъ мѣшаетъ, главнымъ образомъ, отсутствіе вполнѣ пригоднаго, для доведенія дѣла до конца, руководства*), которое бы исключало потребность обратиться, въ концѣ концовъ, къ обычнымъ систематическимъ учебникамъ.

Отъ души желая появленія руководства, которое бы позволяло строго провести въ преподаваніи др. яз. индуктивный методъ, мы позволимъ себѣ сказать, что и съ пособиями, имѣющимися подъ руками, избравъ средній путь, примиряющій противоположности двухъ направленій въ изученіи др. яз. — теоретическаго и практическаго, можно съ успѣхомъ послужить какъ цѣли указанной выше (подготовкѣ къ свободному чтенію древнихъ авторовъ), такъ и тѣмъ вообще задачамъ, которыя такъ формулируетъ «объяснительная записка» къ уставу гимназій: «непосредственно изъ великихъ произведеній классической древности изучать эту историческую основу всей европейской образованности, этотъ міръ, въ которомъ зародились всѣ науки и искусства».

Побольше устныхъ (подготавливающихъ способность выражаться на изучаемомъ языкѣ) и письменныхъ (подготавливающихъ почву для самостоятельныхъ сочиненій) переводовъ и по меньше «теоріи», — это прежде всего. Послѣдняя, несомнѣнно, должна занимать подобающее ей мѣсто и сохранить свое самостоятельное значеніе, тѣмъ не менѣе

*) «Пособіе» Дрбоглава, первая попытка въ этомъ родѣ для I и II кл. по лат. яз., грѣшитъ не совѣмъ удачнымъ подборомъ статей, заставляющимъ нерѣдко пользующагося забѣгать слишкомъ далеко впередъ. (Напр., знакомясь съ 3-мъ скл., ученикъ встрѣтится въ тоже время съ формой tetigit).

необходимо признать полезнымъ нѣкоторое ограниченіе задачи при преподаваніи «теоріи»: не гоняться за мелочами, которыми полны многіе учебники, и добиваться лишь усвоения учениками существенно-главнаго въ языкѣ, пригоднаго для дальнѣйшихъ занятій, слѣдуя принципу: *non multa, sed multum*, а выигранное этимъ путемъ время посвящать практическимъ упражненіямъ въ языкѣ.

Ознакомивъ учениковъ въ I кл. съ первыми элементами, во II кл. можно уже начать чтеніе связной (всегда болѣе интересующей учащихся) латинской рѣчи — по книжкамъ Веллера («Латинскій Геродотъ») или Ломонда («*De viris illustribus urbis Romae*»). Еще скорѣе можно приступить къ чтенію связной греческой рѣчи. Каковы должны быть объясненія при чтеніи, мы говорили въ замѣткѣ «О постановкѣ др. яз.» («Фил. Зап.» 1886 г. V в.). Рядомъ съ переводами съ др. яз. должны идти переводы съ русскаго языка на древніе.

Въ связи съ переводами могутъ стоять такія разнообразія и придающія интересъ преподаванію занятія, какъ упражненія въ разговорѣ, разучиваніе наизусть.

Мы, не колеблясь, скажемъ: ученику, прошедшему хорошую начальную школу съ намѣченнымъ практическимъ характеромъ, не представится ни въ старшихъ классахъ, ни за предѣлами школы необходимости приобрѣтать подстрочные переводы.

Переходя къ тому, довольно обыкновенному, случаю, когда младшіе классы ничего или очень мало дали ученику, въ смыслѣ подготовки къ чтенію авторовъ, приходится указать преподавателю старшихъ классовъ единственный остающійся для него путь въ борьбѣ съ зломъ, о которомъ идетъ рѣчь: въ задаваемомъ впередъ текстѣ разъяснять заблаговременно всѣ мало-мальски трудныя мѣста и, что самое важное, давать классу списокъ словъ (съ кореннымъ значеніемъ и значеніемъ для даннаго мѣста), еще не встрѣчавшихся при чтеніи.

Старая классическая школа, прибавимъ въ заключеніе нашей замѣтки, не знала ни «подстрочниковъ», ни «миніатюрныхъ» изданій. Отличалась она отъ нынѣшней именно практическимъ характеромъ занятій и тѣми границами, какія отводила она «теоріи».

Тамъ не добивались знанія тонкостей этимологіи, не было тамъ, пожалуй, и отчетливаго знанія строя языка (синтаксиса), но было практическое знаніе языка, было то, что приобрѣтается вдумчивымъ, внимательнымъ чтеніемъ литературныхъ произведеній.

Образцовые уроки.

Естествовѣдѣніе. Картофель. (*Solanum tuberosum*).

P. Шредеръ, въ Галле (Lehrpr. u. Lehrgänge, II).

I. Введеніе. а) Цѣль урока.

Если бы основатель нашихъ учебныхъ заведеній *) прогулялся съ нами сегодня (19 августа) за городскія ворота, онъ подивился-бы что жатва еще не покончена. Хлѣбъ, правда, снятъ и убранъ, какъ при немъ, но мы однимъ хлѣбомъ отъ матери сырой-земли уже не довольствуемся: рядомъ съ голыми сжатыми полями тянутся другія, покрытыя роскошно-зеленымъ ковромъ: на однихъ родная свекловица, искони наше, но сравнительно недавно воздѣлываемое растеніе (его мы разберемъ подробнѣе позже); на другихъ — занесенный издалека картофель (*solanum tuberosum*).

О немъ мы и поговоримъ на урокѣ сегодня, какъ съ ботанической, такъ и съ культурно-исторической точки зрѣнія.

б) Анализъ.

Всѣмъ вамъ картофель извѣстенъ съ дѣтства, и вы многое можете поразсказать о немъ сами. Что вы скажете о его ботаническомъ характерѣ?

(Завязываются оживленные разговоры и обменъ мнѣній, во время которыхъ я стараюсь поддерживать возможный порядокъ, а затѣмъ суммирую результаты.)

Итакъ, картофель — однолѣтнее травянистое растеніе, размножается сидящими подъ землей на корняхъ клубнями; листья не парно-перистыя; лепестки бѣлые или розовато-бѣлые, сросшись воронкой; пыльники желтые; плодъ — зеленая ягода.

Что вамъ извѣстно изъ исторіи картофеля? (Опять обменъ мнѣній и суммированіе отвѣтовъ.) Картофель родомъ изъ Америки, вывезенъ въ Европу Францомъ Дрэкомъ (Drake). Разведенъ впервые въ Англии, садовникомъ; поданъ къ господскому столу подъ видомъ ягодъ, единогласно признанныхъ безвкусными. Попавшіе случайно въ огонь и распространявшіе пріятный запахъ клубни навели на вѣрную догадку.

II. Синтезъ. а) Прибавляю нѣсколько новыхъ свѣдѣній.

Корни у картофеля волокнистые; рядомъ съ ними подземные клубни съ чешуйчатыми наростами, представляющими зачаточныя листья: Листья бывають на стебляхъ, никогда на корняхъ, а потому клубни

*) А. Франке (1663—1727) филантропъ, основатель цѣлаго ряда образовательныхъ и благотворительныхъ заведеній въ Галле, жилъ и дѣйствовалъ, когда картофель былъ извѣстенъ болѣе только по имени. *Ред.*

— разновидности подземнаго стебля. Надземный стебель травянистъ, зеленъ и мягокъ съ многочисленными вѣтвями.

Листья непарноперистые, попеременно мелкіе, крупныя. Рассмотрите все на принесенномъ образцѣ и повторите еще разъ, только въ обратномъ порядкѣ. — Каждый возьмите теперь по цвѣтку.

(Предполагается, что ученики приобрѣли за лѣто достаточный навыкъ въ распознаваніи цвѣтковь, а потому слѣдующая часть урока предлагается въ разговорной формѣ.)

В. Чашечка? О. Зеленая, изъ пяти чашелистиковъ. В. Вѣнчикъ? О. Бѣлый, съ пятью сросшимися лепестками. В. Посмотрите поближе, не замѣтите-ли еще какихъ особенностей? О. Лепестки помѣщены противъ междулистія чашечки. Въ спаяхъ вѣнчикъ нѣсколько сплюснъ. В. Пыльники? О. Пыльниковъ пять; они желтыя, нити ихъ противъ лепестковыхъ спаевъ, приросши внизу къ вѣнчику. В. Скажите, какъ построена діаграмма цвѣтка? О. По пятеричной системѣ. — Ты, нарисуй на доскѣ сѣтъ такой діаграммы, а я пока разрѣжу вамъ ягоду. Возьмите двое по половинкѣ и рассмотрите ихъ въ лупу; что видно? О. а) Завязь изъ двухъ плодолистиковъ. О. б) Въ каждомъ множество сѣмячекъ. В. На сѣмяножкахъ? О. Нѣтъ, безъ. — Хорошо, передавайте разрѣзы по классу. (Чертежъ тѣмъ временемъ конченъ, и чертившій также рассматриваетъ.) Теперь въ данную сѣтъ помѣстите въ разрѣзѣ чашечку, вѣнчикъ, пыльники, завязь. (Чертятъ бѣлымъ, зеленымъ и желтымъ мѣломъ; весь классъ слѣдитъ за правильнымъ размѣщеніемъ частей.)

Теперь повторите строеніе цвѣтка, начиная съ завязи! (Повторяють.)

Повторите еще разъ всѣ заученные вѣншіе признаки! (Повторяють.)

Теперь я сдѣлаю нѣкоторыя историческія поправки. Разсказъ о садовникѣ легендаренъ, а познакомилъ Европу съ картофелемъ не Францъ Дрэкъ, а испанцы, приблизительно въ 1580—1585 годахъ. Еще до открытія Америки, разведеніе картофеля распространилось въ ней изъ Чили — гдѣ его родина, и гдѣ онъ и до сихъ поръ попадается въ дикомъ состояніи до самой Новой Гранады; въ Европѣ же культура его подвигалась вначалѣ весьма медленно. Еще въ 1616 г. картофель подавался въ Парижѣ на придворныхъ обѣдахъ, какъ рѣдкое лакомство. Въ Пруссіи особенно потрудился надъ всеобщимъ его распространеніемъ Фридрихъ Великій; Саксонія же насъ упредила: тамъ онъ акклиматизированъ въ 1717 году.

Повторите, что я сказалъ. в: 1) Разскажите мнѣ, какъ и на что употребляется картофель! (Я самъ направляю отвѣты, и въ результатѣ имѣемъ:)

Картофель употребляется подъ видомъ клубней, а) въ пищу: мелкій скоту, преимущественно, свиньямъ, въ измельченномъ видѣ;

крупный, въ сыромъ, печеномъ или вареномъ видѣ, подается къ столу. в) въ переработку — въ спиртъ, въ крахмалъ; особенно много крахмальныхъ заводовъ, именно, въ Галле. Фабричные остатки также идутъ на кормъ свиньямъ, потому бокъ-о-бокъ съ крахмальнымъ производствомъ и откармливаніе свиней на убой. 2) Всѣ вы слышали, вѣроятно, о болѣзни картофеля, уничтожающей порой цѣлые сборы. Причина ея — грибокъ (*Peronospora infestans*), изъѣдающій листья, которые сперва покрываются бурыми пятнами, а затѣмъ совершенно желтѣютъ, вотъ какъ эти. Грибокъ переходитъ иногда и на клубни, и въ засуху превращаетъ ихъ въ бурую пыль, а въ дождь въ вонючую бурю слизь — вотъ убѣдитесь! Съ грибомъ вы познакомитесь позже, а теперь скажите, не знаете-ли другаго врага, изъ животнаго міра, объѣдающаго листья растенія?

3) (Послѣ того какъ ученики сами назовутъ картофельнаго или Колорадскаго жука, я показываю его и прибавляю:) Этотъ американскій жучекъ (*Doryphora decemlineata*) принадлежитъ къ семейству имѣющему много представителей и въ нашемъ климатѣ. Всѣ вы, вѣроятно, знаете этого золотисто-зеленаго жучка? (Показываю *Chrysomela graminis*). Картофельный жучекъ рѣзко отличается желтыми надкрыльями съ десятью черными полосками (*decemlineata*), а родина его въ западныхъ Сѣвероамериканскихъ штатахъ. 4) Есть и еще вредный для картофельныхъ полей жучекъ, такъ называемый майскій (*Melolontha vulgaris*); личинки его съ жадностью объѣдаютъ корневые мочки картофеля. 5) Не знаете-ли вы еще насѣкомаго, жизнь котораго тѣсно связана съ картофельнымъ полемъ? Это Мертвая голова; личинка ея (*Sphinx atropos*) питается листьями растенія. (Тутъ я бѣгло показываю классу изображеніе этой бабочки и ея гусеницы).

III. Сопоставленіе.

При мысли о томъ, какое широкое распространеніе получилъ въ настоящее время картофель, какъ онъ дешевъ и полезенъ для бѣдныхъ, поневолѣ припоминается мнѣ изъ животнаго міра рыба, водящаяся въ несмѣтномъ числѣ и дающая громадныя уловы; рыбу эту употребляютъ въ пищу во всевозможныхъ видахъ и во всѣхъ слояхъ народонаселенія. Кто скажетъ, какая это рыба? — Конечно, селедка.

Да, картофель съ селедкой нераздѣльны, и вы увидите, что сопоставленіе это вовсе не случайно. Химія учитъ насъ, что по существу (подробности вы узнаете когда-нибудь послѣ) тѣло человѣка нуждается въ слѣдующихъ пищевыхъ веществахъ: 1) въ бѣлкѣ, 2) крахмалѣ, и 3) въ жирѣ. Потому, наша пища должна заключать

всѣхъ этихъ веществъ понемногу. Бѣлокъ въ изобиліи находится въ мясѣ, но крахмалу въ немъ мало, потому селедка дополняется мучнистою пищею. Чистаго крахмалу мы не ѣдимъ только потому, что онъ очень невкусенъ. Между тѣмъ я сейчасъ докажу, что въ картофелѣ его особенно много.

Посмотрите, вотъ кусокъ бѣлаго крахмалу, а здѣсь въ пузырькѣ растворъ іоду, вещества вамъ, конечно, извѣстнаго, такъ какъ доктора употребляютъ его, чтобы искусственно вызвать воспаленіе. Я капну имъ на крахмалъ; что случилось? — Крахмалъ сдѣлался темно-лиловымъ. — Хорошо; замѣйте себѣ, до поры до времени, вотъ что: чтобы изслѣдовать содержаніе крахмала, надо прилить въ него немного іодной тинктуры; но болѣе или менѣе густой фіолетовой окраскѣ, заключаемъ о присутствіи крахмала. Какъ изслѣдовать въ этомъ смыслѣ картофель? — Лучше всего разрѣзать картофелину, сдѣлать въ мясѣ небольшое углубленіе и налить въ него іоду — Хорошо! произведите же опытъ сами! Что случилось? — Картофель сдѣлался темно-синимъ. — А изъ этого слѣдуетъ? — Что содержаніе крахмала въ немъ очень значительно. — Совершенно вѣрно; слѣдовательно картофель съ селедкой не только дешевое и вкусное, но и вполне цѣлесообразное блюдо. Недостаетъ только жиру, а для этого картофель ѣдятъ еще съ масломъ.

Такъ для мыслящихъ людей и будничныи міръ представляетъ не мало поводовъ подумать и разъяснить тѣ или другіе законы природы, а не считать все игрою глупаго случая. Со временемъ вы узнаете, почему молоко (исключительная пища грудныхъ дѣтей) и яйца считаются наиболѣе питательнымъ блюдомъ; почему хлѣбъ ѣдятъ съ масломъ, горохъ со шкварками и т. д. и т. д.

Къ слѣдующему разу нарисуйте мнѣ каждый діаграмму цвѣтка; лучший рисунокъ попадетъ въ класный альбомъ.

Примѣчаніе. Разъ въ двѣ недѣли каждый ученикъ долженъ на толстомъ картонѣ нарисовать діаграмму одного изъ разсмотрѣнныхъ въ классѣ цвѣтовъ; лучшіе рисунки, съ фамиліей автора, числомъ и годомъ, помѣщаются въ класный альбомъ, становятся собственностью школы и хранятся въ изготовленной учениками-же папкѣ.

Туда-же поступаютъ и особенно удачныя рисунки листьевъ и другихъ частей растенія; каждый классъ имѣетъ тогда свой ботаническій атласъ, служащій одновременно иллюстраціей хода преподаванія и замѣняющій частью гербарій, всегда, къ сожалѣнію, недолговѣчный.

Критика и библиографія.

1. Элементарная Алгебра, составилъ Л. Киселевъ. Часть 1, содержащая курсы 3-го и 4-го классовъ гимназій. 140 стр. М. 1888 г.

По объему учебнаго матеріала, книга эта удовлетворяетъ требованіямъ, такъ какъ содержитъ вообще все то, что ученикъ III или IV класса долженъ знать. Изложеніе, за немногими исключениями, ясное, языкъ простой. Считаемо однако нужнымъ обратить вниманіе автора на нѣкоторые недостатки его учебника.

1) Въ § 4 сказано, что цѣль алгебраическихъ преобразованій состоитъ, между прочимъ, и въ «приведеніи формулъ къ виду, удобному для запоминанія». Намъ кажется, что эта цѣль слишкомъ отдаленная.

2) Изображеніе произведенія изъ численныхъ и буквенныхъ множителей въ видѣ $x^2 2 a^{\frac{3}{4}} y^5 5$, напр., мы считаемъ весьма неудобнымъ, такъ какъ такой видъ количества можетъ представляться непривычному дѣтскому глазу болѣе конгломератомъ буквъ и чиселъ, чѣмъ произведеніемъ.

3) На стр. 4 сказано, что дробная черта можетъ быть горизонтальная или наклонная. Это замѣчаніе автора мы считаемъ не только неумѣстнымъ въ учебникѣ, но и опаснымъ съ практической стороны, такъ какъ наклонная дробная черта, какъ мы въ этомъ часто убѣждаемся на практикѣ, иногда можетъ повести къ крупнымъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ. Дѣйствительно, какъ-же, напр., ученикъ долженъ понимать выраженіе $\frac{3}{4}a$? Долженъ — ли онъ понимать, что надо взять $\frac{3}{4}$ количества a , или частное отъ дѣленія 3 на 4 a ? Разъ a стоять подъ чертою, ученикъ долженъ считать это количество множителемъ при a , а тогда онъ неминуемо сдѣлаетъ ошибку.

4) Дробь $\frac{2}{3/0.5}$ называется авторомъ алгебраическою (стр. 43). Выраженіе, содержащее лишь арифметическія числа, мы не имѣемъ называть алгебраическимъ.

5) На стр. 71 впервые приводится знак ∞ , о которомъ ни здѣсь, ни раньше не упоминается.

6) Въ § 98 встрѣчается двусмысленный оборотъ: «формула, содержащая неизвѣстныя уравненія». Учащемуся можетъ показаться, что существуютъ уравненія извѣстныя и неизвѣстныя. Тотъ же оборотъ повторяется и въ § 100.

7) На стр. 104 приведена до нельзя неудобная задача, нелѣпость которой должна бросаться въ глаза даже самому неразвитому мальчику, а именно: «Капиталъ въ 600 руб. отданъ въ банкъ по 5%. Черезъ сколько лѣтъ онъ обратится въ 480 руб?»

Эти и нѣкоторые другіе недостатки мы считаемъ не особенно важными, но ихъ отсутствіе было бы желательно; болѣе существенными мы считаемъ, между прочимъ, слѣдующіе.

8) Въ § 39 сказано: «Для упражненія въ примѣненіи знаковъ иногда задаютъ примѣры умноженія отрицательныхъ членовъ, взятыхъ отдѣльно, а также примѣры умноженія многочленовъ на отрицательные члены, взятые отдѣльно». — Эти строки, признаемся, для насъ совершенно темны.

9) Въ § 53 сказано: « $a: 0$ представляетъ безсмыслицу», а черезъ два — три слова добавляется: «Впоследствии увидимъ, какое особенное значеніе придаютъ дѣленію на нуль». Выходитъ, что и безсмыслица можетъ имѣть осмысленное значеніе.

10) Авторъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги обращаетъ вниманіе учащихся на ошибки, которыя они иногда дѣлаютъ. На стр. 46, напр., говорится: «Нельзя сокращать часть числителя съ частью знаменателя». Въ подтвержденіе этого мнѣнія, въ книгѣ приведенъ примѣръ $\frac{10+1}{15+3} = \frac{11}{18}$ и показывается, что при сокращеніи чиселъ 10 и 15, называемыхъ авторомъ частями, на 5, получается уже не $\frac{11}{18}$, а $\frac{1}{2}$. Это мнѣніе автора слишкомъ смѣло: если смысленный ученикъ, въ опроверженіе этого мнѣнія, привелъ бы дробь $\frac{2+8}{4+16}$, которая при указанномъ, хотя бы и вообще неправильномъ, способѣ сокращенія, не измѣняется по своей величинѣ, то онъ

этимъ легко могъ бы поставить въ тупикъ преподавателя, неприготовленнаго къ такому казусу и категорически заявляющаго: «нельзя». Наконецъ, изъ числа существеннѣйшихъ недостатковъ разбираемаго учебника мы выдѣляемъ слѣдующіе:

11) Мы въ немъ не находимъ достаточнаго числа пояснительныхъ примѣровъ. На нашъ взглядъ, тотъ учебникъ хорошъ, который, между прочимъ, можетъ служить также пособіемъ и для самообученія, а для этого онъ, послѣ каждаго законченнаго отдѣла, долженъ содержать нѣсколько типичныхъ примѣровъ, въ которыхъ былъ бы указать общій ходъ ихъ рѣшенія.

12) Степеней съ отрицательными показателями авторъ, повидимому, вовсе не допускаетъ. Разъ только (стр. 37) говорится, что «нельзя писать $a^3: a^5 = a^{-2}$, потому что a^{-2} не имѣетъ смысла».

13) Способъ изложенія статьи о положительныхъ и отрицательныхъ величинахъ мы считаемъ непригоднымъ для незрѣлаго дѣтскаго ума. При принятомъ авторомъ методѣ, встрѣчающемся, къ сожалѣнію, во многихъ руководствахъ алгебры, первыя четыре дѣйствія надъ алгебраическими величинами оказываются разбросанными до того, что у начинающаго нѣтъ никакой возможности ориентироваться. Мы полагаемъ (дѣлая при этомъ оговорку, что на вкусъ товарища нѣтъ), что при прохожденіи алгебры въ III классѣ вполне цѣлесообразенъ методъ, котораго держался и Эйлеръ, именно: слѣдуетъ разграничивать количества на положительныя и отрицательныя на основаніи противоположности ихъ значений (въ тѣхъ, конечно, случаяхъ, когда такія противоположности возможны) и тѣмъ указать на эти законоположенія, какъ на необходимое средство для полнаго обобщенія алгебраическихъ выводовъ; предпослать же дѣйствіямъ, безъ всякаго, повидимому, мотива, рядъ «уловій», какъ то дѣлаетъ авторъ въ § 30, мы не можемъ признать педагогичнымъ для III класса.

14) Статья о разложеніи на множители весьма бѣдна или блѣдна: всего двѣ странички съ незначительнымъ числомъ, притомъ весьма простыхъ, примѣровъ, изъ которыхъ задача 2 (пунктъ III) даже не окончена, а задача 4 (пунктъ V) рѣшена искусственнымъ, а слѣд. мало доступнымъ ученику III класса, приѣмомъ. А между тѣмъ отдѣлъ о разложеніи на множители, по нашему, чуть ли не существеннѣйшій во всемъ начальномъ преподаваніи алгебры.

2. Учебникъ ариметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. А. Михайловъ.

Книжка, назначена, очевидно, для учениковъ, и замѣтны старанія автора писать возможно простымъ языкомъ. Вообще пользованіе книжкой не представитъ для ученика затрудненій. Зачѣмъ только при дѣленіи дробей вводится буква X? Такихъ обозначеній полезнѣе избѣгать. Есть недомолвки. Напр., § 43 стр. 19: линейныя мѣры служатъ для измѣренія длины, ширины, вышины, толщины и вообще для измѣренія линій. Толщина, глубина, вышина — линія? § 47 стр. 20: кубомъ называется объемъ, ограниченный шестью равными квадратами. § 85 стр. 37: дробь есть одна часть или собраніе нѣсколькихъ равныхъ частей единицы. Аршинъ — единица длины, семь вершковъ — семь частей этой единицы. Значитъ, семь вершковъ дробь? Такихъ недомолвокъ въ каждомъ учебникѣ много; дѣло учителя сглаживать ихъ и исправлять, не подрывая довѣрія учащихся къ книгѣ.

3. Греческая хрестоматія, т. I. Избранныя мѣста изъ Ксенофонта, Геродота, Гомера (Иліада и Одиссея), Демосеена, Платона и Плутарха, съ біографіями писателей и примѣчаніями грамматическими и реальными. Составили С. Ф. Орловскій и В. Н. Фаминскій. Одесса. 1883. 632 + 4 стр.

Почтенные авторы не указываютъ, для кого предназначаютъ трудъ свой. Неопредѣленностью цѣли объясняется и отсутствіе плана при выборѣ отрывковъ, и безхарактерность примѣчаній. Чтобы ученикъ, по этимъ отрывкамъ, могъ знать писателя, этого, вѣроятно, не допускаютъ и сами авторы. Слѣдовательно, цѣль этой хрестоматіи можетъ быть только подготовительная къ писателямъ. О недостаткахъ самаго изданія мы не говоримъ, зная всю трудность изданія въ Россіи подобнаго рода книгъ.

4. Краткая греческая антологія изъ стихотвореній Сафо, Анакреона и Пиндара, составленная Г. Ланге. VIII + 90 стр. М. 1887.

Чтенію греческихъ лириковъ въ гимназіяхъ мы вполне сочувствуемъ, но отводимъ имъ мѣсто не послѣ Софокла, а до Софокла и до Горація, такъ какъ тогда и чтеніе Горація будетъ имѣть подѣ

собой большую почву, и время для этого самое лучшее по окончании Иліады въ VII классѣ: шесть — восемь уроковъ послѣ Пасхи. Само собой разумѣется, что школьная греческая антологія не мыслима безъ Θεокрита, изъ котораго должно быть взято двѣ — три идилліи. Что касается самой книги г. Ланге, то она слишкомъ напыщенна, начиная съ предисловія, и очень дорогая, а нашимъ ученикамъ нужно попроще, да по содержательнѣе. Понять ритмъ, на что особенно такъ налегаетъ почтенный авторъ, ученикъ никогда не пойметъ: намъ живо помнится тотъ Кіевскій (отличный) филологъ, который на уроки Горация, для доказательства музыкальности горацианскихъ ритмовъ, приносилъ въ классъ скрипку, и это возбуждало только смѣхъ, именно потому, что нашимъ ученикамъ не это нужно. Но если мы Пиндара, или Сапфо, или Анакреона иллюстрируемъ Гомеромъ, Пушкинымъ, Державиннымъ, предъ учениками будетъ истинная красота, истинная поэзія.

5. А. С. Виреніусъ. Гигіена учителя. 42 стр. Спб. 1888.

Очень хорошая книжечка, на которую обращаемъ вниманіе каждаго учителя. Вся суть ея заключается въ слѣд. шести правилахъ (стр. 34) I. Учитель долженъ быть здоровъ и невредимъ тѣлесно т. е. выполнять всѣ требованія гигиены. II. Уравновѣшивать дѣятельность рецептивную съ продуктивной, т. е. не только обогащаться свѣдѣніями изъ рукъ авторитетовъ, но и самому сообщать устно и письменно результаты своихъ наблюденій, своего изученія, своихъ теоретическихъ и практическихъ пріобрѣтеній. III. Чередовать умственные занятія упряженіями вышнихъ чувствъ эстетическаго свойства. IV. Принимать дѣятельное участіе въ публичномъ, купно съ сотоварищами по профессіи, обсужденіи вопросовъ, касающихся его личной и общей всѣмъ имъ спеціальности. V. За вычетомъ времени, посвящаемаго обязательному предмету, отдавать часъ, два на чуждую его спеціальности, или же имѣющую къ ней извѣстное соотношеніе, отрасль знаній. VI. Не забывать обязанностей семьянина и общественнаго дѣятеля.

6. Кебетъ. Картина. Перевелъ съ греческаго В. Алексѣевъ. 24 стр. Сиб. 1888.

7. Прикованный Прометей. Трагедія Эхила. Пер. В. Г. Апфельротъ. 144 стр. М. 1888.

8. Греческая грамматика гимназическаго курса Ѳ. Чернаго. ч. II. Синтаксисъ изложенный сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. 4 изд. XII + 346. М. 1888.

9. Грамматика латинскаго языка. Этимологія и синтаксисъ въ объемѣ гимназическаго курса. Составилъ И. Виноградовъ, преподаватель Импер. Гатчинскаго Николаевскаго Сиротскаго Института. X + 546. Спб. 1887.

10. Учебникъ латинскаго языка для младшихъ классовъ. По руководству Латмана составилъ протоіерей Николай Кувшинскій. ч. II. Этимологія, синтаксисъ, упряженія и христоматія. VI + 316. Вятка 1886.

11. Сборникъ темъ по древнимъ языкамъ, предложенныхъ на испытаніи зрѣлости, съ ключемъ, составили С. Вермель и А. Генцъ подъ редакціею О. Петрученко, преподавателя 2-й Московской гимназіи. IV + 84 + 56. М. 1888.

12. Разсказы изъ исторіи и міеологіи грековъ по Гомеру. Переводъ съ нѣм. языка Ивана Виноградова, преподавателя Вяземской гимназіи. Съ картой Греціи. VI + 134. Спб. 1888.

13. Пособіе для первоначальнаго обученія латинскому языку. Курсъ I и II классъ. Составилъ І. Дрбоглавъ, инспекторъ Тифлисской 1-й гимназіи. Изд. 2е. 176 стр. Т. 1885.

14, его же. Опытъ методикъ первоначальнаго обученія латинскому языку. Курсъ I и II классовъ. VIII + 171 + V стр. Т. 1884.

15. Питаніе и дыханіе растений. Составилъ М. Демковъ. 20 стр. Спб. 1887.

16. Основы нѣмецкой грамматики съ правилами нѣмецкаго правописанія и ореографическимъ указателемъ для среднихъ учебныхъ заведеній и самообученія, составилъ К. Л. Миквицъ. VIII + 174 + 42. Спб. 1887.

17. Таблицы полнаго грамматическаго разбора. I (4 стр.), II (6 стр.), III—IV (8 стр.) классъ средне-учебныхъ заведеній, преподавателя русскаго языка женской гимназіи, уѣзднаго и ветеринарно-фельдшерскаго училищъ А. Злобина. 4 изд. Томскъ 1886.

18, его же. Полный курсъ синтаксиса въ систематическихъ примѣрахъ и образцахъ для грамматическаго разбора, примѣнительно ко всякому учебнику русскаго языка. 2 изд. 850 примѣровъ. 62 + 30 стр. Томскъ 1887.

- 19, его-же. Нѣмые диктанты (безъ диктующаго). 74 + 26 + 10 стр. 2 изд. ч. I. Звуки и буквы. Т. 1887.
- 20, тоже вып. II. Части рѣчи. 90 + 26 + V. 2-е изд. Т. 1887.
21. Теорія словесности. Составилъ А. Воскресенскій. 131 стр. М. 1888.
- 22, его-же: Евгений Олѣгъевичъ Пушкина. Разборъ романа. 2 изд. 110 стр. М. 1888.
23. Русская грамматика. Ч. I. Этимологія. Составилъ П. Коцеволевскій. Тоже, ч. II. Синтаксисъ. Тула 1886.
24. Нѣмецкая грамматика для русскихъ ср.-уч. заведеній, сост. А. Ашаринымъ 136 стр. Рига 1887.

Вопросы и отвѣты при повтореніи въ VIII кл.

[предложенные ученикамъ нѣмецкихъ гимназій].

- I. Латинскій языкъ. 1) Какъ изъ Odysseus образовалось Ulixes?
 2) Какія особенности въ образованіи слова Juppiter?
 3) По какому принципу образуются въ латинскомъ языкѣ греческія слова на $\omega\nu$ (Apollo—Plato, Xenophon—Marathon)?
- II. Греческій языкъ. 4) Поставить ударенія и знаки препинанія: $\text{Ὅστις τῶν θεῶν συνοιδεῖν αὐτῷ παρημελήσῃς τούτου ἐγὼ οὐποτ' ἀν εὐδαιμονισαίμι τὸν γὰρ θεῶν πολεμὸν οὐκ οἶδα οὐτ' ἀπο ποίου ἀν ταχέως φεύγων τις ἀποφυγοὶ οὐτ' εἰς ποῖον ἀν σκῆτος ἀποδραίη οὐθ' ὅπως ἀν εἰς ἐχθρὸν χωρίον ἀποσταίη πάντῃ γὰρ πάντα τοῖς θεοῖς ὑποχᾶ καὶ πανταχῇ πάντων ἴσον οἱ θεοὶ κρατοῦσι.$
 5) Какіе предлоги при anastrophe не переносятъ ударенія?
 6) Какія имена 1 скл. имѣютъ въ родительномъ $\tilde{\alpha}$ и $\tilde{\alpha}$?
- III. Математика. 7) Какъ упростить дробь $\frac{(2a - b)(6a - 2b)}{4a(b^2 - 2ab)}$?
- IV. Французскій языкъ. 8) акцентуировать: Le 5 Mai 1789 etait le jour fixe pour l'ouverture des etats — generaux. La veille, une cermonie religieuse preceda leur installation. Le roi, sa famille, ses ministres, les deutes des trois ordres se rendirent processionnellement de l'eglise Notre Dame a l'eglise Saint-Louis, pour y entendre la messe d'ouverture.
 9) Какія имена удерживаютъ въ множ. ч. х вмѣсто s? — (Prima).
- V. Нѣмецкій языкъ. 10) Въ какомъ отношеніи mein, meine, mein и meiner, meine, meines?
 11) Въ какихъ случаяхъ русскій твор. падежъ переводится съ помощью предлога mit, въ какихъ съ durch и въ какихъ съ von?

(Отвѣты въ слѣд. №)

Къ школьной жизни. Профессоръ ушныхъ болѣзней въ Амстердамѣ д-ръ Guye, въ Висбаденскомъ обществѣ естествоиспытателей, сообщилъ описаніе новой болѣзни, которая заслуживаетъ вниманія всѣхъ родителей и воспитателей, и которую онъ назвалъ arprosexia, названіе, обозначающее невозможность обратить вниманіе на извѣстный предметъ. Эта болѣзнь исключительно постигаетъ дѣтей школьнаго возраста, и есть слѣдствіе заболѣванія носа. Въ первый разъ д-ръ Guye наблюдалъ эту болѣзнь у мальчика, который не могъ дышать черезъ носъ и, какъ казалось, не былъ способенъ учить чтобы то ни было, хотя уже посѣщалъ школу цѣлый годъ. При изслѣдованіи, оказались завалы въ носу — слѣдствіе опухоли, и когда опухоль была удалена посредствомъ операціи, мальчикъ въ теченіе одной недѣли выучилъ всю азбуку, которой не могъ выучить за цѣлый годъ. Другой случай: гимназистъ не былъ въ состояніи понимать хоть что нибудь по математикѣ, и въ тоже время страдалъ одышкой черезъ носъ. Но послѣ излеченія, когда дыханіе черезъ носъ сдѣлалось свободнымъ, мальчикъ сдѣлался способнымъ и къ математикѣ. Чаще всего эта болѣзнь встрѣчается у дѣтей, спящихъ съ открытымъ ртомъ и дышащихъ черезъ ротъ. «Rev. Z.»

Домашнія работы учениковъ.

М. Штракъ, б. директоръ реального уч. въ Берлинѣ.

Два ли какой вопросъ школьнаго дѣла возбуждалъ столько разногласныхъ мнѣній, какъ вопросъ о задаваемыхъ ученикамъ домашнихъ работахъ.

Въ то время, какъ одни считаютъ ихъ существенною и необходимою частью преподаванія и ставятъ ихъ высоко, другіе, напротивъ, смотрятъ на нихъ какъ на второстепенное дѣло, не придавая имъ большаго значенія. Тѣмъ не менѣе и эти послѣдніе, не безусловно отвергаютъ пользу домашнихъ работъ и не находятъ возможнымъ обойтись безъ нихъ.

И такъ, мнѣнія обѣихъ сторонъ сходятся въ одномъ пунктѣ: никто не желаетъ совершеннаго уничтоженія домашнихъ работъ. Непосредственно же за этой границей начинаются разногласія.

Спорными пунктами являются: размѣръ и значеніе работъ, и не только между преподающими и задающими ихъ, но и между тѣми, на которыхъ возложено наблюденіе за ними.

Само собою разумѣется, что какъ бы единогласны ни были мнѣнія тѣхъ, кому они задаются, т. е. учениковъ, мнѣнія эти не могутъ быть принимаемы въ расчетъ по незрѣлости и неопытности учащихся.

Въ виду этихъ пунктовъ, мы, руководясь 37-лѣтней опытностью, постараемся, если не рѣшить вопросъ, то выяснить его по возможности, и вызвать заинтересованныхъ лицъ, къ дальнѣйшему обсужденію. Всякому понятно, что трудно помочь дѣлу пустыми теоремами, въ родѣ слѣдующей: «если задаваемые уроки цѣлесообразны и не превышаютъ по размѣру извѣстной нормы, они несомнѣнно имѣютъ большое значеніе.»

Каковъ долженъ быть размѣръ урока и какова цѣль его, именно къ этому, и только къ этому, и сводится весь вопросъ.

I.

Разсматривая, во первыхъ, размѣръ урока, мы убѣждаемся, что между задающими господствуютъ самыя рѣзкія противорѣчія.

Энергичныя холерическія натуры, сами пріученныя съ школьной скамьи къ тяжелому труду, и несущія его всю жизнь, не видятъ причины, «почему нынѣшнюю молодежь не слѣдуетъ съ тою же строгостью пріучать къ работѣ, какъ это дѣлалось въ наше время».

Человѣколюбивый сангвиникъ говоритъ: «Пусть молодость радуется жизни! Мнѣ до сихъ поръ памятно, какъ дѣтство мое отравлялось уроками, которыхъ отъ меня требовали, и плохо приходилось бы мнѣ, еслибы я не ухитрился всякими правдами и неправдами вывертываться, почему и самъ теперь не намѣренъ подвергать мальчиковъ подобнымъ мученіямъ.» Совершенно противоположно звучатъ слова меланхолическаго педанта: «Жизнь дана исключительно для труда. Съ самаго ранняго возраста молодежь должна быть пріучаема находить въ немъ единственный источникъ удовольствія и счастья, если таковое вообще существуетъ. Школа обязана заботиться о томъ, чтобы воспитанники не имѣли возможности ни на минуту предаваться праздности, которая есть матеръ всѣхъ пороковъ.»

Какъ, наконецъ, смотреть на дѣло флегматикъ? Ему безразлично, много-ли, мало-ли ученикъ употребить времени и труда дома для усвоенія преподаваемаго имъ предмета, лишь бы урокъ сошелъ съ рукъ, и переводные или выпускные экзамены сданы благополучно. Съ книгою въ рукахъ, не покидая ни на минуту своего трона, онъ требуетъ во время урока безусловной тишины, и твердо убѣжденъ, что ученики, безъ всякаго съ его стороны понужденія, всегда готовятся къ его урокамъ.

Такимъ образомъ, не смотря на совершенную противоположность взглядовъ, сангвиникъ и флегматикъ приходятъ къ тому общему заключенію, что существенная часть работы должна быть выполнена въ классѣ, съ тою однако громадною разницею, что флегматикъ требуетъ ее отъ учениковъ, а сангвиникъ отъ самого себя.

Меланхоликъ и холерикъ также сходятся въ одномъ пунктѣ: оба они сторонники усидчиваго и упорнаго труда; но въ то время, какъ первый старается пріохотить учениковъ къ работѣ, видя въ ней самой благо, отвлекающее отъ зла, второй смотритъ на трудъ, какъ на средство къ тѣлесному и умственному воспитанію и укрѣпленію. Представители всѣхъ этихъ темпераментовъ рискуютъ однако подвергнуться серьезной опасности, если впадутъ въ крайность, а впадаютъ

они почти всегда, въ особенности, пока не запасутся достаточной педагогической опытностью, и пока собственныя дѣти не начнутъ посѣщать учебнаго заведенія.

Въ чемъ же именно лежитъ угрожающая имъ опасность? Для сангвиника въ томъ, что онъ даетъ пищу дѣтскому легкомыслію, не приучаетъ воспитанниковъ напрягать собственныя силы и относиться съ должной добросовѣстностью не только къ внутреннему содержанию, но и къ внѣшней формѣ работы, той добросовѣстностью, которая столь благотворна и во всей послѣдующей жизни ученика; а также не упражняетъ своевременно памяти дѣтей, не приспособляя ее къ воспріятію неотъемлемаго запаса полезныхъ знаній, изрѣченій, литературныхъ произведеній и т. п. Довольствуясь тѣмъ, что ученики его охотно и многому научаются отъ него, онъ въ классѣ неустанно упражняетъ ихъ и развиваетъ въ нихъ умѣнье, не измѣряя при этомъ глубокой бездны, лежащей между возможностью и дѣйствительностью, между умѣньемъ и самостоятельнымъ исполненіемъ. Онъ не замѣчаетъ даже, что сослуживцы его смотрятъ на дѣло съ совершенно иной точки зрѣнія, и что нерѣдко лучшіе его ученики оказываются для нихъ непригодными.

Наконецъ, онъ забываетъ и то, что самъ онъ не вѣчно будетъ молодъ, что должно наступить время, когда незамѣтно для него самаго, но тѣмъ очевиднѣе для окружающихъ, силы и свѣжесть его начнутъ утрачиваться. Слишкомъ поздно придетъ онъ къ печальному сознанію, что давно пересталъ увлекать учениковъ, что утратилъ авторитетъ надъ ними, избаловалъ не только ихъ, но и себя, и что преподаваніе его, прежде вдохновлявшее учениковъ, теперь не только плохо, но, пожалуй, и смѣшно.

Иначе поступаетъ флегматикъ. Не утруждая легкихъ, щадя свои силы и не напрягая зрѣнія, онъ не изнуряетъ себя, какъ сангвиникъ. Онъ подобенъ пламени свѣтильника, которое, по мѣрѣ того, какъ масло выгораетъ, постепенно уменьшается и наконецъ гаснетъ. Относясь къ ученикамъ также, какъ и къ самому себѣ, онъ совершенно доволенъ, если они учатся у него. Успѣшность учениковъ онъ считаетъ собственной своей заслугой, но въ неуспѣшности обвиняетъ ихъ, такъ какъ самъ онъ хорошо знаетъ свой предметъ, а дѣло учениковъ — воспользоваться тѣмъ, что имъ предложено. Съ добросовѣстными учениками ему удастся не только достигнуть, но и превзойти требуемое. Коль скоро таковыхъ нѣтъ, или же число ихъ

не на столько значительно, чтобы они могли имѣть нравственное вліяніе на остальныхъ, въ классѣ воцаряется распущенность, списыванье, употребленіе недозволительныхъ пособій и вообще разнаго рода обманъ, подавляющій всякую самодѣятельность.

Только самыя недюжинныя натуры будутъ въ силахъ въ послѣдствіи побѣдить вкоренившуюся лѣнь, принудить себя къ непривычной, самостоятельной, умственной работѣ и стать полезными, самостоятельными и благонадежными гражданами. Но тогда учителю своему они не воздадутъ полного уваженія, и воспоминаніе о немъ вызоветъ въ нихъ развѣ только улыбку или насмѣшку.

Пересаливающая меланхоликъ считаетъ обязанность свою исполненной, если ученики достигаютъ знаній черезъ него. «Нѣтъ работы» говоритъ онъ «которая не приносила бы какой нибудь пользы.» При этомъ онъ не думаетъ, служить ли задаваемая имъ работа связующимъ звеномъ съ предъидущимъ урокомъ, способствуетъ ли она сколько-нибудь къ уясненію или дополненію прочитаннаго или объясненнаго. Развивая и поддерживая въ ученикахъ способность къ дѣятельности и самостоятельнымъ занятіямъ, онъ вполне довольствуется пользой, которую должна принести имъ постоянная работа, ни мало не заботясь о томъ, не отдаляетъ ли она учениковъ отъ предписанной закономъ программы, и отвѣчаетъ ли, по содержанію, тому, что потребуется отъ нихъ на экзаменѣ. Нѣкоторые изъ нихъ въ послѣдствіи не выдерживаютъ испытанія зрѣлости, не смотря на то, что многому учились, приобрѣли не мало свѣденій, и даже не рѣдко вникали въ интересующую ихъ часть предмета. Виновникомъ неудачи они, разумѣется, будутъ считать учителя, допусковаго ихъ заниматься «безполезнымъ и постороннимъ», и позволявшаго предаваться любимымъ занятіямъ, вмѣсто того, чтобы требовать строгаго и неуклоннаго исполненія предписаннаго.

Холерикъ, выходящій изъ поставленныхъ ему предѣловъ, также не микуетъ опасности. Не взвѣсивая силъ молодежи, онъ требуетъ отъ нея столько же, сколько самъ въ состояніи вынести, благодаря цвѣтущему здоровью и свѣжимъ силамъ; онъ не подозрѣваетъ и не даетъ себѣ отчета въ томъ, какъ вредно это можетъ отозваться на нравственномъ и физическомъ развитіи юношей. Молодое дерево нуждается въ уходѣ и опорѣ; преждевременное, искусственное развитіе дѣлаетъ его хилымъ, и если оно приноситъ плоды, то приноситъ ихъ въ ущербъ корнямъ; только вполне здоровое, на свободѣ окрѣпшее дерево способно сносить тяжесть снѣга, противостоять непогодѣ и давать хорошіе плоды. Энергичный холерикъ

очень часто упускаетъ это изъ вида. Онъ слишкомъ превышаетъ значеніе своего предмета и забываетъ, что на учебной программѣ имѣютъ мѣсто и другіе, не менѣе важные предметы. Хорошо, если въ директорѣ заведенія или же въ сослуживцахъ, равныхъ ему по энергіи, онъ найдетъ спасительный противовѣсъ; въ противномъ случаѣ онъ можетъ впасть въ совершенную односторонность, и превратить общеобразовательное учебное заведеніе въ какое-то специальное.

При одномъ учителѣ съ такимъ темпераментомъ воспитанники получаютъ одностороннее образованіе; если же преподаватели другихъ предметовъ, въ свою очередь, вздумаютъ ставить подобныя несоразмѣрныя требованія, ученики будутъ завалены непосильной работой. Въ первомъ случаѣ они на экзаменахъ окажутся недостаточно подготовленными, во второмъ — тѣлесно и нравственно утомленными и часто отупѣвшими.

Въ обоихъ же случаяхъ, преслѣдуемая заведеніемъ цѣль — развить въ воспитанникахъ умственные способности и сохранить физическія силы къ дальнѣйшему изученію каждой науки не будетъ достигнута.

Какъ противодѣйствіе всему этому, на помощь нашему юношеству часто является свойственная ему безпечность и лѣнность и еще то уравновѣшивающее обстоятельство, что никогда и ни въ одной школѣ не можетъ быть такого состава учителей, въ который исключительно входили бы сангвиники, флегматики, меланхолики или холерики, и такого класса, гдѣ бы одновременно преподавали два лица съ совершенно одинаковыми характерами. Слѣдовательно, и взгляды на значеніе работъ будутъ различны, и ученикамъ откроется нѣкоторая свобода въ выборѣ предмета и объема домашнихъ занятій.

Выводъ.

Каждый отдѣльный учитель, въ особенности преподаватель одного предмета, рѣдко обладаетъ на столько безпристрастнымъ взглядомъ, чтобы ему одному было предоставлено право рѣшать размѣръ домашнихъ работъ.

II.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ, на обязанности коихъ лежитъ ближайшій надзоръ за домашними занятіями учениковъ. Главнымъ образомъ, это родители и лица, заступающія ихъ мѣсто. Но и здѣсь ка-

кое удивительное разнообразіе взглядовъ! Темпераменты оказываютъ не меньшее вліяніе, чѣмъ и на учителей, но здѣсь еще взгляды зависятъ отъ степени образованія родителей, отъ многочисленности и состоянія здоровья семьи, понятій домашняго доктора, общественнаго положенія, должности и денежныхъ средствъ главы семейства, и, наконецъ, въ большихъ городахъ, даже отъ мѣстоположенія квартиры. Нельзя себѣ представить, чего только не приходится директору выслушивать по поводу всего этого въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а иногда даже и нѣсколькихъ минутъ. Рѣшающимъ является прежде всего взглядъ матерей. Отцамъ, «сизмучившимся въ должности», по приходѣ домой «вовсе не охота» еще возиться и сердиться. Нельзя же имъ «безъ причины пропустить клубный вечеръ», опоздать на обѣщанную друзьямъ «партію виста», или не явиться въ засѣданіе того или другаго общества, членами которыхъ они состоятъ и гдѣ присутствіе ихъ «крайне необходимо». «Довольно того, что они цѣлый день трудятся для добыванія средствъ къ жизни семьи; невозможно требовать, чтобы они еще и вечеромъ наблюдали за уроками дѣтей». Эта забота выпадаетъ исключительно на долю «мамаши».

Если мать обременена многочисленнымъ семействомъ, то школа оказываетъ ей огромную услугу и помощь, задавая по возможности больше уроковъ. Мальчики, которые недостаточно заняты, начинаютъ скучать, шалить и надѣдаться матери и сестрамъ. Уроки, какого-бы рода они ни-были, являются «сущею благодатью» и сохраняютъ домашній миръ, если наполняютъ собою весь вечеръ. А между тѣмъ, какъ рѣзко противорѣчитъ себѣ та-же мать, если ей потребуется какая-либо услуга отъ сына, если надо послать его въ аптеку, къ доктору, въ лавку, или же просто съ порученіемъ къ знакомымъ, и если на просьбу свою она получаетъ отвѣтъ, что уроки еще не кончены. «Несносные уроки!» ворчитъ она про себя, но на столько громко, что слова ея ясно долетаютъ до слуха сына, который и мотаетъ себѣ ихъ на усъ.

Встрѣчаются, впрочемъ, и такія семьи, гдѣ отецъ можетъ заботиться и дѣйствительно заботится объ урокахъ дѣтей, особенно сыновей, такъ какъ служба, слабое здоровье, привычка къ удобству или любовь къ семейной жизни и къ своимъ привязываютъ его къ дому; иногда же просто средства не позволяютъ посѣщеніе клубовъ, ресторановъ, обществъ и т. д.

Если работы сыновей доступны его пониманію, отъ готовъ дать имъ добрый совѣтъ, оказать разумную или неумѣстную помощь и пересмотрѣть ихъ работы; если же онъ не понимаетъ заданнаго, но притомъ скромнень, то, уважая авторитетъ школы, онъ предоставляетъ ей судить объ урокахъ и не допускаетъ никакихъ прекословій со стороны сыновей. Послѣднее, впрочемъ, въ наше время, случается крайне рѣдко, такъ какъ нынѣ всѣ считаютъ свои сужденія вполне компетентными, и нерѣдко даже у умныхъ людей вырываются о школахъ слова сомнѣнія и неудовольствія, которыя находятъ благодарную почву въ душахъ дѣтей и пускаютъ въ нихъ глубокіе корни.

Хорошо, если отецъ сознаетъ и даетъ себѣ отчетъ въ томъ, для какой именно цѣли онъ опредѣляетъ сыновей въ среднее учебное заведеніе. «Единственное, что я могу дать имъ — хорошее образованіе.» «Отцу самому не довелось многому учиться, пусть же сыновья пойдутъ дальше.» «Ученье стоитъ дорого, а деньги добываются съ трудомъ, и потому мальчики должны усердно работать.» «Въ настоящее время на всякую службу требуется челоувѣкъ образованный.» «Во что бы то ни стало, сыновья должны добиться права на свидѣтельство по отбыванію воинской повинности, безъ котораго невозможно никуда пристроиться.»

Тамъ, гдѣ руководятся подобными воззрѣніями, къ домашнимъ работамъ относятся благосклонно и съ должнымъ уваженіемъ, но часто только до тѣхъ поръ, пока это не мѣшаетъ домашнимъ или торговымъ интересамъ отца. Воль-скоро уроки препятствуютъ сыну исполнить порученіе отца, какъ-то: сбѣгать на почту, снести товаръ или получить по счетамъ деньги, это вызываетъ неудовольствіе. Если отецъ и владѣетъ собою на столько, чтобы не выразить прямо своей досады, онъ тѣмъ не менѣе отправляетъ сына куда надо, утѣшая его словами: «уже я за тебя извинюсь», не думая о томъ, что въ глазахъ сына, привыкшаго ставить мнѣніе отца выше всего, значеніе урока унижено этими словами быть можетъ на всегда.

Иногда родители заглядываютъ дальше и, смотря по роду дѣятельности, къ которой съ дѣтства предназначаютъ сыновей, опредѣляютъ ихъ въ гимназію или въ реальное училище, если мѣстныя условія вообще позволяютъ выборъ. Положимъ, что преимущество дано гимназіи, по необходимости ли, или въ виду тѣхъ привиллегій, которыя она даетъ; тогда всѣ безъ исключенія твердятъ одно: «латинскіе и греческіе уроки — главные, ихъ вы должны готовить».

Само собою разумѣется, что сынъ выводитъ изъ этого совершенно вѣрное заключеніе, что всѣ остальные уроки не важны — ихъ можно готовить кое-какъ.

Если же реальное образованіе найдено болѣе подходящимъ, или же мѣстныя условія не позволяютъ дать другаго, тогда цѣли, преслѣдуемая родителями, бываютъ различны:

1) открыть сыну возможность посѣщать лучшую школу, чѣмъ посѣщаль отецъ; но такъ какъ послѣдній очень рано сталъ на ноги, то и сыну не для чего учиться слишкомъ долго, и по достиженіи извѣстнаго возраста его берутъ изъ заведенія.

2) довести сына до полученія свидѣтельства по отбыванію воинской повинности.

3) дать ему полное, законченное реальное образованіе.

Родители первой категоріи требуютъ отъ дѣтей домашняго прилежанія уже потому, что не желаютъ «даромъ бросать деньги за ученіе». Жалобы на лѣность дѣтей вызываютъ гнѣвъ и даже побои. Не смотря на то, родители, по невѣжеству своему, придаютъ важность только тѣмъ урокамъ, въ которыхъ видятъ явную и осязательную пользу для близкой, практической жизни. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ латинскій языкъ — (а, къ сожалѣнію, нынче и законъ Божій) на послѣднемъ планѣ. Такими взглядами и ограниченнымъ числомъ латинскихъ уроковъ въ реальныхъ училищахъ и объясняются слабые успѣхи по этому предмету.

Сужденія двухъ послѣднихъ категорій, относительно учебныхъ предметовъ до V кл. (Obertertia) включительно, въ общемъ сходятся. Домашнія упражненія учениковъ, въ принципѣ, признаются необходимыми, и всякія препятствія къ занятіямъ по возможности устраняются. Начиная съ VI кл. (Unter-Secunda), гдѣ на программѣ появляются новые предметы, какъ-то: тригонометрія, логариомы, физика и химія, взгляды совершенно расходятся.

Къ сожалѣнію, отцы часто бываютъ настолько неразумительны, что, считая сыновей своихъ достаточно развитыми, не только въ ихъ присутствіи выражаютъ свои мнѣнія объ урокахъ, но даже въ разговорахъ съ ними обсуждаютъ и позволяютъ порицать заданное. Разговоры такого рода неизбѣжно приводятъ къ тому, что требованія школы покажутся если не безсмысленными и заслуживающими порицанія, то все же педантичными и черезъ чуръ высокими. Такое отношеніе къ урокамъ наблюдается чаще всего у тѣхъ родителей, которые

уже успѣли подыскать сыну выгодное мѣсто. Если, въ слѣдствіе недостаточнаго усердія и слабыхъ успѣховъ, сынъ не удостоивается аттестата, родители не препятствуютъ ему объяснять это чрезмѣрными строгостями заведенія. Чтобы не осрамиться передъ друзьями и знакомыми, они сами еще находятъ нужнымъ осуждать училище и его требованія. Также поступаютъ часто и тѣ родители, которые открыли въ сыновьяхъ какіе-нибудь воображаемые или дѣйствительные таланты. Развитіе талантовъ требуетъ времени, и каждый часъ, посвящаемый школьнымъ работамъ, считается потеряннымъ, потому что отрываетъ отъ упражненій къ дорого стоящему уроку музыки или не позволяетъ окончить начатый рисунокъ. Наконецъ, на оцѣнку домашнихъ работъ вліяютъ даже уроки танцевъ. Отцы, быть можетъ, и не придають имъ особеннаго значенія, но за то «пріобрѣтеніе приличныхъ манеръ» — вещь необходимая въ глазахъ матерей, *quas penes arbitrium est et jus et norma — domorum.*

Самыя невыгодныя сужденія о домашнихъ работахъ встрѣчаются въ такихъ семьяхъ, гдѣ родители еще, сравнительно, молоды и преданы удовольствіямъ, или же, гдѣ общественное положеніе обязываетъ ихъ часто выѣзжать и принимать. Каждый неоконченный урокъ мѣшаетъ матери заняться туалетомъ, и раздражаетъ отца, потому что извощикъ напрасно ждетъ, и давно уже пора ѣхать. Подобныя условія семейной жизни приводятъ нерѣдко къ самымъ невѣроятнымъ и печальнымъ послѣдствіямъ, и постепенно подрываютъ въ дѣтскихъ сердцахъ уваженіе къ школѣ и къ возлагаемымъ ею обязанностямъ. Не разъ случалось намъ видѣть, какъ въ такихъ случаяхъ отецъ рѣшалъ и даже переписывалъ на-чисто задачи сына, мать собственноручно списывала данный «бѣдняжкѣ» въ наказаніе урокъ, а сестра дѣлала ему сочиненіе.

Во избѣжаніе такихъ, постоянно повторяющихся, сценъ, прибѣгаютъ къ средству, повидимому, радикальному, но на дѣлѣ опасному и нерѣдко губительному: приглашаютъ гимназиста старшаго класса, а иногда и студента, которому поручаютъ наблюденіе за уроками дѣтей. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ всякихъ заботъ, родители съ спокойною совѣстью ѣдутъ въ общество или въ театръ. А дома, какъ часто оказывается, оставленъ «волкъ въ овчарнѣ», т. е. вѣтренный, эгоистичный молодой человекъ, который гораздо больше думаетъ о своихъ собственныхъ интересахъ, чѣмъ о пользѣ порученныхъ ему дѣтей. Мысли гимназиста заняты предстоящими ему экзаменами; студентъ спѣшитъ на товарищеское собраніе. Какъ невыгодно боль-

шинство изъ нихъ отзывается объ урокахъ, и какъ небрежно относятся они къ обязанностямъ, столь легкомысленно на нихъ возложеннымъ! Родители, приглашая ихъ къ дѣтямъ, не постарались даже предварительно убѣдиться въ томъ, отвѣчаютъ ли способности и познанія ихъ хотя бы самымъ скромнымъ требованіямъ. Не станемъ дальше останавливаться предъ столь мрачной картиной, изъ темнаго фона которой выступаетъ такъ мало свѣтлыхъ, отрадныхъ точекъ.

Выводъ.

Родители и лица, заступающія ихъ мѣсто, находятся подъ вліяніемъ столь разнообразныхъ условій, что ихъ сужденія о размѣрѣ и родѣ домашнихъ работъ могутъ быть принимаемы въ расчетъ лишь въ весьма рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ.

III.

И такъ, ни родители, ни отдѣльные учителя не обладаютъ столь безпристрастнымъ взглядомъ, чтобы сужденія ихъ могли служить мѣриломъ домашнихъ работъ. Спрашивается, не способны ли класные наставники, самостоятельно или совмѣстно съ другими учителями, рѣшить этотъ вопросъ. Если нѣтъ, то не призванъ ли къ этому директоръ заведенія? Разъясненіе этого вопроса тѣмъ важнѣе, что высшее учебное начальство, въ особенности въ циркулярѣ своемъ отъ 14 октября 1875 года, очевидно придерживается этого взгляда. Несомнѣнно, что въ теоріи оно такъ, тѣмъ болѣе, если смотрѣть на дѣло съ высоты птичьяго полета, какъ смотритъ на него министръ и его совѣтники: «Кто могъ бы, кажется, вѣрнѣе судить объ этомъ вопросѣ, какъ не класный наставникъ, въ которомъ, такъ сказать, воплощается весь классъ. Онъ обязанъ входить во все: обучать и воспитывать, увѣщевать и предупреждать, награждать и наказывать, удерживать и защищать; да, именно защищать, и не только отъ внѣшней опасности, но отъ всякой несправедливости и отъ чрезмѣрнаго обремененія уроками. И на сколько задача его облегчится, если онъ во всемъ будетъ дружески совѣтоваться съ остальными преподавателями своего класса. Сообща составляется «планъ занятій», одобряется всѣми, и цѣль достигнута; «тяжесть труда облегчена на столько, что дѣлается посильною для cadaго рѣшительно ученика, и не можетъ вызывать никакихъ жалобъ.» Вотъ идеаль! Издали дѣло представляется безспорно такимъ. Съ своей точки зрѣнія, высшее на-

чальство совершенно справедливо возлагаетъ надежды на класнаго наставника и директора, и дѣлаетъ послѣдняго отвѣтственнымъ въ строгомъ и безусловномъ исполненіи «плана занятій», изданнаго класнымъ наставникомъ. Что же оказывается на практикѣ и какимъ является дѣло, если разсмотрѣть поближе? Не надо ни особеннаго знанія людей, ни большой практической опытности, чтобы понять совершенную недѣйствительность, безнелезность и опасность «рѣшеній», принятыхъ многими лицами, да къ тому же еще записанныхъ. Одно уже сознание того, что рѣшеніе принято, и что этимъ какъ-бы сдѣлано дѣло, до того удовлетворяетъ людей, что сознание это дѣйствуетъ почти усыпительно. А коль скоро постановленіе занесено въ протоколъ и подписано присутствующими, зачѣмъ трудиться удерживать въ памяти его содержаніе и точный текстъ? вѣдь, при случаѣ, можно заглянуть въ протоколъ.

Такого рода зло чувствовалось даже во времена Кесаря, когда письменность, сравнительно, была мало развита. Такъ, въ Галліи и Британіи, гдѣ общественный и государственный строй былъ очень простъ, друиды не записывали своего ученія, зная, что ученики ихъ *litteris confisos, minus memoriae studere*; а гениальнѣйшій римлянинъ своего вѣка I. Кесарь прибавляетъ (B. G. II, 14): *quod fere plerisque accidit, ut praesidio litterarum diligentiam in perdiscendo ac memoriam remittant.*

Неудивительно, что въ наше время, когда жизнь такъ многосторонняя, когда живутъ такъ быстро, печатаютъ много, пишутъ еще больше, неудивительно, если учитель, онъ же семьянинъ, занятый государственными, городскими, церковными, общественными, учеными, литературными, артистическими и служебными вопросами, среди запутанныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій жизни, слишкомъ скоро забываетъ о рѣшеніи, имъ же самимъ одобренномъ и подписанномъ. Оттого именно, что оно записано, оно и забывается такъ скоро.

Память — дѣло ранней привычки, неутомимаго, самаго заботливаго упражненія и сильной воли. При малѣйшемъ послабленіи, память притупляется и требуетъ всевозможныхъ вспомоgetельныхъ средствъ. Спекуляція, успѣвшая воспользоваться этимъ, пустила въ торговлю множество различныхъ записныхъ книжекъ, календарей и таблицъ, которые, бывъ допущены въ школу, лишь увеличиваютъ и распространяютъ зло.

При такихъ обстоятельствахъ, выработанный и записанный «планъ занятій», формально — дѣло хорошее, но на практикѣ не приноситъ ни малѣйшей пользы.

Одни преподаватели также легко забываютъ его, какъ и все другое, рѣшенное на педагогическомъ совѣтѣ. Протоколы наглядно доказываютъ, что рѣшенія часто принимаются лишь для того, чтобы быть забытыми, и потому требуютъ постоянного повторенія. Другіе учителя, хотя и хорошо помнятъ о рѣшенномъ, но не находятъ возможнымъ вставлять свое преподаваніе въ такую тѣсную рамку, чтобы обязательно задавать что-нибудь къ каждому уроку, и еще въ такомъ ограниченномъ объемѣ, чтобы ученикъ легко могъ приготовить заданное въ полчаса.

Третьи преподаватели занимаются такими предметами, которые требуютъ, время отъ времени, кромѣ текущихъ небольшихъ подготовокъ, болѣе обширной разработки (по математикѣ и естеств. исторіи) или сочиненія (по языкамъ: французскому, нѣмецкому, англійскому, и въ гимназіяхъ латинскому). Преподаватели такихъ предметовъ не допускаютъ раздробленія работъ, такъ какъ при самыхъ выгодныхъ условіяхъ она вышла бы плохою мозаикой; въ большинствѣ же случаевъ только *rudis indigestaque moles*.

Бываютъ также учителя, даже изъ лучшихъ, которые очень скоро и совершенно сознательно перестаютъ придерживаться ими же утвержденнаго «плана», потому что пришли къ убѣжденію, что, при предполагавшихся органиченыхъ требованіяхъ, невозможно достигнуть желаемой цѣли. Этими послѣдними руководятъ усердіе и любовь къ дѣлу. Но есть и такіе преподаватели, которые приходятъ къ тому же результату въ слѣдствіе лѣни и ради удобства. Они находятъ, что задаваемая ученикамъ работа слишкомъ мала, чтобы наполнить собою весь урокъ; а такъ какъ роль слушателя имъ болѣе по душѣ, чѣмъ роль преподавателя, то они считаютъ нужнымъ увеличивать домашній урокъ. Учебники нѣкоторые служатъ имъ, къ сожалѣнію, очень подходящимъ для этого руководствомъ.

Положеніе класнаго наставника становится очень труднымъ, если онъ не сходится въ понятіяхъ съ своими сослуживцами. Права его относительно послѣднихъ весьма ограничены; но будь онѣ и шире, наврядъ ли бы онъ прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ и пожелалъ портить хорошія отношенія къ товарищамъ. А потому онъ или скрываетъ досаду, или выражаетъ ее въ разговорахъ съ непрічаст-

ными дѣлу сослуживцами; къ виновному же не обращается прямо. Иногда, поддаваясь лучшему влеченію, онъ вступаетъ за интересы своего класса, но какимъ образомъ? Весьма рѣдко, и то съ величайшею осторожностью, избѣгая дѣлать изъ этого шумъ, онъ обращается съ жалобой къ директору. «Всякіе доносы ему ненавистны, а тѣмъ болѣе въ кругу товарищей», а потому онъ проситъ директора оставить его совершенно въ сторонѣ и «сдѣлать видъ, что самъ замѣтилъ безпорядокъ». Гораздо чаще класный наставникъ, въ видахъ сохраненія мира, молчитъ и передъ директоромъ, а старается самъ поправить бѣду тѣмъ, что освобождаетъ учениковъ отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ лично имъ заданныхъ уроковъ, какъ бы признавая передъ ними, что его урокъ былъ лишній и безцѣльный, т. е. не служилъ связью между сегодняшнимъ и завтрашнимъ преподаваніемъ.

«Но, вѣдь, директоръ, наконецъ, имѣетъ полное право употребить въ дѣло свою власть и настоятельно требовать отъ преподавателей всѣхъ классовъ безусловнаго выполненія выработаннаго ими плана».

Это кажется и просто и основательно, но на дѣлѣ точное исполненіе подобной задачи не такъ легко. Директоръ, не менѣ класнаго наставника, считаетъ, какъ для себя лично, такъ и въ интересахъ дѣла, чрезвычайно важнымъ — сохраненіе добрыхъ отношеній между собою и сослуживцами, и старается, по возможности, устранить всякое возникшее разногласіе.

До тѣхъ поръ, пока уступчивостью своею онъ не вредитъ заведенію или самому себѣ, онъ всячески избѣгаетъ непріятныхъ столкновеній съ каждымъ отдѣльнымъ учителемъ, а тѣмъ болѣе со многими или со всѣми. Часто, если дѣло касается способнаго, энергичнаго и усерднаго преподавателя, директору приходится, чтобы не отбить у него охоты къ занятіямъ, допускать незначительныя уклоненія отъ плана и смотрѣть на нихъ сквозь пальцы. Такимъ снисхожденіемъ онъ какъ-бы выражаетъ одобреніе дѣятельности преподавателя и поощряетъ его усердіе. Само собою разумѣется, что если чрезмѣрныя требованія даже такого учителя найдутъ слишкомъ далеко и будутъ повторяться, то директоръ не задумается сдѣлать и ему замѣчаніе, хотя бы въ самой мягкой и осторожной формѣ. Принятія имъ мѣры во всякомъ случаѣ могутъ быть только репрессивны; предупредить же какіе бы то ни было промахи учителей онъ никакъ не въ состояніи.

Директоръ можетъ только: просить, совѣтовать, предостеречь, предписывать и запрещать. Какъ слова его будутъ приняты, какъ поняты и исполнены — зависитъ не отъ него: дѣло онъ имѣетъ съ людьми, а не съ заведенными машинами, съ сослуживцами, а не съ рабами, слѣпо повинующимися господину. Предположимъ, что всѣ они и изъявляютъ величайшую готовность подчиняться его волѣ; все же они остаются людьми, могущими ошибаться и заблуждаться.

Но, къ сожалѣнію, бываютъ и такіе случаи, что тотъ или другой преподаватель прямо обходитъ директора, и, стараясь поставить на своемъ, употребляетъ разные окольные пути. Онъ задаетъ ученикамъ такъ называемыя «добровольныя работы», исполненія которыхъ онъ «желаетъ», а не «требуетъ». Развѣ такое «желаніе» не дѣлается «нравственнымъ принужденіемъ», если ученика за эти работы удостоиваютъ похвалы или какаго-либо отличія передъ товарищами?

Такое принужденіе становится непростительнымъ, когда преподаватель поощряетъ эти «extra-работы», не только тѣмъ, что признаетъ ихъ передъ учениками «несомнѣннымъ выраженіемъ живаго интереса къ предмету», «средствомъ къ лучшему усвоенію и къ постояннымъ успѣхамъ», «доказательствомъ похвальнаго прилежанія»; онъ еще намекаетъ, что работы эти необходимы для перевода въ слѣдующій классъ, или для полученія аттестата зрѣлости. Противъ всего этого каждый директоръ обязанъ дѣйствовать энергично, а если надо, то и беспощадно. Но и тутъ директоръ можетъ положить предѣлъ злу не иначе, какъ имѣя въ рукахъ ясныя и несомнѣныя доказательства. Разъ онъ убѣдился, немедленная, энергичная и сильная помощь является его прямымъ и святымъ долгомъ. Дѣлать же директора отвѣтственнымъ за малѣйшее преднамѣренное или случайное нарушеніе утвержденного плана со стороны учителей — вещь совершенно невозможная.

«А класные журналы, въ которыхъ вписываются учителями заданные уроки? Развѣ они не могутъ служить директору вполне достаточнымъ средствомъ противъ всякаго нарушенія предписаннаго плана, если онъ будетъ часто и основательно ихъ просматривать?»

Какъ легко было бы директору, еслибы это было такъ! Но, къ сожалѣнію, предлагаемое средство далеко не дѣйствительно. Есть директора, которые еженедѣльно 2 раза просматриваютъ и подписываютъ всѣ журналы своихъ 13—15 классовъ, и все же не въ состояніи предупредить нарушенія плана:

во 1) потому, что узнаеть о многихъ работахъ только тогда, когда онѣ уже сдѣланы или поданы. Въ данномъ случаѣ помочь дѣлу уже невозможно, и все, что директоръ еще можетъ сдѣлать, это — выговоръ учителю, который забылся или просто ошибся.

во 2) журналы, хотя вообще неоцѣнимы для директора, такъ какъ позволяютъ ему составлять себѣ ясное понятіе о ходѣ преподаванія, для вышеупомянутой цѣли имѣютъ весьма мало значенія, потому что лаконическій слогъ, которымъ обыкновенно записываются уроки, не даетъ вѣрнаго понятія объ объемѣ послѣднихъ. Не станемъ распространяться о записяхъ, вошедшихъ въ журналы вслѣдствіе наивнаго усердія однихъ или необдуманности другихъ преподавателей; стоитъ только взглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться въ ихъ невыполнимости или безцѣльности, напр.: «повтореніе курса IV класса», «выучить «Колоколь» Шиллера», «повторить всѣ историческія таблицы» и т. д. Ученикъ, въ такихъ случаяхъ, къ сожалѣнію, часто оказывается умнѣе учителя и смотритъ на обязанность свою очень легко, т. е. онъ или вовсе ничего не дѣлаетъ, какъ еслибы съ него потребовали, чтобы онъ вскочилъ на луну, или же дѣлаетъ сколько можетъ и хочетъ, полагаясь на то, что угадалъ вѣрно. Опять таки директоръ можетъ употребить въ дѣло только запоздалыя увѣщеванія, выговоры и запрещенія на будущее время. Все это дѣйствительно, пока не забудется, а тамъ опять старая пѣсня.

Болѣе важными кажутся, по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда, тѣ случаи, когда директоръ, просматривая журналы, находитъ въ нихъ работы, заблаговременно заданныя, срокъ подачи которымъ — нѣсколько дней. Здѣсь онъ можетъ, если требованія покажутся ему чрезмѣрными, предупредить зло. Но весьма рѣдко найдетъ онъ нужнымъ или желательнымъ вмѣшаться въ дѣло, съ одной стороны потому, что уроки эти являются пока еще единственными въ журналѣ и ему очень трудно рассчитать, сколько къ нимъ можетъ присоединиться текущихъ работъ; съ другой стороны оттого, что изъ записаннаго (напр.: «нѣмецкое [или французское, или латинское] сочиненіе», «6 математическихъ задачъ», «разработка исторической, естественной или литературной темы») невозможно съ точностью опредѣлить, сколько труда и времени потребуетъ именно такое сочиненіе, такія задачи и такія разработки у отдѣльныхъ учениковъ съ различнымъ развитіемъ и способностями.

Словомъ, класные журналы бесполезны, если ведутся только съ тою цѣлью, чтобы дать директору возможность принимать предупредительныя, дѣйствительныя и цѣлесообразныя мѣры противъ обремененія учениковъ уроками.

Безполезными журналы были бы даже и въ томъ случаѣ, еслибы всѣ учителя вздумали поступить по примѣру одного въ высшей степени добросовѣстнаго и усерднаго прусскаго учителя. Чтобы дать ученикамъ возможность распорядиться временемъ, а самого себя заставить во что бы то ни стало и съ полнѣйшею точностью пройти назначенную программу, онъ вписалъ въ журналъ за цѣлое полугодіе впередъ всѣ уроки по своему предмету, не подумавъ о томъ, что нерѣдко придется прибѣгнуть къ значительнымъ отступленіямъ и что каждый, съ пользою заданный урокъ непременно долженъ вытекать изъ преподаванія, а никакъ не опережать его.

Выводъ.

Хотя директора и класные наставники, по своему положенію и опытности, и въ состояніи признать заданные уроки чрезмѣрными, когда они дѣйствительно таковы, но ни тѣ, ни другіе не имѣютъ достаточныхъ средствъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ и на всегда предотвратить обремененіе учениковъ уроками.

IV.

«Какъ? Но неужели инструкціи, данныя директорамъ и кл. наставникамъ отъ вышаго учебнаго начальства, не содержатъ въ себѣ достаточныхъ указаній по этому дѣлу?»

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, приводимъ точный текстъ нѣкоторыхъ инструкцій, чтобы дать возможность всѣмъ, заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, ближе ознакомиться.

1) Инструкція директорамъ провинціи Бранденбургъ: «Директоръ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ утверждаемыхъ имъ планахъ занятій размѣръ домашнихъ уроковъ не превышалъ извѣстной нормы и чтобы избѣгались всякія лишнія, бесполезныя письменныя работы. Поэтому онъ обязанъ время отъ времени контролировать письменныя работы учениковъ.»

О значеніи «плановъ занятій» было говорено выше. «Контроль» тетрадей можетъ указать директору лишь на совершенные уже про-

махи, а потому принесетъ пользу развѣ только на будущее время; прошедшему же и настоящему не поможетъ.

2) Инструкція директорамъ гимназій провинці Вестфалии: «Въ самомъ началѣ учебнаго года, необходимо опредѣлить количество и размѣръ предполагаемыхъ письменныхъ работъ. При всякомъ замѣченномъ отступленіи, директоръ долженъ дѣлать учителю напоминаніе, а если надо, то и замѣчаніе; а отъ тѣхъ учителей, которые, по своей самонадѣянности, поступаютъ по своему, требовать строгаго подчиненія предписаніямъ. Съ неутомимою заботливостью директоръ обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы учениковъ не обременяли механическимъ, умственно-притупляющимъ переписываніемъ тетрадей и таблицъ.» Съ радостью встрѣчаемъ мы указанія о соблюденіи «учебнаго плана», хотя и это можетъ скорѣй служить средствомъ «цѣлительнымъ», чѣмъ предупредительнымъ.

3) Инструкція Прусской провинці возлагаетъ на директора обязанность «заботиться о томъ, чтобы при задаваніи уроковъ, въ особенности письм. работъ, каждый отдѣльный учитель непременно принималъ во вниманіе какъ остальные предметы преподаванія, такъ равно и возрастъ и умственные силы учениковъ.» Но какова именно сила и умственная зрѣлость учениковъ въ отдѣльныхъ классахъ и какимъ образомъ предотвратить обремененіе уроками, здѣсь не указано.

4) Въ инструкціи провинці Помераніи, прежде всего, говорится о работахъ, задаваемыхъ въ наказаніе: «работы эти могутъ быть задаваемы не иначе, какъ въ видѣ исправленія или повторенія небрежно написанныхъ и выученныхъ уроковъ.»

О домашнихъ работахъ, вообще, упоминается только вскользь въ слѣдующемъ распоряженіи: «чтобы имѣть вѣрное представленіе о степени развитія отдѣльныхъ классовъ, о прилежаніи и успѣхахъ каждаго ученика, директоръ обязанъ, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, просматривать тетради каждаго класса. Это даетъ ему случай ознакомиться также съ цѣлесообразностью и числомъ задаваемыхъ работъ.»

Но какъ поступить директору, если окажется, что онъ, по истеченіи года, найдетъ ихъ дѣйствительно нецѣлесообразными, объ этомъ инструкція умалчиваетъ; а между тѣмъ ученикамъ, пострадавшимъ отъ непосильныхъ работъ, помочь нельзя уже.

5) Инструкція провинці Силезіи гласитъ: «Количество, размѣръ и срокъ подачи письм. работъ опредѣляются въ началѣ учебнаго

года. Должно при этомъ имѣть въ виду постепенное и основательное умственное развитіе, а также принимать во вниманіе физическое развитіе и здоровье учащихся.»

Ничего болѣе здѣсь не прибавлено.

6) Въ инструкціи провинці Познани директору вмѣняется въ обязанность: «провѣрять домашнія работы, дабы удостовѣриться въ ихъ цѣлесообразности, и слѣдить за тѣмъ, чтобы для приготовленія уроковъ было опредѣленное время и чтобы все строго придерживались этого правила. Соблюденіе его послужить, въ общемъ, предохранительнымъ средствомъ противъ обремененія уроками, а у отдѣльнаго учителя отнять возможность своими чрезмѣрными требованіями наносить ущербъ другимъ предметамъ.»

Здѣсь, наконецъ, дѣло разсматривается подробнѣе, и на директора возлагаются точно-опредѣленные обязанности. Само собою разумѣется, что съ ними связаны извѣстныя, хотя и прямо не названныя, права.

7) Инструкція провинці Саксоніи касается этого предмета въ болѣе общихъ выраженіяхъ: «директоръ заботится о томъ, чтобы при назначеніи домашнихъ работъ, тѣмъ болѣе письменныхъ, соблюдался опредѣленный объемъ и правильное распределеніе.»

Значеніе этого распоряженія весьма ничтожно и каждый можетъ понимать его по своему. Въ добавленіяхъ къ нему, которыхъ мы не желали бы здѣсь приводить, намекается даже на то, что въ учителяхъ предполагаютъ не излишекъ усердія, а скорѣе недостатокъ его, или даже недобросовѣстность.

8) Инструкція Рейнской провинці ничего не говоритъ о составленіи плана занятій учителями и класными наставниками, а обязываетъ самаго директора «предписывать, сколько именно домашнихъ и письменныхъ работъ каждый учитель можетъ требовать отъ учениковъ отдѣльныхъ классовъ. При этомъ назначеніи должно быть обращено вниманіе главнымъ образомъ на основательность работъ и вѣрное преуспѣяніе учениковъ, и во всякомъ случаѣ слѣдуетъ придерживаться благоразумнаго размѣра работъ, не упуская изъ виду физическаго развитія и здоровья учениковъ.»

Хотя мы находимъ болѣе логичнымъ читать по вмѣсто и, тѣмъ не менѣе мы съ радостью привѣтствуемъ въ этомъ распоряженіи значительный успѣхъ. Извѣстно, что «предписанія» не такъ легко забываются, какъ «рѣшенія», а потому дѣйствіе ихъ сильнѣе и про-

должительнѣе. Требованіе инструкціи несомнѣнно, и въ значительной степени увеличиваетъ ответственность директора, а между тѣмъ оно не соотвѣтствуетъ дальнѣйшему распоряженію, гдѣ ему вмѣняется въ обязанность только: «не менѣе раза въ годъ ревизовать отдѣльные классы, и при этомъ обращать особое вниманіе на то, исполнилъ-ли каждый отдѣльный учитель предписаніе, данное ему относительно письменныхъ работъ.»

9) Въ инструкціи провинціи Ганноверъ говорится только: «что касается домашнихъ работъ учениковъ, директоръ обязанъ слѣдить за соотвѣтствующимъ ихъ распредѣленіемъ, за правильнымъ выборомъ темъ и за точнымъ и аккуратнымъ исправленіемъ письменныхъ работъ. Для этой цѣли ему предлагается ежегодно просматривать тетради учениковъ.» Инструкція эта очень сходна съ тою, которая дана провинціи Саксоніи.

Изъ другихъ частей Германіи издателю не удалось еще получить свѣдѣній по этому вопросу; а было бы очень интересно ознакомиться и съ тамошними распоряженіями.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію инструкцій, данныхъ класнымъ наставникамъ.

1) Провинція Пруссія. О домашнихъ работахъ вовсе не упоминается.

2) Провинція Бранденбургъ, § 6: «класному наставнику предписывается составить, вмѣстѣ съ другими учителями, «планъ занятій» и передать таковой директору на разсмотрѣніе и утвержденіе. Класный наставникъ сообщаетъ утвержденный планъ остальнымъ учителямъ и ученикамъ къ свѣдѣнію и исполненію.» О мѣрахъ, какими кл. наст. можетъ достигнуть исполненія плана, ничего не говорится.

3) Провинція Померанія, § 8: «Класный наставникъ обязанъ заботиться о соблюденіи надлежащаго порядка и соразмѣрности домашнихъ работъ.»

При этомъ указывается на министерскіе циркуляры, о которыхъ будетъ говорено ниже.

4) Провинція Познань, § 2: «одна изъ главнѣйшихъ обязанностей кл. наставника состоитъ въ томъ, чтобы зорко слѣдить за задаваемыми домашними работами, за равномѣрнымъ распредѣленіемъ таковыхъ, и чтобы предотвращать всякое обремененіе учениковъ.»

Здѣсь, наконецъ, какъ и въ инструкціяхъ директорамъ, намечается на предупредительныя мѣры, но не объясняется, какого именно

рода онѣ должны быть, и какія именно права предоставляются кл. наставнику для достиженія цѣли.

5) Провинція Шлезвигъ: § 7 ссылается, во первыхъ, на инструкціи директорамъ, предписывая при этомъ нѣкоторыя формальности. Затѣмъ слѣдуетъ: «если класный наставникъ въ продолженіи учебнаго года найдетъ, что ученики его класса обременяются непосильными работами одного изъ учителей, онъ долженъ, для устраненія зла, переговорить съ товарищемъ, а въ крайнемъ случаѣ доложить дѣло въ совѣтъ.»

Здѣсь класному наставнику предоставляются хоть какія нибудь права, и даются указанія на репрессивныя мѣры.

6) Провинція Саксонія, § 7: «чтобы предупредить обремененіе учениковъ слишкомъ многими, одновременными работами, кл. наставникъ обязанъ, посредствомъ соглашеній съ товарищами, содѣйствовать равномерному распредѣленію уроковъ.»

Дальнѣйшія распоряженія этой инструкціи имѣютъ ту же неопредѣленность и то же недовѣріе къ учителямъ, какія мы видѣли въ инструкціи директорамъ провинціи Саксоніи.

7) Провинція Вестфалія, § 7: «если класный наставникъ замѣтитъ, что ученики его класса обременяются уроками вообще или въ извѣстные дни недѣли, онъ обязанъ переговорить объ этомъ съ учителями на совѣтъ.»

Распоряженіе это такъ ничтожно, что не можетъ имѣть большаго значенія.

8) Рейнская провинція, § 4: «вступая въ соглашеніе съ другими учителями и съ директоромъ, кл. наставникъ долженъ стараться о томъ, чтобы домашнія письменныя работы, повторенія и заучиванья на память были равномерно распредѣляемы на различные дни недѣли. Если онъ найдетъ, что уроки, внесенные въ журналъ какимъ нибудь учителемъ, превышаютъ должную мѣру и оказываются непосильными всему классу или отдѣльнымъ ученикамъ, онъ обязанъ высказать учителю свое мнѣніе, а если окажется нужнымъ — объявить объ этомъ на совѣтъ.»

Здѣсь находимъ хоть какое нибудь противодѣйствіе «забывчивости» и указаніе на средство къ устраненію зла, хотя для многихъ средство это будетъ болѣе, чѣмъ непріятно.

9) Провинція Ганноверъ, § 6: «кл. наставникъ обязанъ обращать вниманіе на размѣръ домашнихъ работъ и устранять всякое

обремененіе учениковъ соглашеніемъ съ товарищами, а если надо — докладомъ въ совѣтъ.»

О планѣ занятій, выработанномъ сообща, не говорится. Отвѣтственность возлагается исключительно на кл. наставника. Съ него требуется устраненіе замѣченныхъ имъ промаховъ, даже на счетъ добрыхъ товарищескихъ отношеній.

Выводъ.

Инструкціи, данныя директорамъ и кл. наставникамъ, частью составлены въ слишкомъ неопредѣленной и общей формѣ, частью могутъ служить только средствомъ къ исцѣленію и удаленію совершившагося уже зла. Но и лучшія изъ этихъ инструкцій недостаточны для того, чтобы предотвратить обремененіе уроками, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и содержатъ въ себѣ намеки на возможность предупредительныхъ мѣръ.

V.

Обратимся теперь къ высшей инстанціи и разсмотримъ министерскіе приказы.

Значеніе и важность ихъ такъ велики, что мы находимъ нужнымъ привести точный текстъ нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Циркуляръ отъ 14-го окт. 1875 г. говоритъ:

1) «Служебныя инструкціи возлагаютъ на кл. наставниковъ обязанность: устанавливать въ началѣ каждаго полугодія, по взаимному соглашенію съ другими учителями, размѣръ домашнихъ работъ, соотвѣтственно требованіямъ каждаго предмета, и распредѣлять ихъ равномерно на всѣ дни недѣли. Обязанность эта иногда упускается ими изъ слишкомъ большаго довѣрія къ укоренившейся привычкѣ учителей. Для устраненія этого, въ протоколъ перваго совѣта каждаго полугодія долженъ быть внесенъ докладъ кл. наставника о томъ, сдѣлано ли требуемое «установленіе» касательно размѣра домашнихъ работъ, и привели ли переговоры учителей къ общему соглашенію. Каждая жалоба на обремененіе работами также вносится въ протоколъ слѣдующаго совѣта, даже въ томъ случаѣ, если надлежащія мѣры къ облегченію уже были приняты самимъ учителемъ, кл. наставникомъ или директоромъ. Окружное начальство при ревизіи и на испытаніи зрѣлости обратитъ должное вниманіе на выполненіе вышеизложеннаго распоряженія, и будетъ имѣть возможность лично переговорить объ этомъ вопросѣ.»

2) «При назначеніи письменныхъ работъ, слѣдуетъ руководствоваться тѣмъ дидактически — необходимымъ правиломъ, что задавать можно лишь такіе уроки, которые поправляются учителемъ не иначе, какъ внѣ учебныхъ часовъ. Въ наказаніе могутъ быть задаваемы домашніе уроки только въ тѣхъ случаяхъ, когда совершенный проступокъ по свойству своему вынуждаетъ ихъ, но отнюдь не должны быть примѣняемы какъ удобнѣйшее средство наказанія. За соблюденіе этихъ правилъ отвѣтственны директора.

3) «Директоры должны обращать вниманіе на то, не достигаетъ ли въ отдѣльныхъ классахъ число остающихся на второй годъ учениковъ болѣе значительнаго процента, чѣмъ это можетъ быть объяснимо различнымъ уровнемъ способностей и прилежанія. Въ такомъ случаѣ директорамъ необходимо изслѣдовать, въ особый конференціи съ учителями означеннаго класса, не кроется ли причина такого зла въ слишкомъ высокихъ требованіяхъ отдѣльныхъ учителей или же во всей постановкѣ учебнаго дѣла.

4) «Учебнымъ округамъ предлагается сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы директора всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній въ концѣ программы на будущій годъ напечатали слѣдующее прибавленіе:

«Школа печется о томъ, чтобы посредствомъ задаваемыхъ домашнихъ работъ упрочить успѣшность преподаванія и приучить учениковъ къ самостоятельнымъ занятіямъ; но она отнюдь не требуетъ, чтобы ученики посвящали домашнимъ работамъ слишкомъ продолжительное время во вредъ умственному и физическому развитію. Въ обоихъ случаяхъ школа считаетъ себя въ правѣ надѣяться на поддержку со стороны семьи. На родителей и лицахъ, заступающихъ ихъ мѣсто, лежитъ обязанность самимъ слѣдить за постояннымъ домашнимъ прилежаніемъ своихъ дѣтей и за правильнымъ распредѣленіемъ времени ихъ занятій.»

«Но если они найдутъ, что требованія школы превышаютъ дозволенную мѣру и занимаютъ слишкомъ продолжительное время, они обязаны доводить объ этомъ до свѣдѣнія заведенія. Школа убѣдительно проситъ родителей и лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто, обращаться въ подобныхъ случаяхъ съ личными или письменными заявленіями къ директору или наставнику. Такого рода заявленіе со стороны родителей никогда не можетъ повредить ученику, а приведетъ только къ точному и безпристрастному разслѣдованію дѣла. Аноним-

ныя письма, употребительныя нерѣдко въ такихъ случаяхъ, затрудняютъ подробную провѣрку дѣла и выражаютъ недовѣріе, отнимающее у школы всякую возможность столь необходимаго объясненія съ родителями.» »

Въ отчетахъ, которые должны быть представлены о гимназіяхъ въ концѣ 1876 г. и своевременно о реальныхъ и городскихъ училищахъ, учебнымъ округамъ предлагается обратить особое вниманіе на вопросъ о правильномъ размѣрѣ домашнихъ работъ учениковъ.

Главнѣйшіе пункты этого циркуляра слѣдующіе.

- 1) Предписывается не только составлять «планъ занятій», но и вносить въ протоколъ перваго засѣданія каждаго полугодія докладъ о томъ, дѣйствительно-ли онъ составленъ, и къ какимъ именно привелъ послѣдствія.
- 2) Всякая жалоба на чрезмѣрное обремененіе уроками вносится въ протоколъ слѣдующаго засѣданія, хотя бы наставникомъ или директоромъ уже были приняты мѣры къ облегченію.
- 3) Членамъ совѣта попечителя предлагается, при посѣщеніи учебныхъ заведеній, обращать свое особое вниманіе на эти протоколы и требовать соответственныхъ объясненій.
- 4) Ни одна письменная работа не должна быть задаваема, которая не поправляется учителемъ дома.
- 5) Въ наказаніе дозволяется задавать лишь такіе уроки, которые вызваны свойствомъ совершеннаго проступка.
- 6) Директоры отвѣтственны за соблюденіе двухъ послѣднихъ правилъ.
- 7) Директорамъ предписывается слѣдить за тѣмъ, не объясняется ли причина слишкомъ малаго процента переведенныхъ въ слѣдующій классъ чрезмѣрными требованіями отдѣльныхъ учителей или всей постановкой учебнаго дѣла.
- 8) Въ концѣ годовыхъ отчетовъ должно быть прибавленіе, обращенное къ родителямъ, съ просьбою содѣйствовать правильному распредѣленію домашнихъ занятій, и если послѣднія покажутся имъ чрезмѣрными, то заявлять объ этомъ, но не анонимными письмами, а писанными съ полнымъ довѣріемъ.

Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы никакъ не можемъ питать надежды, чтобы всѣ 8 вышеприведенныхъ пунктовъ привели къ благотворнымъ послѣдствіямъ.

Первыя три правила, хотя и побуждаютъ къ составленію «плана занятій», но ничѣмъ не обусловливаютъ и не обезпечиваютъ его цѣлесообразности и выполненія.

Въ протоколъ вносится о такихъ промахахъ, которые давно уже устранены, раньше чѣмъ совѣтъ попечителя узналъ о нихъ. Но и узнать онъ можетъ о нихъ лишь въ томъ случаѣ, если, прїѣзжая съ цѣлью присутствовать при испытаніяхъ зрѣлости (врядъ-ли онъ можетъ чаще бывать), членъ совѣта найдетъ время и охоту просмотрѣть, кромѣ экзаменаціонныхъ работъ и относящихся къ нимъ протоколовъ, еще и протоколы всѣхъ совѣтовъ за цѣлое полугодіе.

Четвертое предписаніе слишкомъ натягиваетъ лукъ, и потому можетъ имѣть только вредное дѣйствіе. Понятое буквально, оно исключаетъ даже упражненія въ чистописаніи чиселъ, буквъ и словъ нѣмецкимъ, латинскимъ и греческимъ шрифтомъ. Отъ этого можетъ произойти: или нетвердость въ элементарныхъ познаніяхъ по ариметикѣ, орфографіи и иностраннымъ языкамъ, или же учителя, особенно по языкамъ и въ переполненныхъ классахъ, будутъ до такой степени обременены работой, что и самые сильные изъ нихъ не выдержатъ. Понятно, что правительство не можетъ его разяснить, отмѣчая, какъ несомнѣнныя исключенія изъ запрещенныхъ работъ, слѣдующія: упражненія въ ариметикѣ, списыванье и чистописанье, спряженія и склоненія (съ ограниченіемъ), переводы отдѣльныхъ отрывковъ съ иностранныхъ языковъ или на таковыя, черченіе картъ, аппаратовъ и частей растений. Такаго рода разясненіе кажется намъ крайне необходимымъ; въ противномъ случаѣ неминуемо должна поколебаться твердость познаній во всѣхъ классахъ заведенія, а слѣдовательно поколеблется и весь успѣхъ воспитательно-образовательнаго дѣла.

Но тѣмъ болѣе порадовало насъ въ томъ же распоряженіи точное опредѣленіе уроковъ, задаваемыхъ въ наказаніе, къ которымъ уже педагогъ Wiese справедливо относился критически и почти отрицательно. Означенный циркуляръ еще болѣе удовлетворилъ бы насъ, еслибы въ немъ было подобное же упоминаніе о работахъ, задаваемыхъ на каникулярное время.

Предписаніе подъ п. 7) тоже можетъ, хотя и въ послѣдствіи, послужить поводомъ къ принятію подходящихъ мѣръ. Но дѣйствительно плодотворнымъ оно будетъ лишь тогда, если донесеніе директора о томъ, что требованія учебной программы слишкомъ высоки, найдетъ сочувствіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Гораздо мень-

ше пользы общаетъ послѣднее распоряженіе 8). Мы имѣли уже случай говорить о разныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ нами въ продолженіи 37-ми лѣтней дѣятельности надъ родителями и ихъ способностью суждений. Въ поясненіе нашего сомнѣнія приводимъ только одинъ примѣръ изъ новѣйшаго времени: родителямъ нашихъ учениковъ было предложено записывать ежедневно, въ продолженіи цѣлой недѣли, сколько именно времени сыновья ихъ употребляли каждый день на письменныя, и сколько на устныя работы. Нормою для домашнихъ занятій въ VI кл. (Unter-Secunda) было назначено приблизительно четыре часа. Одинъ отецъ, воспользовавшись случаемъ, прибавилъ слѣдующее замѣчаніе: «Мнѣ кажется, что работа, предписанная въ такомъ размѣрѣ, должна вредно отозваться на физическомъ развитіи. Притомъ, ученику не остается времени для отдыха, частныхъ уроковъ и другихъ занятій.» Другой отецъ, сынъ котораго въ томъ же классѣ, пишетъ: «Не мѣшало бы задавать побольше работы; привыкнуть къ лѣни эти господа всегда успѣютъ».

Угодить всѣмъ родителямъ — рѣшительно невозможно. Заявленія ихъ, хотя и за подписью, конечно заслуживаютъ вѣжливаго и подробнаго объясненія съ родителями, но не могутъ быть признаваемы безусловно вѣрными. Что же касается анонимныхъ заявленій, авторами которыхъ чаще бываютъ сами лѣнивые ученики, чѣмъ ихъ родители, то изъ словъ циркуляра видно, что онѣ считаются только менѣе дѣйствительными, а не совершенно ничтожными и годными быть брошенными въ печку. Объяснить это можно развѣ только черезъ lapsus calami слишкомъ благодушно настроеннаго начальника, писавшаго циркуляръ.

Выводъ.

Министерскіе циркуляры содержатъ различныя, весьма хорошія указанія, которыми ни одна инструкція не воспользовалась вполнѣ; нѣкоторыя же оставили указанія эти совсѣмъ безъ вниманія. Но такъ какъ и министерскіе циркуляры сами не опредѣляютъ «правильной мѣры» и «соразмѣрнаго распредѣленія», а предоставляютъ это или директору одному, или же рѣшенію большаго или меньшаго числа учителей, то хорошія и даже лучшія изъ указаній оказываются если не совершенно недействительными, то все же, откровенно говоря, недостаточными.

VI.

Попробуемъ сами установить «правильную мѣру», не только для одного нашего заведенія, какъ обязываетъ насъ къ тому должность, но и для всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеній, каковы бы ни были ихъ наименованія. Если намъ это удастся, то «соразмѣрное распредѣленіе» найдется само собою. Разъ имѣя мѣру, можно размѣрять и дѣлить сколько угодно.

Настоящее поле дѣятельности для учениковъ и учителей есть школа. Главнѣйшее время занятій какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ — учебные часы.

Домашнія работы связываютъ школу съ домомъ. Они должны истекать изъ преподаванія, дополнять его, или скорѣе служить какъ бы органическою связью одного урока съ другимъ.

Всякому учителю, который любитъ и знаетъ свое дѣло, и притомъ во время урока добросовѣстно относится къ своимъ обязанностямъ, вполне достаточно, если для каждаго часового урока ему дано будетъ право назначать пол-часа домашнихъ занятій (на повтореніе или приготовленіе).

Располагать большимъ временемъ можетъ ему быть разрѣшено только въ исключительныхъ случаяхъ (для сочиненій, опытовъ, черченія картъ и т. п.) и по соглашенію съ сослуживцами. Если учитель найдетъ, что предписанное время для него недостаточно, тѣ въ этомъ виноваты онъ самъ, т. е. его неумѣлое и неусердное преподаваніе, и ему слѣдуетъ исправиться. Если же время это, предположивъ умѣлыхъ и усердныхъ учителей, окажется вообще недостаточнымъ, чтобы выполнить въ теченіе полугодія все предписанное, или успѣшно окончить полный курсъ, то въ первомъ случаѣ виноваты полугодовыя расписанія, во второмъ — неправильно составленная программа полного учебнаго курса. Первые должны быть отмѣнены директоромъ, вторая высшимъ начальствомъ.

Поэтому, наибольшую «дозволительную мѣрою» слѣдуетъ неотмѣнно постановить для каждой недѣли «половинное число всѣхъ еженедѣльныхъ уроковъ.» Постановленіе это должно быть сдѣлано министерствомъ для всей страны, но не окружнымъ начальствомъ по своему округу, еще менѣе директорами, къ взглядамъ которыхъ могли бы отнестись недовѣрчиво, считая ихъ личными и непостоянными, и всего меньше педагогическими совѣтами, рѣшенія коихъ могутъ измѣ-

няться каждыя двѣ недѣли и, повторяемъ, быть дѣйствительными развѣ только для меньшинства ихъ членовъ.

Коль скоро это мѣрило времени установлено, то и соразмѣрное распредѣленіе будетъ найдено безъ всякаго труда и съ математическою точностью.

Числомъ еженедѣльныхъ уроковъ, назначенныхъ въ росписаніяхъ по каждому предмету, правительство ясно опредѣлило большую или меньшую важность предмета. Это число, дѣленное на 2, указываетъ каждому учителю на максимумъ того, что онъ въ правѣ требовать для своего предмета, и даетъ не только директорамъ и кл. наставникамъ, но и каждому учителю полную возможность съ успѣхомъ и безъ неприязни дѣйствовать противъ того, чтобы «отдѣльный учитель своими чрезмѣрными требованіями не наносилъ ущерба другимъ предметамъ.»

Но все же эта «наибольшая мѣра» должна быть требуема не во всякое время, не во всѣхъ классахъ и не одновременно отъ всѣхъ учителей.

Не во всякое время: т. е., праздники, разумѣется, исключаются; на каникулы — время отдыха какъ для учителей, такъ и для учениковъ, могутъ быть даваемы ученикамъ развѣ только наставленія на счетъ полезнаго употребленія свободнаго времени, занятій безъ посторонняго руководства и выбора чтенія для избѣжанія праздности; все это будетъ принято многими родителями съ большою благодарностью. Но ни въ какомъ случаѣ отдѣльному учителю не должно быть разрѣшаемо задавать каникулярныя работы по своему усмотрѣнію и ставить исполненіе ихъ условіемъ перевода въ слѣдующій классъ, между тѣмъ какъ для ученика, послѣ полного отдыха, они служатъ въ лучшемъ случаѣ лишь облегченіемъ начала занятій, и исполняются учениками въ видѣ *opus operatum* до начала или въ первые два дня каникулъ. Поэтому, такъ называемыя каникулярныя работы слѣдуетъ рѣшительно воспретить министерскимъ распоряженіемъ.

И не во всѣхъ классахъ можетъ быть примѣняема одинаково эта «наибольшая дозволенная мѣра» требованій. Здѣсь рѣшающими являются: степень познаній, сила и способности учениковъ отдѣльныхъ классовъ, физическое развитіе и здоровье, а также время года (лѣтомъ, во время купанья, гимнастики и прогулокъ — меньше!)

Поэтому, намъ кажется самымъ цѣлесообразнымъ, если высшею нормою времени для домашнихъ работъ будетъ назначена слѣдующая: для I и II классовъ (Sexta und Quinta) $1\frac{1}{2}$ часа, для III и IV (Quarta und Unter-Tertia) 2 часа, для V и VI (Ober-Tertia und Unter-Secunda) $2\frac{1}{2}$ часа, для VII и VIII (Ober-Secunda und Prima) 3 часа.

Въ третьихъ, мы нашли нужнымъ замѣтить, что «наибольшая дозволенная мѣра» не можетъ быть примѣняема всѣми преподавателями одновременно, и въ этомъ мы видимъ вѣрное ручательство за соблюдение главнаго требованія.

Случается, что въ одинъ день назначено 6 уроковъ, и что всѣ они требуютъ домашней подготовки. Въ такомъ случаѣ дозволенная мѣра непременно превысится, и это приведетъ къ обремененію учениковъ, хотя бы каждый учитель былъ вполне увѣренъ, что на подготовку по его предмету не будетъ употреблено болѣе получаса. Въ виду всего этого, а также для назначенія большихъ работъ, сочиненій, черченія картъ и т. д., выработка точнаго «плана занятій» является необходимостью. Но планъ, по содержанию своему, долженъ быть болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ, и имѣть непоколебимымъ основаніемъ своимъ вышеопредѣленную норму. Въ класномъ журналѣ планъ этотъ долженъ быть непременно вписанъ на опредѣленномъ и видномъ мѣстѣ.

Но какъ-же, спросятъ меня, можетъ учитель знать, сколько именно времени употребить каждый ученикъ на ту или другую работу? Какъ ему узнать силы и способности класса, чтобы, руководствуясь ими, не обременять учениковъ своими требованіями?

Различныя предположенія, взгляды и убѣжденія, однимъ словомъ, теорія, здѣсь не приведутъ ни къ чему; помочь можетъ одна только практика. Для всякаго рода работъ, которыя учитель считаетъ необходимыми задавать, онъ долженъ пожертвовать получасомъ класнаго урока и заставить учениковъ работать подъ своимъ наблюденіемъ. Узнавъ, сколько сдѣлали способнѣйшіе и сколько слабѣйшіе ученики, онъ можетъ взять изъ этихъ данныхъ среднее. Такимъ образомъ ему сдѣлается совершенно ясно, сколько именно онъ въ правѣ требовать и ожидать отъ учениковъ, и если задаваемые имъ уроки и тогда еще превысятъ мѣру, вина падеть всецѣло на его, и онъ ни въ чемъ не найдетъ себѣ оправданія. Не недостаточно, чтобы министерскимъ циркуляромъ была установлена одна «мѣра» домашнихъ работъ; слѣдуетъ такимъ же образомъ опредѣлить какого именно рода должны быть домашнія работы.

До сихъ поръ такое точное и полезное распоряженіе сдѣлано было только на счетъ уроковъ, задаваемыхъ въ наказаніе; есть и нѣкоторое предостереженіе противъ механическихъ переписываній тетрадей и таблицъ. Хотя все это несомнѣнно найдетъ полное сочувствіе со стороны истинныхъ педагоговъ, но содержитъ лишь указанія для опредѣленныхъ случаевъ или предостереженія противъ злоупотребленій; какого-либо руководящаго правила не выражаетъ.

Въ одномъ изъ циркуляровъ 1854 г. упоминается о томъ, что домашнія работы должны быть «дополненіемъ» класнаго преподаванія, потому что «главное поле дѣятельности учителей и учениковъ есть школа.» Иначе циркуляръ могъ бы быть понятъ превратно, а въ этомъ случаѣ преподаваніе сдѣлалось бы чѣмъ то незаконченнымъ, требующимъ «дополненія» домашними работами, и мы дожили бы до такого же грустнаго положенія, въ какомъ была Франція въ 1853 г. Тамъ класные уроки имѣли характеръ лекцій и каждое учебное заведеніе должно было имѣть вблизи еще нѣсколько такъ называемыхъ «Institutions», въ которыхъ заданные уроки приготавливались подъ надзоромъ, а отчасти даже предварительно объяснялись. Такіе «Institutions» въ полномъ смыслѣ слова «дополняли» преподаваніе. Поэтому мы предлагаемъ постановить слѣдующее обязательное правило:

«Всякая домашняя работа должна истекать изъ преподаванія или же служить связью съ слѣдующимъ урокомъ.»

Нельзя надѣяться, что этимъ правиломъ можно было безусловно предотвратить всѣ рѣшительно промахи, но она отнимаетъ у виновныхъ всякое оправданіе.

Слѣдуя ему, учитель уже задаетъ не потому что онъ хочетъ, и не то, что хочетъ, съ единственною цѣлью занять учениковъ дома, а потому и то, что онъ долженъ задавать. Ученики его, сначала инстинктивно, а потомъ сознательно поймутъ пользу и необходимость работы и охотно будутъ исполнять заданное.

Составленіе таблицъ и тому подобныя работы, между прочимъ, тоже могутъ быть необходимы, о чемъ мы считаемъ нужнымъ особенно упомянуть, дабы инструкція провинціи Вестфалии не была понята превратно.

Ученикъ долженъ быть приучаемъ не только къ самостоятельному составленію ясныхъ обзоровъ и плановъ; онъ долженъ также привыкнуть правильно владѣть циркулемъ, линейкой и перомъ, чтобы работы его были отчетливы, точны и аккуратны.

Такъ называемыя «разработки», если онѣ ничто другое, какъ машинальныя и торопливыя переписыванья того, что было почти стенографически набросано въ классѣ со словъ учителя, должны быть безусловно отвергнуты. Онѣ не истекають изъ преподаванія и не служатъ связью съ дальнѣйшимъ преподаваніемъ, а представляютъ не болѣе какъ искаженныя и неполныя копіи потеряннаго класнаго урока.

Мы не смѣемъ предположить, что по этому вопросу высказали все необходимое, и что все, высказанное нами необходимо, но мы вполнѣ убѣждены, что не всѣ наши предположенія и взгляды ошибочны.

Предоставляемъ каждому почерпнуть изъ нихъ то, что онѣ найдеть хорошимъ, опровергнуть негодное и испытать сомнительное.

Если такимъ образомъ удастся окончательно установить все дѣйствительно хорошее и вызвать его къ жизни, то всѣ радостно согласятся, если когда-нибудь прочитають слѣдующее:

**VIRGAS LUXURIANTES, QUAE OPERUM DOMESTICORUM NOMINE ORNATAE
SUCUM SCHOLARUM EXSUGEBANT, ACUTA FALCE AMPUTATAS PRUDENTIAE MO-
RUMQUE BONITATIS VEL OPTIMUM ESSE DOCUMENTUM GRATIS ANIMIS TES-
TANTUR SCHOLARUM SUPERIORUM DISCIPULI ATQUE MAGISTRI.**

Воспитываемъ ли мы нашихъ дѣтей или наши дѣти воспитываютъ насъ?

Опыты и объясненія изъ многолѣтней воспитательной практики.

Г. Эребоз, д-ръ въ Эйхенгеймѣ (ок. Риги).

Одинъ великій практическій педагогъ, даже одинъ изъ величайшихъ во всѣ времена, котораго одинъ остроумный человѣкъ назвалъ «великимъ укротителемъ людей», покойный Dr. J. Wichern (см. его биографію F. Oldenberg'a), сказалъ однажды своимъ ученикамъ, между которыми былъ и говорящій къ вамъ эти слова: «думаете ли вы, что вы воспитываете дѣтей? Наоборотъ, дѣти воспитаютъ васъ!»

Это выраженіе даетъ многое для размышленія, особенно, тому, кто фактически занимается рѣшеніемъ педагогическихъ задачъ. Что же хотѣлъ имъ сказать великій человѣкъ? Можетъ быть, этимъ парадоксальнымъ выраженіемъ онъ хотѣлъ внушить намъ смиреніе и предохранить насъ отъ слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ педагогическихъ отправленіяхъ?

Я не думаю, чтобы это было послѣднею его цѣлью; ибо о своей собственной педагогикѣ никто не думалъ такъ скромно, какъ онъ. Онъ также никогда не ставилъ себя выше этого выраженія. Нѣтъ, онъ всегда смотрѣлъ на себя, какъ на послушное орудіе въ рукахъ своего великаго божественнаго Учителя въ дѣлѣ воспитанія людей. Въ Его смотрѣлъ онъ сердце — въ сердце, прощающее грѣхи и любящее дѣтей; тамъ онъ позналъ могущество любви, которая одна только въ состояніи устранить величайшее препятствіе въ дѣлѣ воспитанія, грѣхъ. Въ каждомъ, даже потерянномъ дѣтскомъ сердцѣ открывалъ онъ слѣды изглаженнаго черезъ грѣхъ божественнаго образа, и пытался въ смыслѣ своего Господа и Учителя обновить этотъ образъ. При этой дѣятельности, онъ дѣлалъ прекрасный опытъ надъ своимъ собственнымъ сердцемъ, что именно чрезъ нихъ въ немъ самомъ проявлялся образъ Того, кто одинъ въ состояніи естествен-

ную волю человѣка, при всей личной свободѣ, подчинить божественной. Это называлъ онъ, и это собственно есть, воспитаніе по образу Того, который, какъ человѣкъ, сдѣлался совершеннымъ только чрезъ послушаніе волѣ своего небеснаго Отца, потребовавшего отъ Него креста и смерти. Съ этимъ согласно и то, что знаменитый педагогъ Визе называетъ «образованіемъ воли.» Для такого воспитанія онъ хотѣлъ воспитать своихъ «братьевъ.» Потому онъ говорилъ: «дѣти воспитываютъ васъ.»

Онъ хотѣлъ сказать: дайте подѣйствовать на себѣ образу великаго друга дѣтей Иисуса, какъ онъ выступаетъ предъ вами изъ дѣтскаго сердца въ простотѣ и любви; если вы въ каждомъ дитяти Христовомъ видите дорого прибрѣтенную драгоценность, то это будетъ васъ воспитывать, и вы будете способны болѣе и болѣе очищать этотъ образъ въ дѣтскомъ сердцѣ отъ сора и нечистоты грѣха.

При этомъ онъ увѣщевалъ противъ всякаго умысла и расчета. Чистая, безкорыстная, простая любовь безъ обращенія вниманія на достоинство и безъ расчета на благодарность — вотъ евангельская, христіанская педагогика! Духъ Христовъ есть та божественная воспитывающая сила, которая и насъ дѣлаетъ способными воспитывать дѣтей истинными христіанами! Этимъ уже сказано, что истинное воспитаніе не есть дрессировка, но духовное и религіозное вліяніе личности на личность. Такимъ образомъ мы собственно воспитываемъ тѣмъ, что мы есть, а не тѣмъ, что мы говоримъ. Само собою разумѣется, что такую любовь можетъ производить только тотъ, кто ее имѣетъ, а не тотъ, кто говоритъ о ней, какъ о вещи, чуждой ему; тотъ, кто имѣетъ любовь Христа, кто получилъ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ посвященіе въ педагогическое званіе въ словахъ: «паси овцы моя.»

Также эта любовь не можетъ быть замѣнена никакою теоріею и никакимъ знаніемъ; и насколько вѣрно, что преподаваніе съ заключающимся въ немъ педагогическимъ моментомъ есть существенный факторъ въ дѣлѣ полнаго образованія всего человѣка, настолько же вѣрно и то, что защитники его прежде всего согласятся, что имъ не исключается образованіе христіанскаго характера во всѣхъ отношеніяхъ. Почему я избралъ себѣ педагогическій матеріалъ для обсужденія? Потому что воспитаніе дѣтей есть призваніе моей жизни, которое я около 40 лѣтъ исполняю съ охотою и любовью. Только въ этой области

я могу подѣлиться самостоятельными жизненными опытами, какъ своею собственностью. Опыты же эти составляютъ свободный даръ Господа Бога, за который я Ему долженъ принести благодарность, по словамъ апостола: «пусть всякій служить для другихъ дарованіемъ, которое онъ получилъ.»

Во вторыхъ, я изъ опыта пришелъ къ убѣжденію, что практическая педагогика составляетъ поле, все еще слишкомъ слабо и слишкомъ недостаточно обработанное. Не правъ ли Аминторъ въ Нурош. Plaudereien, что педагогическая практика въ тысячу разъ перегоняется теоріей? Развѣ не неопровержимый фактъ, что, не смотря на всѣ успѣхи во всѣхъ областяхъ знанія, при всѣхъ усиліяхъ законодательствъ и учрежденій для поднятія школы, собственно воспитаніе народа дѣлаетъ очень незначительные успѣхи, если не шагаетъ назадъ? Не очень ли еще слабо это выражено въ виду все болѣе и болѣе распространяющагося матеріализма, въ виду разрушающей здоровье и благосостояніе страсти къ удовольствіямъ, безумной погони за деньгами и прибылью, увеличенія преступленій всякаго рода, и недостатка, даже въ юнѣствѣ, благочестія и уваженія къ авторитету? Не травятъ ли нашу полицію воры, вмѣсто того чтобы ей травить воровъ? О ежедневно проходящихъ по нашимъ улицамъ толпахъ арестантовъ, о переполненіи тюремъ и Сибири нечего и говорить. Когда же Христосъ говоритъ: «по плодамъ ихъ вы ихъ узнаете», то эта притча о деревѣ можетъ быть примѣнена также къ педагогикѣ. И по истинѣ, она приноситъ много злыхъ, горькихъ плодовъ, такъ горькихъ, что тысячамъ родителей они отравляютъ всякую радость жизни. Въ такомъ случаѣ дерево должно быть гнилое или, по крайней мѣрѣ, больное!

Почти не подлежитъ сомнѣнію, что большинство нравственныхъ и соціальныхъ бѣдъ нашихъ дней тѣснѣйше связаны съ недостаточною педагогическою практикою нашего времени. Когда же эти нравственные нужды предъ нашими глазами прогрессивно возростають, и соціальныя, подобно лавинамъ, сжимаются въ комъ, и тѣ и другія вмѣстѣ угрожаютъ существующему обществу гибелью, то не слѣдуетъ ли порѣшить, чтобы всякій въ своей части и въ своемъ кругѣ докапывался корней зла, чтобы ихъ, гдѣ возможно, вырвать и изгладить? А всѣ эти бѣды вмѣстѣ указываютъ на большую педагогическую вину; и какая вина на землѣ отомщается тяжелѣе и ужаснѣе, чѣмъ эта?

Да развѣ это не легкомысліе, граничащее съ безуміемъ, когда наше, нынѣшнее поколѣніе проходитъ мимо открытыхъ бѣдъ, слѣпое къ злу и винѣ, видитъ, какъ собственныя возлюбленныя дѣти идутъ къ гибели, и не спрашиваетъ себя серьезно: что мнѣ должно сдѣлать, чтобы сохранить дѣтей отъ этой гибели?

Мы, призванные Богомъ быть родителями, положи руку на сердце, спросимъ себя: прежде чѣмъ сдѣлаться намъ родителями, думали ли мы хоть разъ о томъ, что это значитъ воспитывать дѣтей? Не возбуждался ли въ насъ этотъ вопросъ, по большей части уже нашими дѣтьми и уже тогда, когда насъ привели въ ужасъ ихъ шалости и глупости, тогда какъ мы давно должны были бы раздѣлаться съ этимъ вопросомъ? И когда мы начали серьезно заниматься этимъ, то, по большей части, не было ли долго наше дѣло невѣрнымъ исканіемъ оцупью, прежде чѣмъ найти правду? Не выводила ли часто насъ изъ терпѣнія наша внутренняя слабость? и вмѣсто того, чтобы спросить опытнаго друга и послѣдовать его совѣту, мы сами дѣлали опыты надъ своими дѣтьми.

Между тѣмъ, вмѣстѣ съ ребенкомъ росло зло его испорченности и становилось все болѣе труднымъ для излеченія. Справиться въ Слово Божіе или въ катихизисъ, конечно, очень немногимъ пришло въ голову. «Желанію знать лучшее» мы чрезъ своихъ прародителей научились въ раю отъ змѣи, но главная причина, почему мы, родители, возможно долго воздерживаемся отъ примѣненія къ нашимъ дѣтямъ практической педагогики, лежитъ въ моей темѣ, и именно между этими строками. Именно, я попытаюсь показать, что мы можемъ правильно воспитывать нашихъ дѣтей только тогда, когда одновременно даемъ себя воспитывать имъ.

Но неправда ли: «это слово жестоко, кто можетъ его слушать?» Да, это очень неудобно и страшно унижительно, когда мы, старые люди, мы «умные и мудрые господа и дамы» должны слушать, что наши дѣти должны насъ учить, увѣщевать, наказывать, нарушать наши сладкіе жизненные обычаи, когда мы должны изъ-за нихъ отказываться отъ чего-нибудь, лишаться чего-нибудь и т. п. Гордость наша становится дыбомъ, тѣло наше корчится, мы съ негодованіемъ отвращаемся къ другимъ задачамъ жизни, и эту, важнѣйшую, возлагаемъ на другихъ лицъ, которыя къ выполненію ея, вѣроятно, еще менѣе-способны, чѣмъ мы сами. Въ концѣ концовъ, подобно птицѣ страусу, мы сунемъ голову въ кустъ, а въ это время охотникъ посылаетъ одну ядовитую стрѣлу за другою

въ сердце нашего дитяти, которыя, вѣрно рассчитанныя, одновременно попадаютъ и въ наше сердце. Но горе той гордости, которая не хочетъ склониться передъ истиною только потому, что она высказывается устами малолѣтняго! — Что я этимъ не защищаю дерзости недозрѣлаго мальчика, желающаго читать мораль своимъ родителямъ, это не нуждается въ дальнѣйшемъ доказательствѣ.

Теперь безъ дальнѣйшихъ околичностей прямо вступимъ въ жизнь. Дѣтская жизнь интересна, гдѣ бы мы ее ни взяли. Эта жизнь состоитъ изъ ясныхъ, повидимому, малыхъ, но столь важныхъ отдѣльныхъ частей, что онѣ вмѣстѣ образуютъ цѣлое. Если эти отдѣльныя дѣйствія слѣдуютъ правильно и своевременно, то получается гармоническое цѣлое, т. е. «воспитаніе дѣтей». При неисчерпаемости моего матеріала, я могу указать изъ нихъ только важнѣйшія. Я начну съ взаимныхъ отношеній между питомцемъ и воспитателемъ, и наконецъ выставлю заключительный результатъ. Какъ нѣчто неизблемое, должно предпослать, что при исполненіи высшаго и священнѣйшаго дѣла, Богомъ людямъ порученнаго, истина служитъ единственною почвою, въ которой возрастаютъ эти растенія изъ сада Божія; любовь должна служить воздухомъ, которымъ они дышутъ, а солнечное сіяніе съ лица родителей и воспитателей — свѣтомъ, который единственно можетъ сообщить имъ цвѣтъ и блескъ.

Начнемъ съ самаго ранняго дѣтства, гдѣ терминъ «пріучиваніе» лучше выражаетъ дѣло, чѣмъ «воспитаніе», и скажемъ о пищѣ, питьи, играхъ, ученіи, занятіяхъ и молитвѣ нашего ребенка.

Начнемъ съ той дѣятельности, съ которою всякій человѣкъ начинаетъ свою жизнь и продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока можетъ — это употребленіе пищи и питья. «Даже это онъ вводитъ въ свое разсужденіе!» думаетъ, можетъ быть, иная мать; «это онъ лучше предоставилъ бы намъ, матерямъ, какъ давать ѣсть и пить дѣтямъ; это мы лучше знаемъ!» Конечно, любезныя матери, вы знаете это основательно! Кормить своихъ дѣтей, видѣть какъ они ѣдятъ, видѣть, какъ это имъ нравится — это ваша радость и отрада. Но изъ опыта я достовѣрно знаю, что многія матери въ этомъ слишкомъ усердствуютъ, что не соблюдаютъ мудрой мѣры ни въ количествѣ, ни въ выборѣ питательнаго матеріала; я далѣе знаю, что многія матери, бабушки и тетуски почти не знаютъ другихъ любезностей по отношенію къ своимъ любимцамъ, какъ постоянно привозить имъ сладости и проч., и непрерывно развивать и поддерживать въ нихъ страсть къ

лакомству. Я также знаю, что отъ такихъ щекотаній гортань дѣлается такъ болѣзненно раздраженною, что дѣти, чтобы вообще имѣть что-нибудь во рту для этой цѣли, хватаются за вещи дурныя и несъѣдобныя. Я знаю, и дѣлаю еще наблюденія, что дѣти для удовольстворенія этого искусственно пробужденнаго и неумѣреннымъ питаніемъ раздраженнаго чувства вкуса дѣлаются лакомками, ворами, пьяницами и наконецъ жалкимъ образомъ погибають.

Послушайте, что объ этомъ сказалъ мнѣ одинъ очень разумный и знаменитый Гамбургскій врачъ, когда я, какъ молодой семьянинъ, имѣлъ малыхъ дѣтей: «конфеты, столь жъ опасны для дѣтей, какъ вино для взрослыхъ. Съ конфетами начинается страсть къ лакомству, съ папиросами и сигарами возбужденіе возобновляется и измѣняется, за тѣмъ переходятъ къ пиву, вину и водкѣ, и пьяница готовъ.»

Я послѣдовалъ его увѣщанію, и не раскаявался въ этомъ, и нынѣ не раскаяваюсь, что за 25 лѣтъ въ моей записи расходовъ ни въ одномъ мѣстѣ нѣтъ конфетъ.

Скажутъ, конечно: «вѣдь, дѣти должны получать что-нибудь подобное; если имъ не давать, то они несправедливыми путями достанутъ.» Въ теоріи это прекрасно сказано, но практически не доказано. Я спрашиваю: почему это необходимо? Будутъ ли дѣти отъ этого счастливы? Навѣрное нѣтъ, а можетъ быть, и даже очень вѣроятно, что будутъ несчастливы. Въ своей здоровой практикѣ мнѣ не приходилось бороться ни съ просьбами, ни съ недовольствомъ, и даже твердою послѣдовательностью въ этомъ отношеніи я вылечивалъ старое въѣвшееся внутреннее зло, и за это пожиналъ благодарность. Что касается до конфетъ и проч. и ихъ значенія, какъ узъ любви, то я долженъ считать это очень сомнительнымъ. Я имѣю и поддерживаю очень интимныя отношенія къ нѣкоторымъ изъ этихъ маленькихъ любимцевъ, но такихъ сладкихъ средствъ привязанности я не употребляю.

Нѣтъ, пусть дѣти ѣдятъ то, что даетъ столь родителей, пусть они даже не выбираютъ, давайте имъ въ праздники и въ другое время также пирожное и, по мнѣ, на Рождество Христова даже конфеты, но только въ опредѣленное время, а не всегда; тогда въ промежутки тѣло будетъ имѣть покой для необходимаго переваренія, и душа будетъ свободна отъ бесполезныхъ и вредныхъ желаній, и я ручаюсь, что оба будутъ лучше преуспѣвать. Пусть у твоего ребенка

даже голодъ будетъ поваромъ, и если простой хлѣбъ съ масломъ кажется ему вкуснымъ, то вспомни, что сказалъ великій педагогъ Вихернъ: «Мы, старики, съ избалованнымъ и притупленнымъ вкусомъ уже и не знаемъ, какъ вкусенъ бываетъ для свѣжаго мальчика хлѣбъ съ масломъ!»

Еслибы вездѣ послѣдовали этой здоровой практикѣ, то она, навѣрное, помогла бы побороть все шире и сильнѣе распространяющуюся, разрушающую всякую семейную жизнь и семейное чувство, иссушающую тѣло и душу, страсть къ наслажденіямъ и удовольствіямъ, и значительно сократить списокъ преступниковъ. Само собою разумѣется, что серьезный воспитатель во всѣхъ этихъ маленькихъ лишеніяхъ долженъ самъ подавать примѣръ питомцу, и оба чрезъ это будутъ развиваться и укрѣпляться, чтобы переносить большія лишенія жизни; и это кромѣ того имѣетъ высокое педагогическое значеніе.

Дальнѣйшую жизнедѣятельность, инициатива которой также исходитъ отъ ребенка, составляетъ игра. Онъ хочетъ всѣмъ играть, что имѣетъ подъ руками: чашками, ложками, ножами, вилками, ножницами, лампами и т. п. Ко всѣмъ этимъ вещамъ онъ протягиваетъ ручки для этой цѣли, и большинство матерей и даже отцовъ думаютъ, что они поступаютъ правильно, когда предметъ, которъй ребенокъ не можетъ схватить безъ вреда себѣ или предмету, удаляютъ изъ пространства, достигаемаго рукою. Изъ этого возникаетъ въ ребенкѣ ложная мысль, что ему нужно все хватать, что можно схватить. При этомъ онъ употребляетъ хитрости и часто торжествуетъ надъ невнимательностью матери, служанки и т. п. Я рѣшительно противъ такой теоріи и такой практики. Скажите пожалуйста, развѣ это не чистѣйшая теорія воровъ: «я беру то, что могу взять?» Развѣ эта ложная материнская практика не оказываетъ на ребенка сомнительнаго вліянія? Выведите, пожалуйста, слѣдствія изъ продолженія такого обращенія и поставте ихъ вмѣстѣ съ указанной въ предшествующемъ пунктѣ практикой способствованія страсти къ наслажденію и удовольствіямъ, и тогда уже не говорите, что вы не знаете, откуда такъ много воровъ.

Я всегда оставлялъ предметъ тамъ, гдѣ онъ стоялъ, и, въ случаѣ надобности, давалъ дѣтской рукѣ чувствовать, что этотъ предметъ стоитъ не для распоряженія ребенка, и чрезъ то внушалъ ему уваженіе къ чужой собственности, и именно на всю жизнь.

«Но вѣдь ребенокъ хочетъ играть!» Тогда купи или сдѣлай ему игрушку, и пусть онъ играетъ ею на возможной свободѣ и независимости, и если онъ при этомъ сломаетъ у куклы носъ или у лошади ногу, то за это его не брани и не бей; это его собственность, а собственностью всякій имѣетъ свободное право располагать. Лучше прими участіе въ его печали и помоги ему поправить бѣду. Также охотно играй со своимъ ребенкомъ. Но можешь ли ты это? т. е., можешь ли ты изъ суеты обыденной своей жизни и изъ міра дѣйствительности, полнаго заботъ и грѣховъ, полнаго нуждъ и бѣдъ, со своимъ ребенкомъ перенестись въ дѣтскій рай, въ міръ его грезъ? Умѣешь ли ты со своимъ ребенкомъ ходить тамъ подъ деревьями жизни, ласково соглашаться съ его мыслями, раздѣлять его радости безъ должностной мины отца или матери, какъ ребенокъ, какъ подобный ему? Не думай, что это такъ легко.

Иисусъ, другъ дѣтей, которому нѣтъ подобныхъ, который зналъ дѣтей такъ, какъ никто другой, взялъ такого маленькаго мальчика, поставилъ его посреди большихъ взрослыхъ учениковъ своихъ и сказалъ къ стыду взрослыхъ и къ чести дѣтей: «Истинно, если не обратитесь и не будете какъ это дитя, не войдете въ царство небесное.» Имѣютъ ли эти слова значеніе и въ нынѣшнее время? Я думаю, что имѣютъ! Позволь себя, отецъ, любезнымъ рѣчамъ твоего ребенка завлечь въ его сладкій міръ! Оглянись тамъ открытымъ взглядомъ, и ты догадаешься о божественномъ происхожденіи человѣческаго сердца, о его способности и эластичности — быть цѣлымъ человѣкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ребенкомъ. Повѣрь мнѣ: время, которое ты даришь своимъ дѣтямъ въ своей и ихъ молодости, не пропало, — въ старости они тебѣ его возвратятъ, — и тогда потребуется тебѣ гораздо меньше времени заботиться и печалиться о своихъ дѣтяхъ.

«Но играть?! Высокопоставленная мать должна со своими дѣтьми въ куклы играть?! выдержавшая экзаменъ, научно-образованная гувернантка или говорящая по-французски бонна?! Это значить слишкомъ много требовать?»... «Играть?! Со своими учениками играть въ шаръ, скакать чрезъ барьеръ, бѣгать въ жмурки, такъ что голова кружится и платье срывается, это долженъ дѣлать учитель, старшій учитель и даже директоръ?! Тогда его питомцы не будутъ его больше уважать, и онъ рискуетъ всѣмъ своимъ педагогическимъ вліяніемъ!!»

Практика учить, что вліяніе на лучшую жизнь дѣтьми зависитъ отъ твоего ласковаго обращенія съ нимъ, отъ твоего участія въ его оригинальной жизни; а это и есть игра, гдѣ дѣти являются вполнѣ, какъ они есть. Тамъ ты изучаешь ребенка; затѣмъ идешь въ школу и кладешь основаніе своей педагогической практикѣ. Много разъ упомянутый Дг. Вихернъ однажды отпустилъ изъ своего заведенія одного помощника только потому, что тотъ не могъ и не хотѣлъ играть съ дѣтьми.

Ребенокъ — это маленькое «величество»; онъ даетъ тебѣ въ своихъ внутреннихъ покояхъ полную аудіенцію только тогда, когда ты снимешь свой должностной мундиръ и явишься въ его одеждѣ. Если ты это дѣлаешь просто и дѣйствительно, то онъ благодаренъ посѣщенію тобою его дѣтскаго міра, и отвѣчаетъ тебѣ тѣмъ же, когда вмѣстѣ за тобою слѣдуетъ въ твой міръ, и охотно тебя слушается, когда ты требуешь отъ него серьезныя вещи. Я, напр., двадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ былъ учителемъ въ одномъ классѣ деревенской школы, гдѣ было 90 дѣтей обоого пола. Въ междучасія я игралъ съ ними на деревенскомъ плацу. Это было нѣчто никогда невиданное и неслыханное. Мнѣ предвѣщали непослушаніе въ часы преподаванія. Но этого я никогда не примѣчалъ, ни тогда, ни позже, и кто меня знаетъ, тому извѣстно, что это не моя слабая сторона. Нѣтъ, чѣмъ больше въ своей жизни я игралъ съ малыми и большими дѣтьми, тѣмъ больше они льнули ко мнѣ, не только какъ къ товарищу по играмъ, но и какъ къ учителю и воспитателю, и я возвышался въ любви и уваженіи своихъ питомцевъ.

Но при хорошей игрѣ нужно также хорошее пѣніе, иначе не будетъ музыки для танца. Но нетолько при игрѣ, но и во всей дѣтской и человѣческой жизни не достаетъ солнечнаго сіянія и голубаго неба, когда нѣтъ пѣнія. Въ дѣтскомъ воспитаніи пѣсни колыбельныя и дѣтскія, весеннія и лѣтнія, странническія и солдатскія, рождественскія и пасхальныя, молитвенныя, пѣсни объ Іисусѣ, равно пѣсни о разлукѣ и смерти съ ихъ успокоивающимъ, освѣжающимъ, укрѣпляющимъ, воодушевляющимъ, радующимъ, утѣшающимъ и ублажающимъ вліяніемъ на человѣческое сердце, составляютъ великую силу, которую, къ сожалѣнію, представляютъ гораздо меньше. Какъ это грустно, что въ дѣтскихъ комнатахъ не слышно колыбельныхъ и на игрищахъ не слышно дѣтскихъ пѣсенъ! Какъ жаль, что въ большинствѣ школъ преподаваніе пѣнія не обязательно, что вы-

боръ пѣсенъ не народный, изъ самой жизни съ ея пестрой переменной радости и страданія. Какъ бѣдна дѣтская жизнь отъ этого недостатка въ хорошихъ пѣсняхъ, и какъ она, напротивъ, богата, когда съ ранней молодости хорошее пѣніе, какъ ангелъ, сопровождаетъ человѣка на его жизненномъ пути отъ колыбели до гроба, и своимъ присутствіемъ, побуждающимъ къ добру и подкрѣпляющимъ, предохраняющимъ отъ низкаго и утѣшающимъ въ нуждѣ и смерти, именно въ воспитаніи дѣлаетъ чудеса. Пѣніе и игра потому также важны, что не только питомца, но и воспитателя благословляютъ дарованіемъ свѣжаго и радостнаго настроенія и чувства, подкрѣпленіемъ жертвующей и служащей любви, и все новою благодарною радостью о своемъ трудѣ.

Обыкновенно, время игры въ дѣтской жизни, продолжается до 6—7 лѣтъ. Тогда говорится: «теперь игры кончены!» Въ это время ребенокъ, обыкновенно, самъ пробуждается изъ грезъ своего дѣтства. Но не буди его ранѣе. Я это разъ сдѣлалъ, и послѣ раскаявался. Пользы ребенку нѣтъ, но это легко можетъ затормозить все школьное время. Когда ребенокъ самъ хочетъ, тогда дѣло идетъ естественно, легко и лучше. Ты говоришь: «ну, теперь будемъ учиться!» Хорошо, что ты такъ говоришь. Этими словами ты предлагаешь себя въ помощники ребенку. Въ школѣ идетъ дѣло своимъ чередомъ, — задаваніе и спрашиваніе уроковъ не есть преподаваніе; но дома, при приготовленіи школьныхъ уроковъ, умѣешь ли ты съ нимъ учиться? Я не то разумѣю, что ты долженъ ему прямо помогать или дѣлать за него переводы. Я только думаю, можешь ли ты войти въ тотъ интересъ, который имѣетъ сынъ или дочь при исполненіи своихъ школьныхъ работъ, выяснитъ ему идеальную сторону ученія, объяснить необходимость и пользу дѣльнаго знанія и хорошихъ навыковъ, и уже потомъ, если ему иногда не достаетъ уразумѣнія своего урока, помочь ему въ этомъ, дать нѣкоторые намеки для пониманія или даже указать ключъ къ нему? И если счастливымъ образомъ найдено правильное рѣшеніе, если работы хороши и уроки осилены, можешь ли ты тогда со своимъ ребенкомъ радоваться, какъ бы это были твои собственные обстоятельства? Можешь ли ты также, при лѣности и неохотѣ, съ терпѣніемъ, т. е., съ желѣзною настойчивостью, слабую волю ребенка подпирать своею сильнѣйшею, чтобы та не хромала или не сломалась? И когда, не смотря на всѣ усилія, свидѣтельство объ успѣхахъ ребенка «неудовлетворительно» или онъ «не переведенъ», будешь ли ты тогда имѣть еще терпѣніе снова взяться съ

нимъ за дѣло, не приводя ребенка своего въ отчаяніе, вслѣдствіе слишкомъ высокаго мнѣнія людей о знаніи и чести? О страшныхъ послѣдствіяхъ желѣзной родительской строгости въ этомъ случаѣ мнѣ нѣтъ нужды приводить примѣры. Самоубійства учениковъ, которые боятся принести домой свидѣтельство съ дурными отмѣтками, къ сожалѣнію, уже не составляютъ рѣдкости.

Почему ребенокъ, который слабо одаренъ для науки и мало чувствуетъ къ ней охоты, долженъ получить непременно научное образованіе, когда онъ можетъ быть способенъ къ технической области? Почему дочь непременно должна сдать выпускной экзаменъ, и получить аттестатъ, когда она при этомъ рискуетъ своимъ здоровьемъ? Можетъ быть, этого требуетъ честолюбіе? Жадность, и жадность къ чести въ отдѣльности, есть злой корень, который разрушилъ не одно жизненное счастье; и это происходитъ также, когда жизнь ребенка принуждаютъ направиться по пути, на которомъ его дарованія и наклонности не находятъ удовлетворенія. Ребенокъ никогда не будетъ благодаренъ своимъ родителямъ, когда они такимъ принужденіемъ опечаливаютъ его прекрасную юность, ибо не можетъ быть довольства, когда ребенокъ можетъ сдѣлать справедливый упрекъ своимъ родителямъ, что они виновны въ томъ, что онъ не достигаетъ цѣли своей жизни.

Для устраненія этой опасности, лучше всего учиться съ ребенкомъ, при чемъ можно узнать его дарованіе, правильно оцѣнить его способности и распознать, къ какому собственно призванію онъ Богомъ опредѣленъ. Тогда ты можешь ему помогать, руководить его на правильный путь, направить къ имъ самой желаемой цѣли. Тогда онъ будетъ заниматься съ охотою, и тѣмъ болѣе тяготѣть къ тебѣ въ благодарной любви, что ты въ пожертвованіи своимъ первоначальнымъ желаніемъ далъ доказательство безкорыстной любви. Развѣ ты чрезъ это не сдѣлался лучшимъ отцомъ и болѣе дѣльнымъ воспитателемъ, который изъ своего опыта можетъ и другимъ послужить добрымъ совѣтомъ?!

Но ребенокъ не только хочетъ ѣсть и пить, играть и учиться, онъ хочетъ также работать, т. е., дѣйствовать, напрягая свои тѣлесныя силы, что-нибудь произвести. Смотри на мальчика, какъ онъ копаетъ; потъ катится со лба. «Что ды дѣлаешь, мальчикъ?» — «Садъ съ нарниками и дерновою скамьею!» Посмотри на дѣвочку! Она раздѣваетъ свою куклу, чтобы помыть ея грязное платье. Она

приносить для этой цѣли воду, мыло и т. п., и вотъ дѣло идетъ въ правильномъ порядкѣ: мытье, полосканіе, сушеніе, крахмаленье и глаженье. Это доставляетъ ей больше удовольствія, чѣмъ водить гулять красивѣйшую куклу-примадонну со шляпкой и вуалью. Отсюда нужно обнаруживать интересъ къ любимымъ занятіямъ ребенка, по мѣрѣ силъ помогать ему въ нихъ, а не уничтожать, чрезъ неразумное порицаніе, постепенно возрастающее побужденіе къ работѣ.

Но дѣло не только въ любимыхъ занятіяхъ; хорошо также, если ребенокъ по временамъ можетъ сдѣлать что-нибудь полезное для своихъ родителей. Дѣлаемое имъ сначала будетъ очень ничтожно. Но не должно оцѣнивать его слишкомъ низко и судить о немъ съ пренебреженіемъ. Лучше работать съ нимъ вмѣстѣ и помогать ему дѣлать больше и лучше. Въ этомъ отношеніи во всѣхъ слояхъ общества дѣлается много промаховъ, и многое упускается изъ виду, большей частью, изъ удобства. Откуда иначе столь справедливыя жалобы на неумѣніе и отвращеніе къ работѣ столькихъ выходящихъ изъ родительскаго дома мальчиковъ и дѣвушекъ? Въ тѣхъ сословіяхъ, которыя живутъ трудомъ своихъ рукъ, это составляетъ несчастіе, ведущее за собою величайшее нравственное зло и заключающее въ себѣ опасности во всѣхъ отношеніяхъ. Если мальчики въ ученіи и дѣвушки въ услуженіи неумѣлы, неспособны, неопытны и при этомъ вообще не имѣютъ охоты къ работѣ, то никто не захочетъ брать ихъ къ себѣ, и по необходимости они должны пуститься въ пороки, нищенство и на преступленія.

Основаніе роковой неумѣлости и отвращенія къ работѣ полагается съ ранней молодости въ ложной практикѣ воспитанія. На силы ребенка смотрятъ слишкомъ низко, и потому онъ глупымъ образомъ лежатъ невоздѣланными. Имъ ничего не довѣряютъ; когда же наконецъ нужно довѣрять, то разбивается и пропадаетъ все, что въ ихъ руки попадаетъ.

Дайте самому маленькому ребенку, желающему помогать своей матери, ломкую вещь тихонько въ руки нести; онъ всѣ свои силы и вниманіе приложитъ къ этой задачѣ, и выполнить дѣло счастливо. При продолжительномъ упражненіи, онъ будетъ ловкимъ и опытнымъ. Давай маленькой дѣвочкѣ по временамъ въ руки приборъ для вязанья, и при правильномъ руководствѣ и умѣренномъ упражненіи она скоро окажетъ неожиданные успѣхи. Если же пропускаютъ самое раннее время молодости и захотятъ это позднѣе наверстать, то

увидать, какъ это трудно и даже невозможно. Вѣдь, мы воспитываемъ дѣтей для жизни и ея работы, ибо жизнь безъ работы не есть жизнь или, по крайней мѣрѣ, не есть счастливая жизнь. По истинѣ, многія животныя воспитываютъ своихъ дѣтенышей лучше для ихъ будущаго назначенія, чѣмъ иные родители своихъ дѣтей! Позвольте здоровому мальчику по временамъ прилагать свои тѣлесныя силы не только къ гимнастикѣ, но также къ копанію, пиленію, рубкѣ дровъ и т. д. Работайте съ нимъ вмѣстѣ, помогайте ему словомъ и примѣромъ выполнять работу, какая бы она ни была, съ терпѣніемъ, опрятностью и аккуратностью. Тебѣ не слѣдуетъ давать ему награду за это; сама работа будетъ ему наградою, и она заключается въ радости по успѣху. Будь также умѣренъ въ похвалахъ. Неумѣренность легко можетъ повредить. Если же твой ребенокъ дѣйствительно заслужилъ, то не уменьшай награды признательности, чтобы тебѣ быть справедливымъ, ибо справедливость есть зерно любви, и твой ребенокъ не будетъ имѣть скорлупы, если ты отказываешь ему въ зернѣ. Но можетъ ли такая преданность воспитателя дѣлу помоганія, возбуждающая въ ребенкѣ охоту къ работѣ, оставаться безъ педагогическаго вліянія на него самаго? Развѣ она не подкрѣпляетъ и его собственное расположеніе къ работѣ. Развѣ чрезъ это жизнь питомца, какъ и воспитателя, не сдѣлается богаче и содержательнѣе? Безъ сомнѣнія, да!

«Ora et labora!» гласитъ старая добрая пословица. Нетолько работать, но и молиться. «И молиться?» спрашиваешь ты? Я отвѣчаю безъ колебанія: да, молиться! и утверждаю, что всякая правильная, со страхомъ Божиимъ и любовью къ ближнему исполняемая работа есть молитва, и истинная молитва есть самая трудная работа. Отецъ и мать, молитесь съ вашимъ ребенкомъ отдѣльно и сообща. Я надѣюсь, что меня поймутъ правильно. Я не имѣю при этомъ въ виду опредѣленныхъ молитвенныхъ формулъ, хотя съ начала ребенокъ и заучиваетъ маленькіе стихи утренней и вечерней молитвы. Когда же ребенокъ привыкъ во всемъ, что ему нужно и чего желаетъ, обращаться къ отцу и матери, то они скоро будутъ въ состояніи, при извѣстныхъ просьбахъ, исполненіе которыхъ находится внѣ сферы ихъ силъ, направлять ребенка по высшему адресу его небснаго Отца и Спасителя. Напр., маленькій 5-лѣтній Карлъ имѣетъ природное расположеніе къ упорству и непослушанію. Онъ часто былъ за это наказываемъ, давалъ обѣщаніе исправиться, но не исправился. Онъ

видитъ свою мать плачущею, спрашиваетъ о причинѣ и узнаетъ, что его шалости причина слезъ. Онъ плачетъ вмѣстѣ съ матерью, обнимаетъ ее и говоритъ: «Мама, я не буду больше непослушнымъ!» — «Тогда ты у Бога долженъ просить себѣ послушнаго сердца; я не могу его тебѣ дать.» И тогда онъ можетъ формулировать свою молитву такъ: «Милосердый Спаситель, дай мнѣ послушное сердце, чтобы меня больше не наказывали и чтобы моя мать изъ-за меня не плакала!» Такимъ образомъ ребенокъ и въ другихъ случаяхъ самъ будетъ обращаться съ просьбою къ небесному Отцу, какъ любезныя дѣти къ своему любезному земному отцу. Но въ какомъ состояніи общая молитва въ твоёмъ домѣ? Предположимъ, что этотъ добрый обычай у тебя еще не введенъ, — я разумѣю молитвы утреннія, вечернія, обѣденныя съ твоими дѣтьми и домочадцами. Что бы ты отвѣтилъ своему ребенку, еслибы онъ, услышавъ, въ другомъ домѣ, молитву предъ обѣдомъ, рассказалъ объ этомъ и спросилъ: «любезный отецъ, развѣ намъ не нужно молиться?» Я думаю, что ты не отклонишь этого вопроса, но скажешь: «любезное дитя, я еще не подумалъ объ этомъ большомъ преимуществѣ; отнынѣ мы будемъ это дѣлать!» За это Богъ тебя благословитъ, и ты будешь постепенно распознавать, какая это великая честь, что Богъ сдѣлалъ тебя нетолько господиномъ твоего дома, но и священникомъ. Нѣтъ, наставленіе нашихъ дѣтей на пути Божіи не должно предоставлять школѣ и церкви, иначе дѣти придутъ къ мысли, что для дома и обыденной жизни Слово Божіе не нужно. Нѣтъ, любезный отецъ семейства и любезная мать семейства, несите вашу обязанность въ смиреніи и послушаніи, какъ замѣстители Бога по четвертой заповѣди, какъ въ сохраненіи своихъ правъ, такъ и въ исполненіи своего долга. Чѣмъ болѣе мы, отцы семействъ, подчиняемся небесному Отцу, какъ Его дѣти, тѣмъ охотнѣе наши дѣти будутъ намъ повиноваться, и сами мы чрезъ то возрастаемъ для неба и беремъ съ собою своихъ.

Доселѣ дѣятельность воспитателя заключалась въ уходѣ за жизнедѣятельностью, исходящею отъ ребенка, и было доказано, какъ эта дѣятельность сознала свою важную цѣль и какъ эта благоразумно и спокойно веденная забота и руководство имѣетъ своимъ слѣдствіемъ благословенное взаимодѣйствіе между питомцемъ и воспитателемъ. Но съ ранней же молодости начинается и борьба съ грѣхомъ ребенка, величайшимъ препятствіемъ въ дѣлѣ воспитанія. Чтобы доброе, рано

посѣянное сѣмя выросло и принесло плоды, нельзя позволить безпрепятственно расти плевеламъ, чтобы онѣ не заглушили добрыхъ растеній. Ребенокъ, который не знаетъ пагубныхъ послѣдствій грѣха, твердо его держится; грѣхъ, къ сожалѣнiю, самъ собою растетъ въ сердцѣ, воспитатель же во имя Божіе долженъ приступить и попытаться устранить препятствіе. При вырываніи плевелъ, съ ними неизбѣжно выходитъ и земля. Искорененіе грѣха производить боль. Въ этомъ заключается большое затрудненіе для педагога. Ребенокъ не умѣетъ раздѣлять лицо отъ дѣла. Онъ совершенно не понимаетъ, какъ можно говорить о любви, и не исполнять его волю и даже причинять ему боль. Съ нимъ происходитъ здѣсь то же самое, что съ нами взрослыми, когда мы въ печаляхъ и несчастіяхъ не находимъ любви Божіей, которая тѣмъ не менѣе ничего больше не хочетъ, какъ освободить насъ отъ грѣха. Съ негодованіемъ мы отвращаемся отъ него, однако сами удивляемся, когда нашъ ребенокъ столь же упорно закрываетъ передъ нами свое сердце и совершенно не позволяетъ дѣйствовать на него. Чаше вина заключается, конечно, въ насъ самихъ.

Первое, наиболѣе обыкновенное и производящее наименьшую боль дѣйствіе есть увѣщаніе.

Ребенокъ хорошо знаетъ волю своихъ родителей, однако пренебрегаетъ ихъ заповѣдь. Ему напоминаютъ о его обязанности, и выставляютъ на видъ его непослушаніе, чтобы онъ зналъ, что отъ этого происходитъ непріятность для родителей и вредъ для него. Это необходимо! Но послѣдствіе этихъ увѣщаній много будетъ зависеть отъ мудраго такта воспитателя. Если врачебная операція продолжается слишкомъ долго, то больной легко можетъ совсѣмъ ослабѣть. Если ты увѣщаешь слишкомъ долго, то ребенокъ не будетъ въ состоянiи все воспринять; онъ закрываетъ свое сердце, даетъ тебѣ говорить, но потомъ уходитъ и все остается безъ дѣйствія. На этотъ случай падаетъ больше всего педагогическихъ ошибокъ. Мы слишкомъ высокаго мнѣнія о могуществѣ своихъ словъ, и потому не можемъ понять, какъ они остаются безъ дѣйствія на дѣтей, даже при самомъ широкомъ употребленіи ихъ. Если мы еще примемъ фарисейскій тонъ собственнаго возвышенія и морализированія, то ребенокъ думаетъ въ сердце своемъ: «отъ меня требуютъ то, чего не дѣлаютъ ни отецъ, ни мать, ни учитель», и тогда всякому вліянiю конецъ. Потому тысячу разъ можно слышать жалобы: «у меня не было

недостатка въ увѣщаніяхъ моему ребенку и въ добромъ наставленіи.»
Этому я охотно вѣрю.

Но я думаю, что ты своимъ «слишкомъ» повредилъ дѣлу. Нѣтъ, самыя длинныя проповѣди не всегда бываютъ самыми лучшими. Если хочешь послушаться добраго совѣта, то отступи со своею личностью нѣсколько назадъ, поставь себя вмѣстѣ съ ребенкомъ подъ одну, для обоихъ равно обязательную, заповѣдь Божию и выясни ему, что Богъ поставилъ тебя помогать своему ребенку, чтобы онъ исполнялъ Его волю, чтобы по четвертой заповѣди благо ему было на землѣ. Наставленіе тогда можетъ быть очень короткимъ, и вслѣдствіе благословенія Божія очень дѣйствительнымъ, когда ты самъ смиришься передъ Нимъ изъ-за собственнаго непослушанія Ему и попросишь благословенія для своего ребенка.

Въ своихъ приказаніяхъ и требованіяхъ отъ ребенка будь умѣренъ и предусмотрителенъ. Если же ты даешь приказаніе, то смотри за тѣмъ, чтобы оно было исполнено и съ самымъ терпѣливымъ постоянствомъ, чтобы твое приказаніе не потеряло своего значенія въ глазахъ ребенка и въ немъ не пробудилось неуваженіе. Примѣняй также къ твоему ребенку евангельскій божественный воспитательный принципъ необыкновенной благодати. Но не должно позволять просвѣчивать никакой преднамѣренности, которая портитъ ребенка. Если ребенокъ тебѣ за это благодаренъ, благодари Бога; если же этой благодарности еще нѣтъ, жди ее, какъ Богъ твоей ждетъ. Она придетъ когда-нибудь, когда ты меньше всего будешь о ней думать. Ребенокъ часто самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ. Онъ часто хочетъ чего-нибудь, что превратно понимаетъ и что можетъ послужить ему во вредъ. Потому направляй его волю на правильное, и современемъ твой ребенокъ изъ опыта узнаетъ, что твоя воля была лучшая, добрая, мудрая отцовская воля, и онъ будетъ тебѣ охотнѣе слѣдовать, будетъ довольнѣе и счастливѣе. Если же сначала ребенокъ этого не замѣчаетъ, то будь тѣмъ послушнѣе своему Небесному Отцу, который четвертую заповѣдь далъ, какъ тебѣ, такъ и ребенку, и жди, пока ребенокъ дойдетъ до признанія. И тогда ты будешь продѣлывать одинъ изъ прекраснѣйшихъ родительскихъ опытовъ, именно: дѣти, когда они даже взрослыми сдѣлаются, при всей своей личной свободѣ и самостоятельности, не хотятъ дѣлать ничего, что было бы противъ воли родителей. Такіе же результаты воспитанія суть великіе, незаслуженные, глубокосмиряющіе и въ то же время возвышающіе дары Божіей

благости. Но Онъ даетъ ихъ тѣмъ, кто съ самоотверженіемъ направляетъ волю своихъ дѣтей по Его волѣ, пока они сами признаютъ эту божественную волю обязательною и будутъ ее уважать. Тогда родители, сами поступающіе по волѣ Божіей, спокойно могутъ предать свою родительскую обязанность въ руки Того, отъ котораго приняли ее, и по отношенію къ своимъ дѣтямъ стать въ положеніе благожелательныхъ друзей и уважаемыхъ совѣтниковъ. По истинѣ, это для старости мягкая подушка для отдыха, и въ смерти нѣжная рука подъ голову.

Но далѣе. Можешь ли ты своему милому дитяти въ чемъ-нибудь отказать? т. е., на его самое пламенное желаніе чрезъ простое «нѣтъ» налить холодной воды? Это трудно, я съ тѣмъ согласенъ, но не скажу, я этого не могу; эта была бы сомнительная слабость. Развѣ дальнѣйшая жизнь не будетъ ему отказывать въ пламенныхъ желаніяхъ? Развѣ не лучше заблаговременно воспитать его къ тому и приучить, чтобы онъ послѣ былъ въ состояніи считаться также съ отказами и лишеніями, чтобы при всякомъ противномъ вѣтрѣ не бросать руль и не отдаваться волнамъ жизни на произволь? Начни это тогда, когда еще сравнительно легко. Вотъ примѣръ изъ жизни. Мать хочетъ выйти изъ дому. Ребенокъ хочетъ пойти съ нею, такъ какъ не хочетъ быть безъ матери. Онъ кричитъ за матерью, изъ любви къ матери, какъ думаетъ послѣдняя. Это льститъ нѣжному материнскому сердцу. Она возвращается, проситъ, увѣщаетъ ребенка — все напрасно; онъ продолжаетъ кричать; она даетъ ему сладости, обѣщаетъ принести что-нибудь сладкое, — все напрасно; вся ея разумная логика, всѣ ея дѣйствительныя увѣренія въ любви, и обѣщанія разбиваются прахомъ о скалу этого маленькаго своевольнаго сердца. Она прибѣгаетъ къ хитрости, уходитъ тайкомъ; и въ слѣдующій разъ повторяется та же неутѣшительная сцена. Еслибы мать могла рѣшиться сдѣлать своему ребенку непріятное въ разумной и чувствительной формѣ, то вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ она навсегда достигла бы спокойствія, мира и свободы. Любезныя матери! Богъ далъ вамъ дѣтей для высшаго земнаго наслажденія, и какъ часто, въ слѣдствіе несвоевременной слабости, вы дѣлаете ихъ для себя невыносимымъ бременемъ. Это удивительно, и для насъ, отцовъ, даже непонятно, сколько матери способны вредить своимъ дѣтямъ.

Насколько мало въ такихъ сценахъ дѣтской любви къ матери, вотъ еще одинъ примѣръ. 5—6 лѣтній мальчикъ лежитъ, раскидав-

шись на полу, и кричить, какъ будто его на пику наткнули. Почему? Этого никто не знаетъ, и онъ самъ менѣ всего. Его развлекаютъ. Мать ходитъ и проситъ, увѣщаетъ, плачетъ, вздыхаетъ и совершенно не знаетъ что дѣлать. Мальчикъ не перестаетъ кричать. Наконецъ онъ устаетъ и молчитъ. Мать вздыхаетъ въ полголоса: «слава Богу, наконецъ утихъ!» Мальчикъ слышитъ это, поднимаетъ голову и говорить: «я только отдыхаю!»

16-лѣтній сынъ проситъ у матери позволенія на какое-то удовольствіе. Мать колеблется. Тогда сынъ говоритъ: «ахъ, мама, скажи да или нѣтъ, какъ дѣлаетъ отецъ; тогда мнѣ будетъ гораздо легче удержать себя.» Такимъ образомъ, рѣшительность отца была желанной опорой для его слабой воли. А такая готовность дѣтей отъ сердца повиноваться родителямъ исходитъ изъ глубочайшей и полнѣйшей увѣренности въ родительской любви. Развѣ чрезъ такое упражненіе въ отказываніи характеръ твоего ребенка не укрѣпится для жизни? И если способность и охотливость твоего ребенка къ перенесенію отказовъ постыдитъ тебя въ твоёмъ обращеніи съ небеснымъ Отцомъ, то развѣ это не воспитаетъ тебя къ твердой и радостной надеждѣ на Его любовь, даже тогда, когда она потребуетъ отъ тебя отказовъ и лишеній? Истинно, чрезъ это ты сдѣлаешься лучшимъ отцомъ и лучшимъ воспитателемъ, такъ какъ сдѣлался лучшимъ сыномъ Божиимъ.

Третье средство въ рукахъ воспитателя для побѣжденія зла въ дѣтскомъ сердцѣ есть наказаніе. Нынѣшнее модное воспитаніе о наказаніи дѣтей ничего не хочетъ знать. Уже слова «наказывать» пугаются, потому что думаютъ, что оно тождественно съ словомъ «бить.» Конечно, при обстоятельствахъ, можетъ и должна встрѣчаться и эта форма, но слово собственно значитъ «указывать, уличать». Ты долженъ уличить свое дитя въ грѣхъ и винѣ. Это божественная цѣль наказанія. Ея ты очень часто можешь достигнуть словами, и если не достигнешь ударами, то удары повредили. Развѣ тебя также не наказываетъ твой небесный Отецъ? Развѣ ты еще ничего не испыталъ изъ Его наказаній? Истинно, ты былъ бы тогда незаконно-рожденный сынъ, а не Его сынъ. Не читалъ ли ты, что поетъ великій сочинитель пѣсенъ П. Гергардъ, дорогое дитя Божіе: «Его наказанія, Его удары хотя для меня горьки, но, когда я вѣрно соображу, служатъ признакомъ, что другъ мой, любящій меня, помнитъ обо мнѣ» и т. д. И ты думаешь лучше воспитывать своего ребенка, чѣмъ тебя воспитываетъ твой небесный Отецъ? Развѣ ты

и твое дитя, оба вы, не грѣшники, которые безъ печали не могутъ войти въ царствіе небесное? Я скажу тебѣ, почему ты такъ пугаешься наказанія. Твоя совѣсть говоритъ тебѣ, что сперва, собственно, ты самъ долженъ понести наказаніе за грѣхъ ребенка, въ которомъ ты вмѣстѣ виновенъ, а это очень непріятно. Но, вѣдь, можно же свое дитя сохранить отъ наказанія! Конечно, кто этого не можетъ? Правда, тиранны своихъ дѣтей не заслуживаютъ названія родителей! Но превосходное средство предохранить дѣтей, и именно малыхъ, отъ наказанія есть — я не боюсь высказать это — розга за зеркаломъ въ дѣтской комнатѣ. Этотъ материнскій скипетръ дѣлаетъ истинныя чудеса въ воспитаніи, даже когда онъ рѣдко берется въ руки, и вмѣстѣ съ удаленіемъ его исчезаетъ изъ многихъ дѣтскихъ тишина. Это глубокопечальный опытъ величайшей важности. Родители — замѣстители Бога по 4 заповѣди, и они не должны оставлять безнаказанными грѣховъ своихъ дѣтей. Они сложили бы съ себя свою священную обязанность, вѣнецъ съ головы бросили бы въ прахъ и низвели бы на себя наказаніе Божіе, еслибы пропускали наказывать дѣтей, когда тѣ лгутъ, лакомятся, воруютъ, упорствуютъ и т. д. Нѣтъ, имъ яснымъ образомъ должно выставить на видъ святость закона Божія, чтобы убѣдить ихъ въ ихъ грѣхѣхъ и тяжести вины, или уличить. Всякая же вина повелительно требуетъ искупленія, и только на немъ можетъ основаться примиреніе сердець. Въ такомъ случаѣ наказаніе производитъ не раздѣленіе, а объединеніе. — Не переживалъ ли ты уже того, что ребенокъ твой проситъ о заслуженномъ наказаніи, послѣ того какъ онъ узналъ, что это единственный путь къ твоему сердцу. И когда ребенокъ высказалъ эту просьбу, то позналъ ли ты въ этомъ истинную потребность твоего ребенка въ необходимомъ искупленіи? Или ты въ ложной уступчивости отклонилъ его просьбу и пропустилъ искупленіе? Тогда, навѣрное, не послѣдовало истинное примиреніе и еще меньше его плоды. Я могъ бы привести примѣры въ подтвержденіе сказаннаго, но они не подлежатъ гласности.

Конечно, наказаніе въ гнѣвѣ и плотской ревности, по большей части, не имѣетъ никакихъ добрыхъ послѣдствій. Если же ты наказываешь спокойно и съ любовью, какъ замѣститель Бога, то представь о результатѣ заботиться тому, кто тебѣ поручилъ эту обязанность; ибо когда ты послѣ того отложишь розгу въ сторону, и ребенокъ получилъ поцѣлуй прощенія и примиренія, то твое желаніе

исполнилось: вмѣсто упорнаго несноснаго ребенка ты имѣешь смирнаго и послушнаго, и его желаніе исполнено, ибо онъ имѣеть отца уже не гнѣвнаго, а примиреннаго и ласковаго. Что тебѣ еще нужно? Скажешь ли ты послѣ этого «все таки не буду употреблять розогъ»? Дѣлай это на свою отвѣтственность! Но трудно тебѣ будетъ передъ святымъ и правымъ Богомъ! Нѣтъ, часто презираемая педагогическая практика древняго Сираха, который говоритъ: «кто любитъ свое дитя, тотъ держитъ его подъ розгой, чтобы послѣ испытать радость о немъ», все еще имѣеть свое значеніе, и нынѣшнее воспитаніе съ этой стороны нуждается въ настоятельной реформѣ.

Кто не желаетъ испытать радости о своихъ дѣтяхъ? Я спрашиваю настоящихъ родителей, есть ли еще на землѣ радость, которую можно было бы сравнить съ этою? Можетъ ли она быть замѣнена чѣмъ-нибудь другимъ? Не достойны ли сожалѣнія тѣ родители, дѣти которыхъ образуютъ не масличныя вѣтви вокругъ ствола, но терновникъ вокругъ дома? Не желали ли бы они все отдать, чтобы имѣть только радость о своихъ дѣтяхъ? Есть ли какая-нибудь печаль, которая болѣе терзала бы сердце, чѣмъ печаль о неблагонаправныхъ дѣтяхъ? Развѣ эта печаль не встаетъ вмѣстѣ съ ними, не идетъ вмѣстѣ съ ними спать, развѣ она не примѣшивается въ ихъ сны и, какъ полынныя капли, во всякую чашу радости ихъ жизни? Развѣ она не уноситъ въ раннюю могилу рано посѣдѣвшіе волосы? И развѣ эти раннія родительскія могилы часто не Божіе наказаніе за педагогическіе грѣхи родителей?

Было также указано, что за наказаніемъ, когда педагогическая цѣль его достигнута, должно слѣдовать «прощеніе.» Можешь ли ты простить своему ребенку, который тебя глубоко опечалилъ, теперь же съ истиннымъ раскаяніемъ проситъ у тебя прощенія? Можешь ли ты совѣмъ забыть, какъ будто онъ никогда противъ тебя не грѣшилъ? Вотъ тебѣ сравненіе: твой небесный Отецъ прощаетъ тебѣ 10,000 талантовъ и разсѣваетъ твои злыя дѣла, какъ туманъ, и грѣхи твои, какъ облако, и никто съ тебя ихъ не взыщетъ. Можешь ли ты такъ подарить своему ребенку обязательные имъ тебѣ 500 грошей, отъ сердца простить и забыть, чтобы никогда съ него не требовать, исключая тотъ случай, если онъ самъ о нихъ напомнитъ? Ты находишь это труднымъ. Да, но подумай, что ты въ пятомъ прошеніи ежедневнаго «Отче нашъ» берешь въ руки обоюдоострое

оружіе, когда тамъ прощеніе Божіе объясняешь въ зависимости отъ своего. Школа, гдѣ основательно изучается активное прощеніе, называется покаянiемъ. Если хочешь чувствовать въ своемъ сердцѣ что-нибудь изъ блаженства Бога и твоего Спасителя въ прощенiи грѣховъ раскаявающимся грѣшникамъ, то приложи это прощеніе рѣшительно и сполна къ своему собственному ребенку. Гдѣ есть прощеніе грѣховъ, тамъ жизнь и блаженство! Это разумѣется о сердцѣ Бога и грѣшника и — родителей и дѣтей. Это слѣдуетъ, какъ дѣйствіе изъ причины. И по истинѣ, ни одно болѣе великое слово всемогущества не исходило изъ устъ Божіихъ, какъ выраженіе: «прощаются тебѣ грѣхи твои!» Нѣтъ, призвать міръ къ бытію изъ ничего — это совсѣмъ обыкновенное дѣло для руки Всемогущаго, но человѣческое сердце, кругомъ запутанное въ грѣхи, такъ полюбить, что все, все ему жертвуется — это чудо изъ чудесъ. И это чудесное слово не другое какое, какъ: «тебѣ прощаются грѣхи твои!» Взглянемъ въ священную исторію; тамъ мы видимъ его чудесныя дѣйствія въ обновленіи жизни. Возьмемъ только нѣкоторые наиболѣе выдающіеся примѣры. Тамъ стоитъ сперва царственный убійца и прелюбодѣй Давидъ, позднѣе же съ 103 псалмомъ въ устахъ; Петръ, трижды отрекшійся отъ своего Господа и затѣмъ съ радостью кончившій свою жизнь на крестѣ; Павелъ, яростный преслѣдователь Господа и потомъ въ узахъ радующійся тому, что страдаетъ за имя Христово; Закхей, обманщикъ, жертвующій половину своего имущества, и Марія Магдалина, которая послѣ грѣховной жизни, заживо погребла себя со своимъ Господомъ; всѣ они, чрезъ вѣру принявшіе Слово въ свое сердце, получили силу сдѣлаться дѣтьми Божіими. Если хочешь своему ребенку дать предвкусить божественное прощеніе и сдѣлаться участникомъ его силы, то прости ему совершенно. Если хочешь, чтобы въ твоёмъ ребенкѣ проявилась сила обновленія его жизни, то запечатлѣй свое прощеніе полнымъ забвеніемъ его вины. Я говорю здѣсь не о благихъ желаніяхъ и идеалахъ, но о вещахъ самыхъ реальныхъ и жизненныхъ случаяхъ. Это не сѣрая теорія; нѣтъ, слава Богу, это зеленыя вѣтви дерева жизни, которыя рука Божія изъ потеряннаго рая пересадилла на тернистое поле человѣческаго и дѣтскаго воспитанія, чтобы намъ имѣть надежду, мужество и терпѣніе въ Его имя продолжать трудное дѣло воспитанія.

Если же кто-нибудь предложитъ вопросъ Петра: «какъ часто я долженъ прощать своему ребенку, согрѣшившему предо мною, довольно

ли семи разъ?» тому указываю на отвѣтъ Господа: «не семь, а семьдесятъ разъ семь» — т. е. всегда!!

Результатъ всей активной педагогической работы и труда въ увѣщаніи, запрещеніи, наказываніи и прощеніи зависитъ отъ требующей наибольшей энергіи пассивности ожиданія этого результата. Да, ожиданіе! Какъ оно трудно?!

Съ самой ранней молодости для человѣческаго сердца нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ ожиданіе. Посмотри на груднаго младенца, ищущаго источника своего питанія, и если онъ не тотчасъ или не скоро его находитъ, то кричитъ — почему? не можетъ ждать! Время завтрака; мать рѣжетъ хлѣбъ, прибѣгаетъ толпа дѣвочекъ и мальчиковъ, каждый хочетъ получить первымъ; они протягиваютъ руки, происходитъ споръ о преимуществѣ, и мать должна брать подъ свою защиту слабѣйшихъ — почему? никто не хочетъ ждать. Вотъ время обѣда. Голодь у дѣтей очень сильный. Мать обыкновенно соблюдаетъ опредѣленный порядокъ при раздачѣ пищи. Разъ она отступаетъ отъ порядка и даетъ одному, не такъ прилежному и шаловливому ребенку — послѣднему. Маленькій упрямецъ обиженъ. Онъ теперь и ѣсть не хочетъ. Почему? потому что онъ долженъ былъ ожидать. Вотъ Рождественскій канунъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ его ожидали! Наконецъ онъ наступилъ. Отецъ и мать въ сумерки исчезли, и дѣти ждутъ звонка. Ахъ, звонка все нѣтъ! Какъ трудно ждать! Это о питомцѣ. Что сказать о воспитателѣ, о тебѣ, отецъ, мать? Можешь ли ты ждать, когда ребенокъ не сразу слушается? Можешь ли ты ждать, когда онъ въ ученіи своемъ идетъ не такъ успѣшно, какъ слѣдовало бы? Можешь ли ты ждать его благодарности, когда ты, по видимому, напрасно оказываешь ему любовь? Можешь ли ты ждать, когда сердце твоего ребенка съ внутреннимъ упорствомъ отвращается отъ тебя, такъ какъ еще не понимаетъ твоей любви? Или ты думаешь, что какою-нибудь цѣною можно принудить къ любви и благодарности? Этого не можетъ ни одинъ человѣкъ; и не можетъ и не дѣлаетъ также Богъ. Не ждетъ ли Онъ уже очень долго, пока ты предашься Ему всѣмъ сердцемъ? И ты не хочешь ждать, пока твой ребенокъ въ любви подаритъ тебѣ свое сердце!

Насколько существеннымъ факторомъ ожиданіе служить въ божественной педагогикѣ, доказываетъ все священное писаніе отъ Ноя, проповѣдника правды, который 120 лѣтъ долженъ былъ ждать испол-

ненія, до Петра, который увѣщаетъ христіанъ имѣть терпѣніе о Господѣ для своего спасенія. 25 лѣтъ долженъ ждать Авраамъ обѣтованнаго сына и наслѣдника, чтобы сдѣлаться отцомъ всѣхъ вѣрующихъ; 40 лѣтъ Моисей въ пустынѣ долженъ пасти овецъ, чтобы сдѣлаться пастыремъ народа, которому нѣтъ равнаго; десятки лѣтъ томится Іосифъ въ египетскомъ рабствѣ, прежде чѣмъ сдѣлаться господиномъ всей Египетской страны; и сколько времени Давидъ блуждаетъ въ пустынѣ, бѣгая отъ Саула, пока достигъ престола Израилева! И въ новомъ завѣтѣ Іоаннъ Предтеча до тридцатаго года ждетъ въ пустыни, прежде чѣмъ осмѣливается выступить съ своею могучею проповѣдью покаянія готовить путь Господу. 18 лѣтъ живетъ нашъ Спаситель въ подчиненіи своимъ земнымъ родителямъ, послѣ перваго пробужденія въ Немъ божественнаго сознанія, пока могъ открыто заявить: «Я и Отець одно!» И на свадьбѣ въ Канѣ говоритъ Онъ матери и намъ: «Часъ мой еще не пришелъ.» Это было увѣщаніемъ къ ожиданію и укрѣпленіемъ надежды какъ для матери, такъ и для насъ. Ожиданіемъ обусловливается результатъ божескаго и человѣческаго воспитанія. Вотъ нѣкоторые примѣры изъ жизни. Ребенокъ 10 лѣтъ прожилъ въ очень неблагоприятномъ положеніи. Родители, занимаясь заработками, предоставили ребенка дома самому себѣ. Только со смертію ихъ, онъ сталъ въ лучшія условія. Онъ жилъ какъ будто во снѣ: ѣда, питье, игры — все было безпорядочно! Вотъ онъ приходитъ въ школу, и только чрезъ три года научается механическому чтенію; онъ долженъ исправлять нѣкоторыя маленькія работы, но онъ ни къ чему неспособенъ, и, въ слѣдствіе неопытности, все валится изъ рукъ. Увѣщанія, наставленія, просьбы, наказанія все остается почти безъ всякаго дѣйствія; сонная жизнь еще не кончилась. Наконецъ, послѣ 5 лѣтняго ожиданія, онъ вдругъ просыпается, дѣлается прилежнымъ въ школѣ и на работѣ, веселымъ и послушнымъ, какъ радостная неожиданность, онъ беретъ даже перевѣсъ надъ равными себѣ. Здѣсь ожиданіе было хорошо награждено!

Другой примѣръ: ребенокъ внутренне противится твоей волѣ и обходить ее, насколько это возможно, безнаказанно. Можешь ли ты постоянно снова настаивать съ новымъ напряженіемъ, или у тебя кончается любовь? Но ты не огорчайся, а скорѣе возьми розгу, какъ средство примиренія, и сосчитайся съ его виною, чтобы пріобрѣсти силу снова надѣяться и ожидать. Я пережилъ такой случай, гдѣ мнѣ одинъ ребенокъ противился четыре года и послѣ произведеннаго

расчета мгновенно сдѣлался любезнымъ, послушнымъ, затѣмъ даже благодарнымъ и остается моею радостью до сегодняшняго дня.

И не только вообще, но и въ опредѣленныхъ требованіяхъ ожиданіе, долгое ожиданіе должно быть необходимымъ. Я имѣлъ на воспитаніи бѣднаго мальчика, не имѣвшего ни капли любви; къ его глуховатости, дѣлавшей его недовѣрчивымъ, присоединялись еще другіе недостатки, которые дѣлали тяжелымъ его положеніе среди товарищей. Недовѣріе и упорство были главными чертами его характера. Я поручилъ ему опредѣленное дѣло, которое онъ каждое утро долженъ былъ дѣлать прежде другихъ. Онъ не дѣлалъ. Недѣли, мѣсяцы онъ былъ увѣщеваемъ, пока терпѣли его шалости. Наконецъ, было рѣшено: теперь довольно; если на слѣдующій день повторится то же самое, послѣдуетъ тѣлесное наказаніе! Это помогло, ибо онъ теперь зналъ предѣлъ, за который его упорство не можетъ перейти.

Шесть лѣтъ я занимался съ маленькимъ мальчикомъ, который не работалъ, но долженъ былъ научиться работать, чтобы послѣ собственными руками зарабатывать себѣ хлѣбъ. Всегда ему хотѣлось играть и болтать. Все воспитаніе чрезъ это было необыкновенно трудно. Наконецъ, на седьмомъ году работы надъ нимъ, въ немъ пробудилась охота къ работѣ и такъ необычайнымъ образомъ, какъ только дважды встрѣчалось въ 40 лѣтъ моей практики. Охота, ловкость, терпѣніе и аккуратность обезпечиваютъ ему его будущность, если онъ въ прочемъ будетъ честнымъ человѣкомъ. Онъ самъ говоритъ, что охота къ работѣ явилась въ немъ внезапно, откуда — онъ самъ не знаетъ. Въ другомъ мальчикѣ охота къ работѣ проявилась чрезъ два года, и теперь мы съ надеждой смотримъ на его будущее.

Теперь я, наконецъ, прихожу къ тѣмъ тремъ пунктамъ божественной педагогики, въ которыхъ она воспитывающимъ образомъ входитъ въ человѣческую жизнь, чтобы сдѣлать послѣднюю подготовительной школой для вѣчной жизни. Они называются: радость, страданіе, смерть.

Благость Божія даруетъ намъ радости, чтобы привести насъ къ покаянію; чрезъ многія скорби мы должны входить въ царствіе Божіе.

Смерть есть оброкъ грѣха, а вѣчная жизнь есть даръ Божій.

Благость Божія даруетъ намъ много радостей, которыя имѣють цѣлью указывать намъ на Его любовь, нами незаслуженную, и побуждать насъ къ благодарности чрезъ дѣло.

Если мы въ настоящее время посмотримъ на обыкновенныя удовольствія и при этомъ слышимъ, что они выдаются за радости и въ частности за дѣтскія радости, и этимъ прекраснымъ словомъ обозначаютъ то, что исключительно рассчитано на возбужденіе чувствъ, то это достойная наказанія ложная монета. И какъ высоко стоитъ эта ложная монета въ курсѣ! Когда многіе родители говорятъ, что они желаютъ своимъ дѣтямъ доставить удовольствіе, то разумѣютъ именно такія удовольствія. Но дѣтскіе балы, театры, циркъ и т. п. уже не соотвѣтствуютъ дѣтскому возрасту. Вѣдь, есть же и дѣтскія удовольствія. Зачѣмъ идти къ взрослымъ, миновавъ ихъ? Вѣдь, это по большей части такія удовольствія, которымъ сами взрослые должны предаваться умѣренно, если не хотятъ понести экономическаго и нравственнаго вреда. Если все это будетъ испробовано въ юности, что тогда останется на послѣдующую жизнь? Пресыщеніе и пороки! О еслибы я имѣлъ голосъ пророка, то возвысилъ бы его, какъ труба, и увѣщевалъ бы противъ этой роковой педагогической ошибки. Вы, дорогіе родители, при всей любви, которую питаете къ вашимъ дѣтямъ, позвольте вашимъ дѣтямъ оставаться дѣтьми, пока они не сдѣлались мужчинами и женщинами, чтобы они тогда умѣли соблюдать мѣру въ наслажденіи и удовольствіяхъ, а не гибли отъ безмѣрности и чрезмѣрности. Навѣрное, Богъ опредѣлилъ радости и для вашихъ дѣтей, но этотъ родъ удовольствій, разрушающій все дѣтское, не имѣетъ на себѣ Его печати. По своему званію, я десятки лѣтъ обращался съ многими несчастными родителями, видѣлъ ихъ горячія слезы и ломаніе рукъ, когда они приходили искать помощи для своихъ сыновей, которые чрезъ преждевременное удовлетвореніе страсти къ наслажденію и удовольствіямъ сдѣлались уже полуразвалинами; я самъ лучшія силы своей жизни положилъ на то, чтобы съ помощью Божіею нравственно поднять и обновить эти высохшія человѣческія сердца. Не возрастаетъ ли страшно и среди нашихъ дѣтей страсть къ удовольствіямъ? Навѣрное, вы слышали жалобы совѣстливыхъ учителей и учительницъ на то, что ученики и ученицы, при выходѣ на свободу, не имѣютъ вкуса къ пищѣ и питью, къ пѣнію и играмъ, такъ что на губахъ ихъ можно читать слово «скучный». Когда присутствуютъ хотя нѣсколько молодыхъ гимназистовъ и при нихъ

нѣсколько «старшихъ дочерей», съ которыми можно затѣять маленькую любовную интрижку, это нравится безчувственнымъ молодымъ кавалерамъ и дамамъ, это интереснѣе. Можетъ ли быть иначе, когда приходится видѣть случаи, что маленькая девятилѣтняя, подобно обезьянѣ изукрашенная, балльная дама, оставленная въ балльной залѣ, плачетъ, что ей не представленъ ни одинъ молодой человѣкъ? О Боже, прости виновнымъ; они не знаютъ, что дѣлаютъ!

Любезные родители! Одинъ писатель говоритъ: «Къ удовольствіямъ стремится тотъ, кто не знаетъ никакой радости.» Долженъ ли я стремленіе вашихъ дѣтей поставить подъ это выраженіе? Долженъ ли я за честь вашихъ дѣтей ломать копье противъ васъ, ихъ родителей? Вы щекотливы въ этомъ пунктѣ! Прогулка съ вами въ прекрасный Божій міръ, бѣганье по лѣсамъ и полямъ съ здоровой игрой съ пѣснями и кликами — это кажется вамъ недостаточнымъ удовольствіемъ для вашихъ дѣтей. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, въ ихъ душѣ такъ мало расположенія къ истинной радости и къ счастливому настроенію, что названныя вещи болѣе не могутъ доставить имъ удовольствія? Или уже у нихъ вкусъ такъ испорченъ, что они даже тогда, когда тамъ присутствуютъ отецъ и мать, и мать все сдѣлала для тѣлеснаго услажденія своихъ любезныхъ гостей, не находятъ въ этомъ пріятнаго? Или дѣло за вами, что вы не можете оторваться отъ вашихъ ежедневныхъ заботъ для того, чтобы быть съ вашими дѣтьми и перенестись въ ихъ міръ? Тогда спохватитесь скорѣе; это время дороже! Легко можетъ случиться, что, вмѣсто радости съ вашими дѣтьми, дни ваши наполнятся заботами и печальми о нихъ.

Отецъ и мать! Развѣ вы не знаете богатѣйшаго источника радостей, при которомъ любовь Божія поставила ваше дитя, чтобы оно изъ него пило, наслаждалось и укрѣплялось въ лучшей волѣ? Это неизсякаемый источникъ родительской любви, находящійся въ вашемъ сердцѣ. Чистъ ли и ясенъ этотъ источникъ у тебя и содержишь ли ты его чистымъ и яснымъ? Или онъ мутенъ и вода его невкусна, солонна или горька? Тогда скорѣе иди къ первоисточнику отеческой любви и получи тамъ прощеніе своихъ грѣховъ, даже родительскихъ грѣховъ во имя Христа — это очиститъ его и сдѣлаетъ сладкимъ. Ты, можетъ быть, жалуешься, что тебя твое дитя не любитъ; это печально! Поступи такъ, какъ Богъ, который возлюбилъ насъ, хотя мы Его враги. Его любовь возжигаетъ наше сердце; пусть твоя любовь сдѣлаетъ тоже

самое въ сердцѣ твоего дитяти. Потребность въ твоей любви на лицо въ дѣтскомъ сердцѣ. Ты не хочешь этому вѣрить?

Послушай, что разъ одинъ мальчикъ сказалъ своей матери: «ахъ, мама, еслибы я могъ когда-нибудь быть цѣлый день со своимъ отцомъ!» Чего же онъ хотѣлъ отъ него? Хотѣлъ ли онъ подарка, хотѣлъ ли онъ, чтобы онъ его развлекалъ, или интересно съ нимъ бесѣдовалъ? Ни чуть нѣтъ! Онъ хотѣлъ быть въ солнечномъ сіяніи любви своего отца. Есть ли также солнечное сіяніе на твоемъ лицѣ, когда ты находишься среди своихъ дѣтей? Покойный Моллетъ (Mollet) говорилъ, и я съ его словъ повторяю: «только въ солнечномъ сіяніи съ лица родителей дѣти поспѣваютъ!» Если же небо облачно, идетъ дождь или градъ, или сверкаетъ молнія, то на ребенка нападаетъ боязнь и онъ бѣжитъ. Между случаями гроза должна очищать атмосферу, но послѣ того должно опять явиться солнце, и тогда въ сердцѣ твоего дитяти снова все оживаетъ въ освѣженномъ видѣ. Много ли прекрасныхъ солнечныхъ дней въ годовомъ календарѣ твоего ребенка? Есть ли истинные праздники, такія ли это воскресенія въ твоемъ домѣ, въ кругу твоихъ, гдѣ тѣло и духъ радуются о живомъ Богѣ, или только тѣло получаетъ свое, а духъ остается ни при чемъ? Даешь ли ты въ тѣ дни своему ребенку вкушать сладкое вино твоей любви, такъ чтобы онъ чувствовалъ твое сердце бьющимся у своего, безъ педагогической намѣренности и расчета, въ полной преданности по собственной сердечной потребности?

Какъ ты празднуешь день рожденія своего дитяти? Ставишь ли ты въ этотъ день себя вмѣстѣ съ нимъ въ сіяніе любви и благости Божіей, благодарить ли ты Его за свое дитя и со своимъ дитятею, что Богъ тебѣ его далъ, какъ оно есть, безъ критики и внутренняго ропота, что оно еще не лучше, чѣмъ есть, въ радостной надеждѣ, что Онъ будетъ милостивъ къ твоему ребенку и будетъ помогать ему постепенно сдѣлаться дитятею Божіимъ и твоею радостью?

Когда въ Rauben Hause былъ день рожденія какого-нибудь мальчика, то онъ за день передъ тѣмъ шелъ къ отцу дома, директору Вихерну, чтобы принести ему радостное извѣстіе: «завтра мой день рожденія!» Тотъ считалъ это очень важнымъ, и никогда не отказывалъ въ своемъ вниманіи. Что-же онъ тогда приносилъ мальчику? можетъ быть, сладости? да, сладости, только не въ обычномъ смыслѣ: радость чистой отцовской любви, которая была для мальчика вкуснѣе и для души его здоровѣе, чѣмъ самые сладкіе конфеты. Эта любовь вписываетъ ему

изреченіе изъ слова Божія въ особую книжку, — это и есть весь подарокъ въ день рожденія, который вручался ему съ молитвою и пожеланіемъ благословенія передъ всѣмъ обществомъ дома, и это изреченіе онъ хранилъ, какъ самое дорогое свое сокровище. Оно напоминало ему о счастливыхъ встрѣчахъ вдвоемъ съ отцомъ дома, который тогда объявлялъ ему свою любовь. Когда этотъ несравненный отецъ дома съ своимъ ласковымъ лицомъ, сіявшимъ любовью среди его дѣтей, входилъ въ толпу дѣтей и любезно говорилъ: «съ добрымъ утромъ, милыя дѣти!» и мальчики, дѣвочки и всѣ домашніе полнымъ хоромъ отдавали ему поклонъ: «здравствуйте, господинъ Вихернъ!» тогда праздничное настроеніе съ обѣихъ сторонъ было на лицо, дѣти всѣ подпрыгивали и хватали его за руки, за полы сюртука. И когда онъ подходилъ ближе, человѣкъ высокаго роста и съ бѣлою, какъ снѣгъ, головою, то бралъ въ руки маленькаго мальчика, высоко поднималъ барахтающагося и спрашивалъ: «что стоитъ такой мальчикъ?» и если никто не высказывалъ цѣны, то самъ важно отвѣчалъ: «милліонъ!» Это было свидѣтельствомъ любви, которое всѣ понимали и воспринимали.

Умѣешь ли ты вообще праздновать праздники, и знаешь ли ты ихъ значеніе для человѣческой жизни и для воспитанія, готовящаго къ этой жизни? Праздники — это свѣтъ и высшія точки въ человѣческой жизни. Не знать ихъ значенія и правъ, значить совершенно неправильно понимать жизнь и ея цѣль. Въ основаніи всего стремленія человѣческаго сердца къ веселію и радости лежитъ Богомъ насажденная и человѣчески оправдываемая потребность. Въ воспитаніи, въ этомъ отношеніи, нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы эта потребность была правильно удовлетворяема, правильно направляема и такимъ образомъ предохранена отъ заблужденій въ послѣдующее время. Дѣтскія руки легко наполнить, и дѣтское сердце легко обрадовать. Чтобы сдѣлать имъ праздникъ, не нужно ни большой траты денегъ, ни большихъ приготовленій. Радостное седце воспитателя, дружеское слово, игра, пѣніе, и они будутъ ликовать съ своимъ другомъ, который въ преданной любви раздѣляетъ съ ними свою жизнь и охотно позволяетъ имъ веселиться. Правильно выставить не нужно; избрѣтательная любовь не долго ищетъ для себя повода, послѣдній самъ представляется, и чѣмъ больше импровизаціи, тѣмъ дальше отступаетъ намѣренность, легко могущая повредить дѣлу, и въ той же мѣрѣ любовь воспитателя встрѣчаетъ отголосокъ въ дѣтскомъ сердцѣ.

Если же дѣти въ юности учатся истинно радоваться и подѣтки проводить праздники, если сердце ихъ находить въ нихъ довольство, если видятъ въ нихъ радующую любовь, то не только берутъ съ собою въ жизнь радостныя воспоминанія, но чрезъ это дѣлаются болѣе воспримчивыми къ слову любви, когда оно представляется имъ въ болѣе серьезномъ видѣ.

Познай изъ этого, что, для празднованія праздниковъ, какъ и вообще для воспитанія, необходимо, чтобы твое собственное сердце правильно относилось къ Богу, первоисточнику всѣхъ радостей, и къ ребенку, котораго ты долженъ руководить къ этому источнику чрезъ радость твоего собственного сердца, которая въ любви имѣетъ основаніе и жизненный нервъ.

Вотъ приближается Рождество. Вы заняты мыслью о томъ, чѣмъ порадовать своихъ дѣтей въ праздникъ. Очень трудно отыскать вѣрное. Вы уже все имѣете. Но одного навѣрное у васъ еще нѣтъ. Я васъ наведу на слѣдъ. Однажды въ Гамбургѣ было несчастное семейство нищихъ. Въ слѣдствіе пьянства мужа и развратности жены, по смерти мужа не осталось ничего, кромѣ покрытой тряпьемъ жены, полунагихъ дѣтей, — между ними одинъ грудной ребенокъ, — нѣкоторыхъ тряпокъ для ложа и чугунаго котла съ горящими угольями. Одна мать съ десятилѣтнимъ сыномъ отыскиваетъ эту пещеру несчастія, и тотчасъ по возвращеніи домой составляетъ планъ, какъ помочь несчастнымъ. Сына болѣе всего опечалилъ грудной младенецъ безъ колыбели и подушки. Находятъ старую колыбель и прочее необходимое, не достаетъ только головной подушки. Гдѣ ее взять? Быстро рѣшившись, онъ проситъ, чтобы взяли его подушку, и на замѣчаніе матери, что тогда самъ будетъ безъ подушки, онъ остался твердъ и цѣлую недѣлю спалъ безъ подушки, — конечно, не хуже, чѣмъ прежде. Другія дѣти семейства избрали старшую дѣвочку семи лѣтъ, чтобы доставить ей радость на Рождествѣ, вмѣстѣ съ родителями поискали, поработали, и праздникъ вышелъ безъ равнаго ему. Когда ребенокъ былъ чисто вымытъ и заново одѣтъ для входа въ праздничный залъ, то его окружили четверо дѣтей съ сіяющими глазами, и младшее изъ нихъ, 3-лѣтній сынъ, плясалъ вокругъ него и восклицалъ: «Ты наше сокровище! Ты наше сокровище!» Я думаю, что не только родители этихъ дѣтей, но и Богъ со святыми своими ангелами радовался этому. Дѣти пожелали, чтобы въ будущіе годы не дѣлали имъ Рождественскихъ подарковъ, но чтобы имъ было доставляемо бѣдное дитя, которое

они могли бы одарить; это было ихъ крайнимъ желаніемъ, и оно ежегодно такъ или иначе исполнялось. Истинный Рождественскій праздникъ едва ли мыслимъ безъ повода къ дѣятельной любви, которая не только беретъ, но и даетъ и радуется другихъ, и именно тѣхъ, кто меньше имѣетъ. Да, счастлива только та душа, которая любить, и свою любовь подтверждаетъ дѣлами, жертвами и лишениями.

Я знаю, конечно, что всякое начало трудно, также и это, но кто его разъ серьезно продѣлалъ, тотъ отъ него уже не отвращается, и собственныя дѣти съ ихъ желаніями будутъ педагогами для родителей, будутъ имъ помогать сдѣлаться дѣтьми небеснаго Отца.

Но Господь Богъ посылаетъ и въ дѣтскую жизнь страданія и печали. Тогда дѣтямъ нужно указывать на ту тайну, что именно они служатъ доказательствомъ Божеской любви, которая печалитъ, но также утѣшаетъ, подобно отцовской ругнѣ, которая бьетъ и вмѣстѣ врачуетъ. На серьезномъ педагогическомъ основаніи, по которому дитя считаетъ грѣхъ величайшимъ несчастіемъ, а освобожденіе отъ его вины и власти величайшимъ счастіемъ сердца, это не слишкомъ трудно. Болѣзнь и смерть братьевъ и сестеръ, дѣдушки, бабушки и др., даже отца и матери, нужно ставить подъ эту точку зрѣнія любви Божіей, которую мы не всегда понимаемъ, но въ которую вѣрить составляетъ наше утѣшеніе, и дѣтскія представленія о будущей жизни облегчатъ ему боль. Если же само дитя заболѣваетъ и приближается къ смерти, что тогда дѣлать? Какъ быть, когда Богъ требуетъ отъ васъ, отецъ и мать, назадъ залогъ вашей любви, можете ли вы тогда, можешь ли ты, любезная мать, добровольно, принести въ жертву самое любимое, или ты принадлежишь къ тѣмъ, которые все отдали бы, чтобы только любимое существо осталось въ живыхъ? Не говорите: «какъ ты можешь такъ спрашивать? вѣдь, это можетъ всякій отецъ и всякая мать!» Если ты всматривался въ человѣческую жизнь, то знаешь, какое это опасное дѣло — нѣкоторымъ образомъ вынуждать у Бога жизнь ребенка. Какъ часто родители ни въ чемъ такъ горько не раскаяваются, какъ въ этомъ! Это и совершенно правильно. Когда у матери умираетъ любимое дитя, единственное, которое составляло всю ея жизнь, то и она умираетъ, она умерла бы за своего ребенка, еслибы Богъ принялъ эту жертву. Спокойно умереть — это великое дѣло, которому часто за всю долгую жизнь не научаются. Также смерть матери вмѣстѣ съ ребенкомъ, т. е., отрываніе его отъ своего сердца, есть искусство, которому прежде нужно научиться. Не отъ кого

лучше этому учиться, какъ отъ своего умирающаго ребенка. О, сколько родителей бываетъ въ этой школѣ, но сколь мало ихъ выдерживаютъ хорошій экзамень! Они не призвали въ совѣтники высшаго Учителя, и также отъ своего умирающаго ребенка ни чему правильно не научились. Чтобы тебѣ поучиться, послушай о другихъ, которые познакомились съ этимъ дѣломъ надъ умиравшими дѣтьми, и которые, на извѣстномъ основаніи вѣры, съ тоскою думаютъ о нихъ, пока наконецъ блаженное свиданіе не прекратитъ этой тоски.

Говорящій къ вамъ эти слова пять разъ находился при смертномъ одрѣ своихъ и чужихъ, находившихся съ нимъ въ дружбѣ дѣтей, съ горестью разлуки въ сердцѣ, но всегда съ предоставленіемъ въ руки Божіи жизни и смерти: «да будетъ воля Твоя!» Это первый шагъ въ школу умиранія. Когда онъ сдѣланъ, то ты можешь и своему ребенку помочь учиться умиранію вмѣстѣ съ тобою. Нѣкоторыя малыя дѣти при этомъ имѣютъ еще высшаго невидимаго Учителя. Я имѣлъ трехлѣтнюю дѣвочку, которая за два мѣсяца до своей смерти говорила о празднованіи на небѣ дня ея рожденія; она ежедневно молилась объ этомъ и не понимала горя материнскаго сердца, но утѣшала ее и другихъ тѣмъ, что на небѣ лучше, и описывала всѣ прелести неба: деревья, цвѣты, воду и т. п. Она умерла, какъ розовая почка, послѣ двухдневной болѣзни, за восемь дней до дня рожденія. Когда настала смертная агонія, и отецъ съ исполненнымъ печали сердцемъ спрашивалъ, идетъ ли она теперь дѣйствительно къ своему Спасителю, она отвѣтила громко: «да!» Тамъ родители могли у ребенка поучиться умиранію.

Я посѣщалъ 16-лѣтнюю ученицу, любимое и послушное дитя своей матери и прилежную ученицу моей школы. Я молился съ нею, наши дѣти пѣли ей Рождественскія пѣсни, Рождественскія свѣчи освѣщали выставленныя ясли до ея смертнаго часа. Какъ охотно говорила она съ матерью о своей смерти, поручила мнѣ свою младшую сестру и не знала, сколько меня благодарить, когда мы съ нею говорили о блаженной жизни тамъ вверху. Спусти три года, отправилась за нею ея младшая сестра; та же изнурительная болѣзнь кончила и ея жизнь. Сначала ея сердце очень привязано было къ этому міру; — можно-ли иначе и думать, — молодая, цвѣтущая дѣвушка! Но скоро и она должна была себѣ сказать, что умираетъ. Тогда и она радовалась смерти и благодарила за всякую любовь и за всякое утѣшеніе. Она умерла съ именемъ Иисуса на устахъ.

Другой ребенокъ моего любезнаго друга цѣлый годъ лежалъ въ тяжелой болѣзни и не могъ сдѣлать ни одного движенія безъ сильныхъ болей. Когда я доказательствами вѣры и любви возвысилъ въ немъ радость о смерти, то, не смотря на свои боли, онъ передъ отходомъ протягиваетъ свои руки, поддерживавшія изболѣвшую спину, чтобы схватить мою руку и изъ благодарности поцѣловать ее. Вотъ это опытъ, который воспитываетъ къ собственной радости о смерти.

Тяжело помогать дѣтямъ блаженно умирать, но нѣтъ болѣе благодарнаго дѣла, какъ это. Гдѣ это удастся, тамъ не собственная заслуга, а помогъ Тотъ, кто отнялъ власть у смерти. Потому здѣсь научаемся молиться Ему, чтобы наша смерть была такою же, какъ эта смерть.

Когда же это достигнуто, то великій экзаменъ высшей жизненной школы съ честью сданъ; тогда мы воспитали нашихъ дѣтей, и наши дѣти насъ, не воспитали, а возвысили до неба къ Тому, по образу котораго мы созданы, по образу котораго мы обновлены и по воззрѣнію котораго мы, какъ говоритъ апостоль Іоаннъ, должны сдѣлаться подобными Богу.

Тогда задача нашего воспитанія исполнена, и часто подвергающаяся нападкамъ теорія вѣры защищена практикой наглядности.

Тогда мы сами, по исполненіи надъ нами божественной воспитательной теоріи, перейдемъ въ небесную практику, будемъ питаться отъ древа жизни и жить вѣчно.

Soli deo gloria!

Обремененіе учащихся въ Австріи.*)

R. Lindner

Обремененіе, обремененіе! слышится со всѣхъ сторонъ. «Наши дѣти обременены» раздается голосъ родителей. «Обремененіе вредитъ здоровью юношества» жалуются врачи. Мало того, даже въ учительской средѣ слышны голоса, что ученики обременены работою.

При этихъ обстоятельствахъ, остается крайне необходимымъ изслѣдовать, въ самомъ-ли дѣлѣ существуетъ обремененіе, и, если существуетъ, то въ чемъ оно состоитъ, и какъ помочь этому злу.

I.

Такъ, жалуется отецъ, что его сынъ обремененъ, и послѣ ближайшаго распроса мы узнаемъ, что мальчикъ, посѣщающій одинъ изъ низшихъ классовъ средняго учебнаго заведенія, ежедневно требуетъ полныхъ 4 часа на одолѣніе своихъ уроковъ.

Мы подробнѣе разсматриваемъ заданное. Оно состоитъ въ томъ, что мальчикъ долженъ перевести шесть коротенькихъ предложеній на другой языкъ, выучить наизусть коротенькое стихотвореніе, приготовить четыре маленькія ариѳметическія задачи и усвоить содержаніе полутора страницъ изъ четвертаго предмета.

Таковы съ соотвѣтствующими измѣненіями ежедневныя домашнія работы мальчика, посѣщающаго низшій классъ средняго учебнаго веденія, и кто называетъ это обремененіемъ, тотъ или не желаетъ отдавать надлежащей доли правдѣ, или же просто дѣла не знаетъ, и сдѣлалъ бы лучше, прежде чѣмъ произнести слово «обремененіе», если бы во очію убѣдился въ размѣрѣ заданнаго, — если только и ему эти уроки, для которыхъ при томъ уже въ классѣ даны предварительныя

* Печатаемъ эту статью австрійскаго педагога, какъ наиболѣе вѣрно рисующую положеніе вопроса не только въ Австріи, но и въ Германіи (см. Jahresbericht üb. d. höh. Schulwesen, v. C. Rethwisch, I, 1887, 61). Наше мнѣніе объ обремененіи учащихся мы изложимъ въ слѣд. книгѣ. *Ред.*

разъясненія, не покажутся чрезмѣрными, — въ каковомъ случаѣ, конечно, было бы лучше просто заявить, что желательнѣе домашнія работы совершенно прекратить.

Но мы не можемъ представить себѣ серіознаго учебнаго занятія безъ послѣдующаго домашняго упражненія въ томъ, чему учать въ классѣ, ибо для насъ все еще имѣетъ значеніе положеніе, что «повтореніе есть мать ученія», и затѣмъ позволяемъ себѣ предложить еще слѣдующій вопросъ.

Если мальчикъ спитъ около 10 часовъ, — и это время, при однообразіи, безъ особенныхъ волненій протекающей ученической жизни, кажется, достаточно, — если только мы не слишкомъ станемъ опасаться за тѣлесное благосостояніе мальчика, или если большія еще возбужденія, въ слѣдствіе разныхъ, для юношеской жизни неумѣстныхъ удовольствій, не потребуютъ болѣе продолжительнаго отдыха; если, далѣе, 2 часа считать на одѣваніе, раздѣваніе, на завтракъ, обѣдъ и проч., если мальчикъ 4 часа проводитъ въ школѣ, 4 часа на вольномъ воздухѣ, включая сюда и путевое время въ школу и обратно; если 2 часа (значитъ, 12 часовъ въ недѣлю) посвящаетъ изученію иностраннаго языка, рисованію, музыкѣ, тѣлеснымъ упражненіямъ и т. п., что тогда мальчикъ дѣлаетъ въ оставшіеся два часа?

44 воскресенья даютъ случай для игры, забавъ, развивающаго чтенія или для дальнихъ прогулокъ; къ нимъ присоединяются еще 10 праздниковъ во время учебнаго года, 3 дня на приобщеніе святыхъ Таинъ, тезоименитство Императора и Императрицы, часто и именины директора, первое число мая, — при этомъ мы не упомянули еще о каникулахъ рождественскихъ (8 дней), въ концѣ перваго семестра (2 дня), пасхальныхъ (6 дней) и Троицы (3 дня), равно какъ и 62 дня каникулярнаго времени, по окончаніи учебнаго года; если всѣ эти дни предоставляются мальчику для отдыха, и если на нихъ учитель поменьше наложитъ запрета каникулярными работами, какъ это до сихъ поръ случалось, то мы въ правѣ спросить: долженъ ли мальчикъ въ эти два часа, которые ему остаются отъ сутокъ, быть безъ дѣла и проводить ихъ нелѣпнымъ образомъ, — что было бы тождественно праздности?

Развѣ пословица «праздность есть мать пороковъ» болѣе не имѣетъ значенія? Не первый ли принципъ воспитанія держать отрока въ непрерывной дѣятельности?

Если же мальчикъ не приученъ въ юномъ возрастѣ къ правильному занятію, — полагаемъ, что мы достаточно ясно высказались, что вовсе не имѣемъ въ виду работу, превышающую его силы, — когда же ему, наконецъ, приучиться къ дѣятельности? Развѣ тѣ оставшіеся два часа не могутъ быть употреблены для повторенія и усвоенія заученнаго въ школѣ?

Но возвратимся къ мальчику, о которомъ выше шла рѣчь.

Не понимая, почему этому мальчику необходимы четыре часа для одолѣнія своихъ умѣренныхъ задачъ, мы спрашиваемъ другихъ отцовъ, сыновья которыхъ посѣщаютъ тотъ-же классъ того-же учебнаго заведенія и, слѣд., должны исполнить тѣ же работы, и узнаемъ, что ихъ дѣти бываютъ готовы со своими занятіями уже по прошествіи полутора, много чрезъ два часа, и что, слѣд., этотъ мальчикъ, при разумномъ распредѣленіи времени, которое должно быть принято въ каждой семьѣ, можетъ удѣлять всѣ вечерніе часы на другія полезныя занятія.

Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ показаніяхъ этихъ отцовъ, равно какъ и вполнѣ довѣрять словамъ перваго отца.

Для полнаго разъясненія этого дѣла, продолжаемъ собирать справки и узнаемъ, что мальчику, о которомъ выше шла рѣчь, на заучиваніе шести или восьми словъ, потребовался цѣлый часъ, на восьмистрочное стихотвореніе — также полный часъ, что онъ, при простѣйшей задачѣ, не могъ даже уяснить себѣ хода рѣшенія, что онъ, не смотря на наставленіе учителя прочесть предварительно со вниманіемъ заданный рассказъ и затѣмъ уже, закрывъ книгу, громко пересказать себѣ урокъ, вызубриваетъ его наизусть дословно, ровно ничего не думая при этомъ, потому что иначе, какъ онъ говоритъ, на слѣдующій день уже болѣе ничего не помнить.

По какому же праву отецъ этого мальчика говоритъ объ обремененіи? Почему онъ открыто не сознается такъ: «хотя я знаю, что мой сынъ не имѣетъ способности для ученія, я тѣмъ не менѣе принуждаю его къ этому». Зачѣмъ этотъ отводъ глазъ словомъ «обременіе», вмѣсто того чтобы прямо сказать: «малыя способности мальчика»?

И вотъ мы уже слышимъ раздражающуюся бурю: «Значитъ, вы обремененіе объясняете малою способностью нашего юношества?!»

Позвольте, господа; только не извращайте того, что мы сказали. Вышеприведеннымъ обстоятельствомъ мы пожелали лишь констатировать, что, когда жалуются на обремененіе, этотъ терминъ зачастую совершенно неумѣстенъ. Впрочемъ, подобныя жалобы не столь часты, какъ

въ томъ хотять убѣдить публику, такъ какъ такимъ жулюющимся родителямъ противостоить несравненно большее число не менѣе добро-совѣтныхъ родителей, весьма внимательныхъ къ занятіямъ своихъ дѣтей, но ничего не знающихъ объ ихъ обремененіи.

Что касается способностей нашего юношества, то замѣтимъ, что мы не согласны съ тѣми лицами, которыя полагають, что въ способностяхъ нашего юношества замѣчается упадокъ. Мы сами принадлежали къ юношеству, имѣемъ собственныхъ дѣтей и убѣждены, что нынѣшнее юношество, вообще, выказываетъ тѣ же прекрасныя способности, какія имѣло юношество прежнихъ временъ и, надѣмся, будетъ имѣть и будущее юношество.

Ислѣдуемъ теперь, не умѣстно ли слово «обремененіе» въ иномъ случаѣ.

Теперь это — жалующаяся мать. «Если это будетъ такъ продолжаться» думаетъ она со слезами на глазахъ «то мой единственный сынъ изнеможетъ подъ бременемъ своихъ занятій; не проходитъ почти дня, чтобы онъ не легъ въ постель около полуночи.»

Въ совершенномъ изумленіи отъ ужасныхъ вещей, которыя только что услышали, мы подробнѣе разсматриваемъ уроки юноши, посѣщающаго высшій классъ средняго учебнаго заведенія, и, дѣйствительно, находимъ, что для одолѣнія ихъ, — если только этотъ юноша не принадлежитъ къ тѣмъ, которые только съ трудомъ перетаскивались изъ класса въ классъ, и въ такомъ случаѣ лучше совершенно бросилъ бы ученіе, — необходимо время около трехъ часовъ. Это количество работы на три часа, никто, конечно, не найдетъ слишкомъ великимъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, мы въ правѣ требовать отъ 16-лѣтняго юноши болѣе, чѣмъ отъ 13-лѣтняго мальчугана.

Но далѣе. На нашъ вѣжливый вопросъ, когда же молодой человекъ начинаетъ свои занятія, мамаша чистосердечнѣйше рассказываетъ, что раньше 8 час. или $\frac{1}{2}$ 9 вечера нечего и думать о начатіи школьныхъ работъ. По приходѣ изъ училища, говоритъ мать, сынъ долженъ переодѣться; потомъ идетъ обѣдъ, за обѣдомъ слѣдуетъ прогулка, затѣмъ визитъ въ знакомое семейство, — долженъ же молодой человекъ заблаговременно научиться вращаться въ обществѣ; вечеромъ онъ долженъ ждать то посѣщенія театра, то учителя языковъ, танцевъ, фехтованія и т. д.; ужинъ, который и безъ того подается въ его комнату, также отнимаетъ нѣкоторое время. Короче сказать, раньше

8¹/₂ или 9 ч., а въ случаѣ посѣщенія театра и того позже, у сына нѣтъ никакой возможности взяться за занятія.

Теперь понятно, почему этотъ молодой человѣкъ всякій разъ готовъ со своими работами только около полуночи.

Какъ легко, однакоже, было бы ввести такое распредѣленіе времени, чтобы учащійся могъ окончить хотя бы половину своихъ работъ послѣ обѣда, затѣмъ посвятить нѣсколько часовъ отдыху, изученію иностраннаго языка и пр., и остальное окончить вечеромъ, въ одинъ часъ или въ полтора.

При такомъ распредѣленіи, молодой человѣкъ, какъ мы считаемъ это безусловно необходимымъ для его тѣлеснаго развитія, попалъ бы въ постель двумя часами раньше, чтобы, по прошествіи 8—9 часоваго укрѣпляющаго сна, встать съ возстановленными силами, между тѣмъ какъ онъ, при настоящемъ распредѣленіи, или засыпаетъ при занятіяхъ и безъ приготовленія является на слѣдующій день въ классъ, или же, если справился съ занятіями, присутствуетъ на урокахъ въ полубодревшемъ состояніи; въ томъ и другомъ случаѣ — ущербъ для юноши, по отношенію къ успѣшности его занятій.

На наше учтивое замѣчаніе, что молодой человѣкъ еще очень молодъ, что невозможно же всему учиться заразъ, что общество, танцы, фехтованіе и пр. достаточно рано дойдутъ до очереди и послѣ окончанія курса средняго учебнаго заведенія, мамаша недовѣрчиво покачиваетъ головою; мы же откланиваемся съ убѣжденіемъ, что и эта мамаша совершенно неправа, когда говоритъ объ обремененіи, каковое слово, въ настоящемъ случаѣ, на простомъ языкѣ должно быть передано словами «безразсудство родителей». При этомъ, во избѣжаніе новой бури и попытки дать нашимъ словамъ иное толкованіе, мы подчеркиваемъ, что мы и этотъ примѣръ привели, какъ доказательство злоупотребленія словомъ «обремененіе».

Снова раздается слово обремененіе. Теперь оно исходитъ изъ устъ человѣка, котораго другіе причисляютъ къ ученымъ.

«Откуда это происходитъ» спрашиваетъ онъ «что въ школьныхъ свидѣтельствахъ мы большею частію встрѣчаемъ отмѣтки «достаточно», «удовлетворительно», между тѣмъ какъ отмѣтка «похвально» попадаетъ гораздо рѣже, а «отлично» и «превосходно» весьма рѣдко? Допустивъ, что юношество, въ общей сложности, исполняетъ свой

долгъ, я могу объяснить себѣ этотъ результатъ классификаціи развѣ только обремененіемъ, а это обремененіе проистекаетъ отъ того, что преподаватели большею частію, такъ сказать, читаютъ лекціи, вмѣсто того чтобы преподавать. Результатомъ и является то, что учащіеся не въ состояніи воспринимать все слышанное и, придя домой, или сами должны добиваться, на что тратится много времени, или же принуждены прибѣгать къ помощи приватнаго учителя, — порядокъ, ни въ какой иной странѣ столь не распространенный, какъ въ Австріи, и причиняющій родителямъ излишніе расходы.»

Мы не знаемъ, потерпѣлъ-ли сынъ этого человѣка крушеніе въ средней школѣ, ибо жалобы на обремененіе часто слышатся отъ такихъ родителей, сыновья которыхъ не достаточно успѣваютъ, — обстоятельство, обыкновенно, приписываемое учителямъ, но уже никакъ не ученику. Съ другой стороны, замѣчательно, что хорошіе успѣхи оказываются, въ глазахъ тѣхъ же родителей, исключительно заслугою ихъ дѣтей. Одно только можно сказать, что изъ устъ ученаго такой аргументаціи трудно было ожидать.

Замѣтимъ кстати, что учителю было бы легко выставять какъ можно больше отличныхъ отмѣтокъ: онъ имѣлъ бы тогда ту выгоду, что изъ лучезарнаго вѣнца отличныхъ его учениковъ часть лучей отразилась бы и на немъ, потому что никто не допуститъ, чтобы много отличныхъ учениковъ могло быть воспитано неспособнымъ учителемъ.

Если же преподаватели ставятъ мало отличныхъ и превосходныхъ отмѣтокъ и признаютъ успѣхи своихъ учениковъ по большей части только удовлетворительными и достаточными, — хотя въ этомъ далеко еще до неудовлетворительнаго результата обученія, — то это доказываетъ лишь большую добросовѣстность преподавателя, которая, при всемъ снисхожденіи его къ юношеству, придаетъ успѣхамъ учениковъ то значеніе, какого послѣдніе заслуживаютъ по совѣсти, на основаніи справедливаго мѣрила. На сколько учителю пріятно поставить прилежному ученику удовлетворительную отмѣтку, на столько тяжело ставить неудовлетворительную. Онъ очень хорошо знаетъ, что плохая, хотя бы и справедливая, отмѣтка гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на родителей, чѣмъ на самаго ученика; и мы можемъ утверждать, что время выставленія отмѣтокъ, въ концѣ семестра, для чувствъ учителя самое тяжелое время учебнаго года.

Да и какой разумный человекъ станетъ удивляться; что число удовлетворительныхъ отмѣтокъ превосходитъ число отличныхъ и превосходныхъ?

На великомъ поприщѣ жизни имѣеть перевѣсъ, нѣкоторымъ образомъ, среднее качество, между тѣмъ какъ превосходное принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ, и, по поучительному статистическому обзору директора Pick'a, только въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ число превосходныхъ учениковъ доходитъ до 45 %.

Относительно классификаціи, надо взвѣшивать еще и слѣдующее обстоятельство, въ особенности, когда ученики учатся въ большомъ городѣ. Если и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что жизнь и дѣятельность въ большомъ городѣ, съ его пестрымъ разнообразіемъ и его непрерывными, вновь появляющимися явленіями, многосторонне дѣйствуетъ на душу и воображеніе юношества, то, съ другой стороны, нельзя отрицать, что именно эта пестрая переменна и быстрое чередование явленій имѣеть слѣдствіемъ блужданіе мысли, разсѣянность юнаго ума, что, не смотря на всѣ старанія учителей, рѣдко окончательно устраняется и естественнымъ образомъ влияетъ на успѣхъ ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на классификацію.

И еще одно обстоятельство должно быть принято во вниманіе при классификаціи. Не для того, чтобы мы желали сказать, что въ нашемъ обществѣ господствуетъ явный сословный духъ, но часто встрѣчается, что самое страстное желаніе родителей состоитъ въ томъ, чтобы сынъ вступилъ на поприще отца, т. е. сдѣлался врачомъ, юристомъ — чтобы въ послѣдствіи принять кругъ пациентовъ или кліентовъ отца, или чиновникомъ — чтобы съ содѣйствіемъ отца или его добрыхъ друзей перескочить первыя ступени бюрократической карьеры, или преподавателемъ — чтобы, по крайней мѣрѣ, съ извѣстнымъ количествомъ педагогическихъ и дидактическихъ совѣтовъ, этимъ, часто единственнымъ наслѣдіемъ отъ отца, могъ вступить въ учительскую должность.

Вѣрно то, что сыновья отцовъ упомянутыхъ и т. п. профессій часто представляютъ собою весьма способный школьный матеріалъ, и въ желаніи родителей, чтобы сынъ, если возможно, взялся за родъ занятій отца, усматриваемъ вполнѣ естественное явленіе, — въ томъ, конечно, предположеніи, что мальчикъ владѣеть достаточными способностями къ ученію въ среднемъ заведеніи, предшествующему такой карьерѣ.

Иное будетъ, если сынъ не имѣеть необходимыхъ способностей, и тѣмъ не менѣе его принуждаютъ. И такихъ случаевъ много. Припоминаемъ супругу одного важнаго сановника, которая, на нашъ вѣжливый совѣтъ, чтобы ея сынъ, по недостаточности способностей, оставилъ науку, въ полномъ гнѣвѣ спросила: «Если дѣти такихъ лицъ, какъ мы, не должны получить высшаго образованія, то кому же его получать?» Ничуть не измышленный, а дѣйствительный фактъ, что 15-лѣтній мальчикъ, на совѣтъ его учителя — попросить у отца дозволенія избрать другой родъ занятій, такъ какъ ученіе ему не по силамъ, отвѣчалъ съ откровенностью, которой мы не можемъ отказать въ нашемъ уваженіи: «Мой отецъ полагаетъ, что дальше уже пойдетъ, если только пробуюсь въ среднемъ учебномъ заведеніи; высокопоставленнымъ лицомъ, какъ онъ, я все таки могу быть.»

Намъ предложить вопросъ: что же приходится дѣлать отцамъ высшихъ сословій со своими сыновьями, не способными къ высшему образованію?

Отвѣтъ на то совершенно простъ: такъ какъ хорошій ремесленникъ во всякомъ случаѣ долженъ быть предпочтенъ плохому интеллигенту, то такія дѣти должны быть направляемы на ремесло, давъ дорогу болѣе талантливымъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ сословныя предразсудки и отказавшись отъ часто встрѣчающагося фальшиваго взгляда, будто родъ занятій, не требующихъ средняго образованія, менѣе почетенъ.

Съ этимъ совѣтомъ мы, конечно, уже касаемся области, находящейся только въ далекой связи съ нашимъ вопросомъ; потому и оставляемъ дальнѣйшія поясненія. Для насъ достаточно было показать, что, въ виду вышеприведенныхъ обстоятельствъ, не слѣдуетъ удивляться, что число отличныхъ отмѣтокъ меньше числа другихъ.

Относительно классификаціи слѣдуетъ еще замѣтить, что учрежденіемъ многочисленныхъ среднихъ учебныхъ заведеній нынѣшнему юношеству предоставляется большая возможность учиться, чѣмъ въ прежнія времена; естественнымъ слѣдствіемъ является то, что теперь въ среднія учебныя заведенія и болѣшій наплывъ учениковъ, чѣмъ это бывало прежде.

Мы также вовсе не того мнѣнія, что общее образованіе, какое даетъ среднее учебное заведеніе, есть привилегія богатыхъ людей и извѣстныхъ сословій; по нашему мнѣнію, такое образованіе равно идетъ и крестьянину, и кушцу, и духовному лицу, и адвокату; но мы желали-бы,

чтобы родители по собственному возрѣнію и опыту дали себѣ отчетъ въ томъ, годенъ ли ихъ сынъ къ среднему образованію, и чтобы они, на сколько возможно, уяснили себѣ напередъ, что они намѣрены сдѣлать изъ своего мальчика, между тѣмъ какъ теперь часто случается, что родители посылаютъ своего сына въ школу только потому, что училище у нихъ, такъ сказать, подъ носомъ, или чтобы попытаться, даже если сынъ къ тому неспособенъ, не пойдетъ ли ученіе тѣмъ не менѣе, или чтобы, по прошествіи годичнаго или двухгодичнаго ученія, дать мальчику взяться за другую дѣятельность, — какъ будто на такой случай нѣтъ множества другихъ спеціально пригодныхъ учреждений!

Вмѣстѣ съ увеличивающимся числомъ учащихся, конечно, растетъ и число мальчиковъ, пригодныхъ ученію, но еще болѣе растетъ и число учениковъ среднихъ способностей. Если, напр., въ прежнія времена, между 70 успѣвавшими учениками, успѣшно учившихся было 10 особенно даровитыхъ, то теперь, — въ предположеніи, что способности, какъ мы выше замѣтили, вообще, тѣ же какъ и прежде, — на 100 успѣшно учащихся окажется около 14, т. е. болѣе лишь на 4 отличныхъ ученика, между тѣмъ какъ число успѣвающихъ удовлетворительнымъ и достаточнымъ образомъ, возросло на 26.

И вотъ тѣ, кто не сознаетъ или не желаетъ сознавать, жалуется, что число отличныхъ учениковъ въ настоящее время стало незначительнѣе, и выискиваютъ всевозможныя объяснительныя причины такого явленія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности отношеніе осталось тоже, притомъ съ тою разницею, говорящею въ пользу нынѣшнихъ среднихъ учебныхъ заведеній, что выдѣленіе непригодныхъ для ученія элементовъ нынѣ производится уже въ низшихъ классахъ, тогда какъ въ прежніе годы менѣе строго смотрѣли на переводъ учениковъ въ низшихъ классахъ, и за удаленіе непригодныхъ принимались только при переводѣ въ такъ называемую «логику», причемъ, обыкновенно, отъ 20 до 30 % учениковъ получали неудовлетворительныя отмѣтки.

Какую бурю вызвалъ бы такой классификаціонный результатъ, если бы это случилось теперь въ томъ классѣ, который соотвѣтствуетъ прежней «логикѣ», и въ которомъ нынѣ число неудовлетворительныхъ аттестацій составляетъ отъ 5 до 7 %!

Мы считаемъ возможнымъ утверждать, что классификація нынѣ даетъ болѣе благопріятныя результаты противъ прежнихъ, и заклю-

чаемъ это изъ столь значительно увеличивающагося наполненія высшихъ учебныхъ заведеній. Это явленіе, по нашему мнѣнію, имѣетъ свою причину не въ томъ, что число лицъ, посвящающихъ себя наукѣ, стало больше, но въ томъ, что процентъ учениковъ, достигающихъ своей цѣли въ нынѣшнихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, сталъ болѣе благопріятенъ противъ процента учениковъ, съ успѣхомъ кончавшихъ прежнія учебныя заведенія. Статистическія изслѣдованія могли бы точнѣе установить это отношеніе.

Не трудно привести и доводы этого явленія. Во первыхъ, прежніе 17- или 18-лѣтніе юноши, стекавшіеся къ такъ-называемой философіи, при немногихъ тогда учебныхъ заведеніяхъ, теперь распредѣляются на гораздо большее число среднихъ учебныхъ заведеній, и потому, при меньшемъ числѣ учащихся, нынѣ выпадающемъ на долю отдѣльнаго учителя, результатъ естественно долженъ оказаться болѣе благопріятнымъ; во вторыхъ, не въ укоръ будь сказано старымъ заслуженнымъ преподавателямъ, какъ наука, такъ и способъ ея передачи, двигается впередъ, и методъ преподаванія нынѣ гораздо лучше, чѣмъ онъ былъ прежде.

Мы повѣствовали о случаяхъ, гдѣ слово «обремененіе» не было умѣстно. Приведемъ еще нѣсколько подобныхъ случаевъ.

Такъ, родители говорятъ объ обремененіи, потому что они, приходя вечеромъ домой, находятъ своихъ дѣтей еще при занятіяхъ; но что эти дѣти, оставленные, по неизбѣжнымъ или необходимымъ причинамъ, безъ надзора, все послѣобѣденное время, вмѣсто того, чтобы работать, читали занимательныя книжки и провели время въ игрѣ и проказахъ, о томъ они ничего не говорятъ.

Разумно выбранная и правильно организованная лектура составляетъ необходимое условіе гармоническаго развитія, но бѣда въ томъ, что часто мальчуганъ беретъ за интересную книгу не послѣ уроковъ, а до уроковъ, и такимъ образомъ вся энергія и свѣжесть духовныхъ силъ обращается не на уроки, а на лектуру.

Другіе родители жалуются на обремененіе, потому что ихъ сынъ не могъ справиться съ своимъ урокомъ, по причинѣ чрезмѣрнаго объема, но что этотъ урокъ на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ трехъ, бывшихъ распредѣленными на три предшествующихъ учебныхъ часа,

и что мальчикъ двухъ изъ нихъ не выучилъ, въ слѣдствіе чего учитель объявилъ ему, что въ слѣдующій урокъ спроситъ все три урока, о томъ умалчивается.

II.

Обремененіе состоитъ, повидимому, прежде всего въ томъ, что преподаваніе продолжается слишкомъ много часовъ сряду. Если уже взрослый устааетъ послѣ непрерывной работы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, будь это умственная работа или физическая, то насколько труднѣе дается отрочеству оставаться умственно дѣятельнымъ 4 часа сряду? Не требуетъ особенныхъ доказательствъ и то, что распредѣленіе преподаванія на до — и послѣобѣденное время, по педагогически-дидактическимъ причинамъ, должно быть предпочтено накопленію его на дообѣденное время.

Съ другой стороны, противъ такого распредѣленія учебнаго времени высказываются вѣскія возраженія, особенно въ большихъ городахъ.

Много времени, несомнѣнно, теряется на четырехкратное хожденіе въ школу и обратно, особенно, при большихъ разстояніяхъ, и хотя эти концы отчасти и замѣняютъ собою необходимую ежедневную прогулку, но нельзя отрицать, что съ этимъ сопряжено значительное дробленіе времени.

Въ низшихъ училищахъ это дробленіе времени не настолько имѣетъ значенія, такъ какъ тамъ обученіе менѣе требуетъ домашнихъ работъ; но въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ этого слѣдуетъ избѣгать, такъ какъ ученики, располагая всемъ послѣобѣденнымъ временемъ, выигрываютъ необходимое время на изученіе разныхъ необязательныхъ предметовъ, оказывающихся имъ въ послѣдствіи, при ихъ дальнѣйшей дѣятельности, весьма полезными.

Обремененіе нерѣдко вызывается тѣмъ, что нѣкоторые родители не могутъ выждать того момента, когда сынъ долженъ поступить въ училище, и посылаютъ въ школу, мало беспокоясь о томъ, имѣетъ ли онъ умственную къ тому зрѣлость.

Уже у дѣтей одной и той же семьи ходъ духовнаго развитія часто бываетъ совершенно различный: одно дитя, напр., выказываетъ сообразительность и здравый смыслъ, превышающіе его годы, между тѣмъ какъ другое, хотя его способности и не хуже, чѣмъ у его братьевъ, остается, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, позади

требованій, которыя можно ставить ему сообразно его лѣтамъ. На сколько, стало быть, рѣзче будетъ разница въ ходѣ умственнаго развитія у дѣтей, принадлежащихъ къ разнымъ семьямъ?

Къ сожалѣнію, это обстоятельство не всегда принимается въ расчетъ; а какъ другіе мальчики — сверстники дружественныхъ семей поступаютъ въ школу, то нѣкоторые родители считаютъ несчастіемъ, срамомъ, Богъ-вѣсть чѣмъ, если ихъ сынъ не посѣщаетъ того же учебнаго заведенія.

Между тѣмъ, какъ одинъ мальчикъ, дѣйствительно зрѣлый, легко воспринимаетъ и перерабатываетъ учебный матеріалъ, другому дается это съ трудомъ, или онъ вовсе не въ состояніи преодолѣвать тѣ же трудности, которыя его счастливый сверстникъ, такъ-сказать, играя осиливаетъ, часто только потому, что его развитіе, по разнымъ причинамъ, не шло рядомъ съ развитіемъ его сверстника, и потому онъ, въ виду его временной меньшей успѣшности, кажется дѣйствительно обремененнымъ.

Поэтому полагаемъ, что родители, желающіе охранять своихъ дѣтей отъ обремененія, должны обусловливать вступленіе ихъ въ среднее учебное заведеніе не столько числомъ лѣтъ, сколько развитостью, и если родители найдутъ, что зрѣлость эта еще не наступила, то, не споря съ учителемъ, еще менѣе съ мальчикомъ, должны оставить его еще на годъ въ начальномъ училищѣ, и терпѣливо выжидать, пока онъ въ теченіе этого года не достигнетъ той же степени развитія, которой счастливый его сотоварищъ достигъ уже къ началу прошлаго года.

Такъ владѣлецъ сада доводитъ плоды до зрѣлости не тѣмъ, что преждевременно срываетъ, а терпѣливо долженъ выжидать, пока они приобрѣтутъ ту же сочность и вкусъ, какіе имѣютъ плоды его сосѣда.

Обремененіемъ надо считать, если отдѣльные преподаватели, — но такой упрекъ можетъ быть отнесенъ къ отдѣльнымъ только лицамъ, а никакъ не ко всему сословію, — если отдѣльные преподаватели при задаваніи уроковъ выходятъ изъ предѣловъ, соотвѣтствующихъ степени развитія учениковъ, или же предъявляютъ къ своимъ ученикамъ, касательно объема задаваемаго, слишкомъ высокія требованія.

Мы убѣждены, что такіе случаи обремененія тѣмъ рѣже являются, чѣмъ прилежнѣе призванные къ тому лица присматриваются, гдѣ подобныя нарушенія могутъ быть ожидаемы, будь это отъ недостатка въ опытности, или отъ чрезмѣрнаго усердія.

Но и въ томъ случаѣ, когда подобнаго рода обремененіе дѣйствительно проявляется, полагаемъ, что этому очень легко поможетъ соотвѣтственный образъ дѣйствія родителей.

Для этого, конечно, необходимо, чтобы положеніе и дѣятельность преподавателя обсуждались въ иномъ смыслѣ, чѣмъ это часто случается; ибо, если мы и охотно допускаемъ, что учительскій міръ, вообще, пользуется уваженіемъ и довѣріемъ общества, то, съ другой стороны, есть родители, имѣющіе объ учительскомъ званіи свои собственныя сужденія.

Мы именно, полагаемъ, что такіе родители, которымъ не можетъ же быть не извѣстно, сколько хлопотъ имъ же самимъ причиняетъ воспитаніе собственныхъ дѣтей, должны бы подумать, что званіе учителя, имѣющаго дѣло съ 20 и 30 — кратнымъ числомъ дѣтей различныхъ качествъ, требуетъ несказаннаго терпѣнія, выдержки и самоотверженія, и что тотъ, кто взялъ на себя эту трудную обязанность, могъ сдѣлать это лишь изъ любви къ этому званію, ибо тотъ, кто сталъ способнымъ учителемъ, тотъ, конечно, имѣлъ бы успѣхъ и на всякомъ другомъ поприщѣ. Эти родители поймутъ также, что учитель, обнаруживаетъ ли онъ обходительность или черствую вѣжливость, преданъ избранному имъ званію съ жаромъ благороднаго воодушевленія, а ввѣренному ему юношеству съ теплою любовью, и при всемъ, что онъ дѣлаетъ, имѣетъ въ виду только ихъ пользу и выгоду, и потому при задаваніи уроковъ думаетъ лишь о томъ, чтобы какъ можно скорѣе и дальше двинуть своихъ учениковъ по пути знанія.

Если же родители будутъ помнить это, то имъ, въ случаѣ обремененія ихъ дѣтей по упомянутымъ причинамъ, не составитъ труда, каково бы ни было ихъ соціальное положеніе, довѣрчиво обратиться къ учителю, вѣрному ихъ сотруднику въ столь трудномъ дѣлѣ воспитанія и образованія ихъ дѣтей, и открыто выразить свое мнѣніе на счетъ обремененія. Ни одинъ учитель, въ этомъ мы убѣждены, не откажется принять въ соображеніе подобныя основательныя и въ приличной формѣ сдѣланныя представленія.

Къ сожалѣнію, однако, случается, что родители, вмѣсто того, чтобы стать съ учителемъ глазъ на глазъ и откровенно заявить свои мысли, предпочитаютъ относиться объ учителѣ за его спиною, въ кругу семьи или знакомыхъ, нерѣдко даже въ присутствіи учениковъ, съ неумѣстной критикой, такъ что тотъ никогда не узнаетъ, что онъ

иногда пересаливаетъ безъ малѣйшаго намѣренія, развѣ только изъ слишкомъ большаго усердія къ дѣлу, которому служить.

Съ радостью мы, однако, констатируемъ случаи, гдѣ открытое, искреннее слово, обращенное къ учителю, имѣло наилучшій успѣхъ, и гдѣ вызванное учителемъ обремененіе сейчасъ-же исчезло.

Къ приведеннымъ случаямъ обремененія присоединяются еще нѣкоторые другіе, имѣющіе причину въ отдѣльныхъ постановленіяхъ и инструкціяхъ касательно распредѣленія предметовъ и въ способѣ, какъ составлены нѣкоторые учебники.

Организованныя по иностранному образцу, а въ началѣ отчасти при помощи иностранныхъ учителей, эти заведенія, въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ, опередили свой иностранный прототипъ во многихъ отношеніяхъ и развились до зданія, которымъ каждый австріецъ вправѣ гордиться.

Но какъ иное великолѣпное зданіе, съ теченіемъ времени, получаетъ пристройки, стиль которыхъ не всегда согласуется съ главнымъ зданіемъ, то подобное можетъ случиться и въ области гимназій.

Появившіяся въ 1884 г. инструкціи, имѣвшія въ виду устраненіе обремененія и сулившія много образцоваго по отношенію къ педагогикѣ и дидактикѣ, тѣмъ не менѣе вызвали нововведенія, противорѣчившія цѣли этихъ инструкцій.

Съ либеральностью, достойною высшаго уваженія и направленною исключительно на преуспѣяніе гимназій, тогдашній начальникъ учебнаго вѣдомства выразилъ въ этихъ инструкціяхъ желаніе, чтобы опытъ и наблюденія, приобретаемыя при ихъ исполненіи, откровенно и безпристрастно обсуждались учительскимъ міромъ.

Съ тѣхъ поръ инструкціи эти обсуждались въ разныхъ періодическихкихъ изданіяхъ и опытными специалистами, и изъ нихъ мы усматриваемъ, что эти новыя инструкціи, на ряду со многими превосходными чертами, содержатъ нѣчто такое, при выполненіи котораго учащіеся оказываются занятыми болѣе чѣмъ прежде.

Не входя въ подробности, мы приведемъ лишь замѣчаніе опытныхъ лицъ, что стремленіе къ достиженію требованій инструкціи въ древнихъ языкахъ, математикѣ и всѣхъ прочихъ предметахъ гимназическаго курса, повело къ тому, что преподаватели не имѣютъ достаточно времени для повторенія, а обремененіе не только не устранено, но напротивъ становится постояннымъ.

Нѣкоторыя объясняютъ это тѣмъ, что инструкция 1884 года еще не успѣла войти въ плоть и кровь преподавателей. Но о справедливости послѣдняго мнѣнія можно будетъ судить лишь по прошествіи многихъ лѣтъ.

Разъ мы вопросъ объ обремененіи обсуждаемъ вполне объективно, мы должны еще отмѣтить сужденія нѣкоторыхъ родителей.

Эти родители того мнѣнія, что преподаваніе въ гимназіяхъ должно принимать въ расчетъ то обстоятельство, что только немногіе ученики посвящаютъ себя въ послѣдствіи филологіи, и потому нѣтъ надобности придавать слишкомъ большое значеніе переводамъ на латинскій или греческій языки, и къ ошибкамъ учениковъ прилагать мѣрку филолога; надобно-де, чтобы изученіе многихъ исключеній изъ правилъ сводилось на минимумъ, и чтобы грамматическое преподаваніе вообще не служило конечною цѣлью, а только средствомъ къ цѣли, какимъ на самомъ дѣлѣ чтеніе классиковъ и служить; что сочиненія не должны становиться въ каждомъ предложеніи, даже въ каждой строкѣ, нѣкоторою ловушкою для ученическаго ума, а быть упрощенными и сокращенными безъ ущерба для своей цѣли, т. е. пріучать ученика къ мышленію. Эти родители полагаютъ далѣе, что ученики отъ постоянного умствованія, наконецъ, теряются въ простѣйшихъ вещахъ, что нѣкоторые предметы совсѣмъ могутъ быть оставлены, что преподаваніе идетъ педантически, что классификація черезчуръ строга.

Да будетъ дозволено и намъ ясно и откровенно высказаться по этому поводу.

Суть въ томъ, что небольшое, требуемое отъ ученика, — мы сами, бывши гимназистами, должны были исполнять гораздо больше, и тѣмъ не менѣе остались здоровыми и тѣломъ и духомъ, — все еще кажется нѣкоторымъ родителямъ слишкомъ многимъ и труднымъ; поэтому, чтобы удовлетворить этихъ родителей, пришлось бы снова прибѣгнуть къ уменьшенію объема учебнаго матеріала. Такъ какъ, однакоже, нынѣ изъ грамматики и безъ того проходится только самое существенное, и такъ какъ чтеніе классиковъ безъ знанія этимологіи и синтаксиса, къ сожалѣнію, немислимо, то вторичное уменьшеніе учебнаго матеріала равнялось бы почти исключенію классическихъ языковъ изъ гимназической программы.

Такую мѣру, конечно, на время привѣтствовали бы съ громкою радостью и ученики, и родители; но скоро, въ этомъ мы убѣждены, древніе языки стали бы опять выносить изъ чулана, въ который ихъ

бросили къ другимъ ненужнымъ вещамъ, потому что 1) чтеніе древнихъ классиковъ еще на долго останется чистѣйшимъ источникомъ, изъ котораго мы черпаемъ наши основательныя познанія прекраснаго; 2) чтеніе это даетъ намъ наилучшее средство для развитія нашего ума; 3) языкъ, на которомъ съ нами говорятъ образы древности, это воплощеніе чистаго, настоящаго человѣчества, есть удобнѣйшее средство для просвѣщенія нашей души и возбужденія въ насъ отвращенія ко всему низменному, будничному, и для воодушевленія ко всему благородному и возвышенному.

Что касается «мудрствованія», на которое жалуются нѣкоторые родители, то это самое другими родителями признается за основательную дисциплину; но что гимназія успѣшно исполняетъ одну изъ своихъ важнѣйшихъ обязанностей по отношенію къ строгой духовной дисциплинѣ и что изученіе новѣйшихъ языковъ, въ этомъ отношеніи, пока не въ состояніи мѣряться съ изученіемъ древнихъ, наилучше доказывается тѣмъ, что, при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, техники съ гимназическимъ образованіемъ предпочитаютъ другимъ; такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ люди компетентные.

То обстоятельство, что учащіеся очень часто теряются въ предлагаемыхъ имъ простыхъ вещахъ, имѣетъ свою причину не въ томъ, что мальчикъ долженъ слишкомъ много учиться, но объясняется разсѣянностью, слишкомъ извѣстною каждому занимающемуся съ юншествомъ.

Въ пользу уменьшенія требованій по отношенію къ способности мышленія мы не говоримъ потому, что они представляютъ собою минимумъ того, что мы въ правѣ требовать для духовной дисциплины и подготовки къ высшему образованію, и потому, что уменьшеніе ихъ естественно должно будетъ вредно отозваться на университетѣ.

Касательно исключенія предметовъ изъ программы, какъ то желательно нѣкоторымъ родителямъ, мы полагаемъ, что, еслибы созвана была совѣщательная комисія изъ родителей для постановленія, какіе предметы сохранить и какіе исключить, то одинъ предметъ окажется ненужнымъ этому отцу, другой предметъ той матери, и наконецъ въ программѣ не останется ни единого предмета.

Касательно жалобъ на педантизмъ преподаванія мы полагаемъ, что каждый преподаватель обязанъ пріучать своихъ учениковъ къ точному исполненію обязанностей; а какъ всегда будутъ ученики, не исполняющіе въ точности своихъ обязанностей, то и всегда, пока

будутъ существовать училища, придется слышать жалобы на педантизмъ учителей. Впрочемъ, мы не придаемъ особеннаго значенія этимъ жалобамъ, такъ какъ по опыту намъ извѣстно, что и ученики, и родители, жаловавшіеся въ началѣ на такъ называемый педантизмъ учителя, съ теченіемъ времени вспоминали объ учителѣ съ благодарностью за благотворное вліяніе, произведенное на нихъ настойчивымъ образомъ дѣйствія.

Что касается, наконецъ, до строгой классификаціи, то замѣтимъ, что изъ 100 учениковъ, поступающихъ въ 1-й классъ, въ среднемъ выводѣ, около 20—30 успѣшно оканчиваютъ 8-й классъ гимназіи; остальные, въ теченіе 8-ми лѣтъ, распредѣляются такъ, что около 20 учениковъ, которые удовлетворяли бы требованіямъ гимназіи, выбываютъ или въ слѣдствіе выбора другого круга дѣйствія, или по недостатку необходимыхъ средствъ, рѣже по болѣзненности, а 50—60 учениковъ оставляютъ гимназію по неудовлетворительнымъ успѣхамъ, отчасти въ слѣдствіе малоспособности, отчасти по лѣности или легкомыслію.

Вышеприведенный процентъ учениковъ, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ, мы находимъ довольно благопріятнымъ, въ особенности, если присоединить сюда учениковъ, оставляющихъ гимназію въ теченіе 8 лѣтъ, не смотря на ихъ хорошія отмѣтки; это естественное слѣдствіе содѣйствія многихъ различныхъ факторовъ. Поэтому, взглядъ на слишкомъ строгую оцѣнку учениковъ мы не считаемъ основательнымъ, и думаемъ даже, что болѣе умѣренная оцѣнка была бы только зломъ, потому что тогда послѣдовалъ бы и гораздо болѣшій приливъ молодыхъ людей на тѣ поприща, которыя требуютъ высшаго образованія, а чрезъ это еще болѣе возросло бы затрудненіе пристроиться на этихъ поприщахъ, и число лицъ, не находящихъ сбыта для своихъ знаній, пріобрѣтенныхъ въ теченіе многолѣтнихъ умственныхъ занятій, постоянно увеличивалось бы, и умственный пролетаріатъ, если онъ еще не существуетъ, непременно создавался бы со временемъ.

Остался еще одинъ случай обремененія, о которомъ необходимо поговорить. Намъ кажется, что обремененіе простекаеть и изъ того, что нѣкоторые учебники, сами по себѣ очень хорошіе, слишкомъ пространны, въ особенности, если они предназначены для предметовъ, на которые удѣлено незначительное число недѣльныхъ часовъ.

Учителю не трудно выбрать изъ такого учебника, согласно учебному плану, только существенное; однако объемистыя руководства

причиняють ученику не мало затрудненій при приготовленіи къ слѣдующему уроку. Учебный матеріаль, собранный учителемъ въ получасовомъ урокъ и составляющій, приблизительно, 2—3 печатныя страницы, занимаетъ въ объемистомъ учебникѣ 5—6 страницъ; поэтому ученикъ принужденъ, даже если ему указаны были и болѣе важныя и менѣе важныя мѣста въ книгѣ, прочесть, ради общей связи, 5—6 страницъ.

Наконецъ, мы хотѣли бы обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Какъ вездѣ, такъ и въ школьномъ дѣлѣ, существуетъ и долженъ существовать контроль: для начальника — какъ залогъ того, что успѣхи дѣйствительно даютъ плоды, для учителя — какъ желаемое распоряженіе, дающее ему возможность или убѣдиться въ томъ, идетъ ли онъ по вѣрному пути, или же усовершенствовать свои приемы обученія на основаніи получаемыхъ указаній.

На сколько намъ извѣстно, лица, призванныя для такого контроля, но помнящія, что и они когда-то принадлежали къ учительскому званію, выказываютъ вѣрный тактъ и хорошій тонъ при исполненіи своихъ обязанностей; они, при своихъ сужденіяхъ, всегда соединяютъ справедливость съ гуманностью, и, при своемъ контролѣ, не довольствуются констатированіемъ существующаго, но обсужденіемъ новыхъ точекъ зрѣнія возбуждаютъ учительскій составъ къ новымъ идеямъ.

И хорошо, что это такъ. Если бы, напротивъ, этотъ контроль производился способомъ, ведущимъ къ униженію въ глазахъ учениковъ авторитета учителя, или если бы необходимыя наставленія кутались въ плащъ непогрѣшимости и вмѣсто убѣдительныхъ аргументовъ выказывалось давленіе высшаго положенія, въ такихъ случаяхъ, мы не удивлялись бы, если бы учитель, во избѣжаніе всякихъ столкновеній съ начальствомъ, сталъ искать спасенія въ томъ, чтобы удовлетворять предписаніямъ болѣе по буквѣ, чѣмъ по духу, и въ слѣдствіе этого, перенося безсознательно производимое на него давленіе на своихъ учениковъ, сдѣлался виновникомъ ихъ обремененія.

При обсужденіи вопроса объ обремененіи, нѣкоторыми лицами, непрічастными къ учебному дѣлу, высказывалось основательное мнѣніе, что минимальный предѣлъ возраста, при которомъ ученикъ можетъ еще быть принятъ въ среднее учебное заведеніе, долженъ быть поднятъ выше.

Въ случаѣ такого установленія, число мальчиковъ, нравственно и физически зрѣлыхъ, безъ сомнѣнія, оказалось бы больше, чѣмъ теперь,

ибо нынѣ часто приходится видѣть, какъ рано утромъ направляются въ школу мальчуганы, слабые тѣломъ и, какъ это потомъ обнаруживается, слабые и умомъ, такъ что мы, при видѣ такого тщедушнаго студентика, невольно ищемъ игрушки, которую можно было бы дать этому человѣчку, взамѣнъ имѣющейся при немъ объемистой связки книгъ, и недостаточно можемъ надивиться родителямъ, не опасаящимся дѣлать изъ школы нѣкоторымъ образомъ дѣтскій пріютъ.

Часто высказывается еще одно странное мнѣніе, будто строгость учителя причина обремененія.

Въ отвѣтъ на это, мы спрашиваемъ: какой учитель больше желаетъ добра? Такъ называемый «строгій» или такъ называемый «добрый»? Первый, при всемъ серьезномъ и строгомъ обхожденіи, относится къ ученику тепло и сердечно, и, при всей гуманности, строгою дисциплиною приучаетъ юношу къ порядку и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей; держась предѣловъ существующихъ предписаній, въ преподаваніи выдѣляетъ существенное, но преподаетъ это существенное столь основательно, что за нимъ можетъ слѣдовать и менѣе одаренный, а при передачѣ ученикамъ учебнаго матеріала требуетъ немногого, но требуетъ, чтобы ученикъ зналъ это основательно, и для прилежнаго, хотя бы и мало одареннаго ученика, имѣетъ ободряющее слово, а способному, но легкомысленному даетъ чувствовать свою строгость, но, при всей такой строгости въ теченіе учебнаго года, въ концѣ года у него оказывается наиболѣе снисходительныхъ отмѣтокъ. Такъ называемый «добрый учитель» постоянно имѣетъ сладкую улыбку для своихъ учениковъ, но внутри остается холоднымъ, все предоставляет на произволъ судьбы, на своемъ урокѣ не видитъ или не желаетъ видѣть бездѣлья и шалости, не имѣетъ строгаго слова для неудовлетворительныхъ успѣховъ, такъ какъ успѣхи для него совершенно безразличны, спокойно допускаетъ иного талантливаго, но легкомысленнаго мальчика опускаться все больше и больше, тогда какъ его можно было бы спасти во время строгимъ продостереженіемъ, а подъ конецъ учебнаго года спокойно ставить удовлетворительныя и неудовлетворительныя отмѣтки, заслуживаютъ ученики или не заслуживаютъ, и этимъ накладываетъ на школу печать шутовства.

Мы полагаемъ, что учитель, слывущій строгимъ, въ полномъ смыслѣ слова есть другъ своихъ учениковъ. Отсюда и происходитъ, что ученики, въ послѣдствіи, сохраняютъ благодарную память къ своему

строгому, но справедливому и усердному учителю, и, напротивъ, съ извѣстною сожалѣющею улыбкою вспоминаютъ о своемъ «добромъ» учителѣ.

Если бы лица, жалующіяся на строгость учителей, ставъ на ихъ мѣсто, приняли на себя полную отвѣтственность за успѣхи, они вскорѣ убѣдились бы, что учитель не можетъ довольствоваться задаваніемъ числа страницъ выучиваемаго наизусть учебнаго матеріала и переспросомъ его на слѣдующемъ урокѣ, но что онъ неустанно долженъ заставлять умственно работать классъ въ 40, 50 и болѣе учениковъ.

Впрочемъ, жалобы на строгость учителей не столько обусловливаются тѣмъ, что послѣдніе требуютъ слишкомъ многого, сколько тѣмъ, что учитель не терпитъ бездѣлья, шаловливости или сонливости во время урока, что ученики должны слѣдовать за учителемъ съ полнымъ вниманіемъ, и что послѣднее неустанно контролируется учителемъ. Это-то именно юношеству въ началѣ весьма неудобно; но разъ оно приучено къ извѣстной умственной бодрости и попало въ надлежащую колею, то, при перемѣнѣ учебнаго дѣятеля, оно тотчасъ чувствуетъ потерю учителя, казавшагося ему въ началѣ столь строгимъ.

Мы страдаемъ не столько обремененіемъ или плохими методами преподаванія, сколько склонностью къ вялости и недостаткомъ энергіи. Какъ часто мы видимъ, что люди имѣютъ всевозможныя извиненія на лѣность и порочность своихъ дѣтей! «Играя, только играя» слышимъ мы часто «слѣдуетъ сообщать мальчику познанія», — точно и послѣдующая жизнь ничто иное, какъ большая игра! «Только не слишкомъ напрягать умственныя способности!» желаютъ нѣкоторые родители, знающіе, что ихъ дѣти вполне обеспечены хорошо помѣщенными капиталами, и, изъ слѣпой любви или по незнанію, что именно дѣлаетъ наше земное существованіе достойнымъ, желающіе, сколь возможно, охранять своихъ дѣтей отъ умственной работы и разсматривающіе школу, какъ неизбежное зло, а учителя, какъ еще болѣе неприятный придатокъ. Съ другой стороны — фактъ, что изъ устъ небогатыхъ людей, заработокъ которыхъ только-что хватаетъ на покрытіе необходимѣйшихъ потребностей, и которые, поэтому, сами ведутъ трудную борьбу за существованіе, изъ такихъ устъ рѣдко слышатся жалобы на обремененіе. Эти родители хорошо знаютъ, насколько ихъ дѣтямъ необходимо снабдить себя уже съ малолѣтства необходимыми средствами, чтобы успѣшно выдерживать конкуренцію послѣдующей жизни.

Воспоминанія педагога.

1844—1887.

Послѣ многихъ лѣтъ моей педагогической дѣятельности, я рѣшаюсь писать мои воспоминанія, собрать въ моей памяти различныя факты по отношенію къ воспитанію и обученію. Мнѣ хочется рассказать, какъ меня воспитывали, какъ меня учили; какое получилъ я общее образованіе; что могло способствовать къ образованію у меня характера, были ли такія обстоятельства; какъ я готовился быть педагогомъ; какъ я началъ мою педагогическую дѣятельность, какъ ее продолжалъ. Желая возбудить хотя нѣкоторый интересъ къ моимъ воспоминаніямъ, принести ими нѣкоторую посильную пользу, хотя въ смыслѣ избѣжанія какихъ нибудь педагогическихъ ошибокъ, постараюсь избѣгать личнаго, буду говорить въ общемъ смыслѣ, приводя факты.

Я — сынъ учителя, который самъ получилъ образованіе въ бывшемъ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, человѣка, по мнѣнію знавшихъ его, умнаго, развитаго, образованнаго, твердыхъ и честныхъ правилъ. Когда мнѣ было лѣтъ пять или шесть, отецъ самъ началъ меня учить вмѣстѣ съ моимъ братомъ, который былъ моложе меня на десять мѣсяцевъ, чтенію и письму и нумераціи. Учили ли меня молитвамъ, какъ учили, дѣлались ли при этомъ объясненія изъ священной исторіи, не помню. Не помню также, учили-ли меня толковому чтенію, разъясняли ли мнѣ отдѣльные слова и предметы. Помню только, что у меня съ братомъ рано были въ рукахъ дѣтскія книжки съ плохими картинками, заключавшія въ себѣ небольшія повѣсти и рассказы. Рано начали насъ учить по французски по тетрадкѣ, составленной самимъ отцомъ. Это была азбука съ слогами, съ показаніемъ произношенія слоговъ, съ словами для чтенія. Мы начали съ братомъ учиться охотно, твердо учили свои уроки, терпѣливо

высиживали положенные намъ для ученя часы. Отець держалъ насъ и училъ насъ строго. Въ домѣ во всемъ была полная дисциплина и порядокъ. Мы любили отца, но очень боялись его. Мать моя мало вмѣшивалась въ наше ученье и воспитаніе. Мнѣ, впечатлительному ребенку, помнится, хотѣлось бы подѣ часъ отъ родителей ласки, теплаго слова; но ихъ-то я и не помню. Рано по крайней мѣрѣ я сталъ замѣчать холодность къ намъ матери. Была ли то ея вообще холодность къ дѣтямъ, мало ли любила она меня, но я рано началъ чувствовать и понимать это. Эти первыя воспоминанія о моемъ ученіи и воспитаніи относятся къ тому времени, когда мы жили въ Нижегородскомъ имѣніи, Семеновскаго уѣзда, въ мѣстности глухой, однообразной небогатой видами природы, песчаной, лѣсной. Зимой насъ совсѣмъ заносило снѣгомъ. Знакомствъ, сосѣдей, у насъ въ деревнѣ не было никого. Отець часто уѣзжалъ на нѣсколько дней на охоту за зайцами. Мы оставались съ матерью, въ большомъ семействѣ, одни. Ни подлѣ меня, ни кругомъ меня, не было ничего, что могло бы положить слѣдъ, оставить впечатлѣніе.

Когда мнѣ было лѣтъ семь, мы переѣхали на жительство въ Москву. Отець мой получилъ мѣсто учителя и надзирателя въ одномъ средне-учебномъ заведеніи Москвы. Тогда увеличился объемъ и кругъ нашихъ занятій. Помнится, мы начали учиться священной исторіи по какой-то краткой, мало понятной для насъ книжкѣ. Дали намъ въ руки какую-то русскую хрестоматію, если не ошибаюсь, Половцова, гдѣ, вмѣстѣ съ прозаическими разказами, были помѣщены небольшія стихотворенія. Помню, какъ я отсюда твердо, наизусть, выучилъ: «Хоть весною и тепленько, а зимою холодненько, но и въ стужѣ мнѣ не хуже, въ зимній холодъ всякій молодежь. . . .»

Не помню, чтобы въ то время занимали насъ толковымъ чтеніемъ, чтобы пріучали насъ правильно выражать свои мысли, составлять хотя краткія предложенія; едва ли наши практическія занятія по русскому языку не заключались въ часто однако дѣлаемомъ диктантѣ. Начали насъ учить и географіи по учебнику Гейма; начали мы съ общаго обозрѣнія Европы. Руководство было кратко и сухо; географическая карта не ясна, слѣпа. Тѣмъ не менѣе, я началъ учиться географіи съ большою охотою. Помню, съ какимъ удовольствіемъ разсматривалъ я географическія карты, нарисованныя учениками одного изъ сослуживцевъ моего отца, когда этотъ учитель заходилъ къ намъ послѣ уроковъ, имѣя въ рукахъ карты учениковъ. Помню, съ какою

любовью, съ какимъ интересомъ разсматривалъ я какой-то альбомъ, изображавшій платье и костюмы швейцарцевъ. Я уже кой-что слышалъ о роскошной природѣ Швейцаріи. Все мнѣ тамъ, подъ свѣтлымъ небомъ, казалось ярко, свѣтло. Въ моемъ воображеніи Швейцарія представлялась страной, гдѣ всѣмъ весело, празднично, гдѣ нѣтъ никогда горя. . . . И мнѣ страшно хотѣлось скорѣе поѣхать туда. . . . Эти желанія, эти стремленія не оставляли меня всю жизнь. . . .

Послѣ смерти моего отца, когда мнѣ минуло 10 лѣтъ, начались для меня болѣе правильныя, систематическія занятія. Меня вмѣстѣ съ братомъ стали готовить въ гимназію. Уроки закона Божія взялъ на себя бесплатно давать намъ священникъ нашей приходской церкви, св. Георгія въ Грузинахъ, Николай Андреевичъ Рудневъ, авторъ извѣстнаго и почтеннаго въ свое время труда «О ересьяхъ и расколахъ». Какъ теперь помню это умное, симпатичное лицо; эти глубокія, полныя думы, глаза. Какъ теперь слышу его тихую, спокойную, разстановочную рѣчь. Любили мы его уроки, и охотно учились у него. Я радовался, когда встрѣчалъ своего любимаго законоучителя на вечерней прогулкѣ. Онъ бралъ меня съ собою гулять, и мы, обыкновенно, гуляли въ нашихъ Грузинахъ до землянаго вала, который шелъ отъ Прѣсенской заставы.

Для приготовленія насъ по всѣмъ остальнымъ предметамъ, мы имѣли сначала студента университета, а потомъ бывшей еще въ то время въ Москвѣ медико-хирургической академіи. Это были люди не первой молодости, серьезные, съ характеромъ, толково занимавшіеся съ нами и строго требовавшіе отъ насъ твердаго приготовленія уроковъ. Въ послѣдствіи, для занятія русскимъ языкомъ, къ намъ приглашенъ былъ отдѣльный преподаватель, юный студентъ — юристъ Похвисневъ. Онъ также добросовѣстно съ нами занимался; хорошо объяснялъ этимологию, диктовалъ намъ, давалъ учить наизусть стихотворенія. Онъ первый заронилъ мнѣ чувство нѣкотораго пониманія поэзіи, самъ прекрасно читая намъ нѣкоторыя поэтическія произведенія. Насъ, обоихъ съ братомъ, хорошо приготовили къ поступленію въ третій классъ гимназіи.

Матушка рѣшила отдать насъ въ первую Московскую гимназію (тогда въ Москвѣ было 3 гимназіи и дворянскій институтъ). Почему остановился выборъ на 1-й гимназіи, не знаю. Потому ли, что она была ближайшая къ намъ (мы жили, послѣ смерти отца, въ Грузинахъ, на Прѣснѣ), или потому, что насъ отдавалъ въ гимназію самъ бывший воспитанникъ 1-й гимназіи, знакомый съ инспекторомъ гимназіи.

Прежде нежели послать насъ на вступительный экзамень, рѣшено было представить насъ, еще во время вакаціи, нашему будущему начальнику, инспектору гимназіи. Насъ повезли на Дѣвичье Поле, гдѣ на лѣто нанималось помѣщеніе для воспитанниковъ 1-й гимназіи, пансіонеровъ, не уѣхавшихъ къ родителямъ на каникулы.

Въ назначенный день мы явились съ братомъ на вступительный экзамень. По всей большой, актовой залѣ, въ разныхъ направленіяхъ, были разставлены небольшіе столы, за которыми сидѣли учителя, производившіе экзамень. Желающіе экзаменоваться сами подходили то къ тому, то къ другому столу. Мы оба стали экзаменоваться для поступленія въ третій классъ. Всѣ экзамены для меня прошли благополучно, изъ всего я выдержалъ, за исключеніемъ одного латинскаго языка у преподавателя Лебедева. Не смотря на мои усиленные просьбы, онъ никакъ не согласился поставить мнѣ отмѣтку для поступленія въ третій классъ. И я поступилъ во второй классъ. Мнѣ было тогда 13 лѣтъ. Это было въ 1844 году. Между тѣмъ братъ мой, который былъ меня моложе, съ которымъ мы одинаково вмѣстѣ готовились, который зналъ то же, что и я, счастливо прошелъ всѣ экзамены и поступилъ въ третій классъ.

Насъ отдали на житье въ гимназію, въ такъ называемый пансіонъ разночинцевъ. При гимназіи былъ еще пансіонъ благородныхъ. Второй отличался отъ перваго тѣмъ, что въ немъ за большую плату немного лучше кормили. За насъ, разночинцевъ, за каждаго, въ годъ платили около 150 р. с. Благородные помѣщались отдѣльно отъ разночинцевъ. На урокахъ мы сидѣли вмѣстѣ. Привезли насъ въ гимназію, надѣли на насъ сѣрыя нанковыя брюки, черныя куртки съ мѣдными пуговицами и съ краснымъ стоячимъ воротникомъ, и началась для насъ новая, шеольная жизнь въ закрытомъ заведеніи. Скучна, тяжела мнѣ показалась на первый разъ эта жизнь. Точно задавили меня, задушили стѣны казеннаго заведенія. Ни одного привѣтливаго, ласковаго слова, хотя бы на первый разъ, отъ кого нибудь изъ воспитателей.

Живо припоминаю впечатлѣніе отъ первой встрѣчи съ надзирателемъ Тарелкинымъ, къ которому я поступилъ въ классъ. Его длинная, худая фигура показалась мнѣ чѣмъ то сухимъ, безжизненнымъ. Мнѣ тогда же казалось, что это машина, а не человѣкъ. Трудненька мнѣ была первая недѣля моего пребыванія въ пансіонѣ. Какъ птичка изъ клѣтки на волю, вырвался я изъ гимназіи, когда въ субботу

за нами прислали лошадей: отъ радости бросился кучеру на шею. Мало по малу, привыкъ я къ моей новой жизни, только всегда съ нетерпѣніемъ ждалъ дня отъпуска домой.

Вставали мы, и лѣтомъ и зимою, въ 6 часовъ утра. Умывшись и одѣвшись, мы тотчасъ уходили въ свои классы, гдѣ готовили уроки. Въ 8½ часовъ мы шли попарно въ столовую, гдѣ послѣ общей, хоровой молитвы, намъ давали утренній завтракъ, состоявшій изъ стакана сырого молока лѣтомъ и кипяченаго молока или сбитня зимою и куска чернаго хлѣба. Желаящіе и имѣющіе деньги покупали бѣлый хлѣбъ къ завтраку на свои деньги. Благороднымъ давали по стакану чаю съ молокомъ и по четверкѣ бѣлаго хлѣба (такъ называли мы четверть небольшого круглаго хлѣба). Послѣ завтрака, мы шли опять попарно въ классы на уроки. Уроки начинались въ 9 часовъ и продолжались до 12. Въ это время было 2 урока; слѣдовательно, урокъ продолжался полтора часа, съ промежуткомъ, впрочемъ, въ четверть часа. Въ 12 часовъ мы обѣдали. Обѣдъ былъ довольно сытный, состоялъ изъ трехъ блюдъ, но не всегда доброкачественный. На третье блюдо намъ обыкновенно подавали гречневую кашу. Часто масло слишкомъ отзывалось саломъ. Послѣ обѣда, — весною, лѣтомъ и осенью, — мы играли въ саду передъ домомъ гимназіи, гдѣ нынѣ скверъ и проѣздъ къ 1-й гимназіи. Съ 2-хъ часовъ до 5-ти было опять 2 урока. Въ 5 часовъ намъ разносили по куску чернаго хлѣба. Въ 6 часовъ начинались такъ называемыя репетиціи, мы садились готовить уроки. Въ 8 часовъ оканчивались репетиціи: и насъ вели въ столовую ужинать. Послѣ ужина, до 9 часовъ, мы ходили по рекреационной залѣ, болтали между собою, а нѣкоторые изъ насъ, болѣе прилежные и любознательные, становились гдѣнибудь у стѣны подлѣ лампы и продолжали готовиться къ урокамъ или читать какуюнибудь книгу. Въ 9 часовъ мы ложились спать.

Все ученики-пансіонеры дѣлились на 3 группы: младшую — ученики 1-го и 2-го классовъ, среднюю — 3-го и 4-го, и старшую — 5-го, 6-го и 7-го. Въ свободное отъ классовъ и отъ репетицій время находились вмѣстѣ младшая и средняя группа, и отдѣльно отъ нихъ старшая группа. Каждая изъ группъ имѣла двоихъ воспитателей, которые у насъ назывались надзирателями. Дежурные надзиратели, по одному при каждой группѣ, смѣнялись черезъ день. Кромѣ того, у насъ было 2 старшихъ надзирателя для надзора за общимъ поряд-

комъ въ заведеніи; они также смѣнялись черезъ день. Вотъ имена моихъ надзирателей, этихъ скромныхъ и невидныхъ тружениковъ, которые несли всю тяжелую и отвѣтственную обязанность нашего воспитанія: Тарелкинъ, а послѣ него Энгель и Рожновъ, Михельсонъ и Гетцеръ, Севенаръ и Томсонъ. Старшіе надзиратели — Сиверсъ и Суворовъ. Надзиратели смотрѣли за нами, чтобы мы на репетиціяхъ сидѣли смирно, другъ съ другомъ не разговаривали, готовили уроки; между уроками, во время рекреаціи, не слишкомъ шумѣли, не много и не шибко бѣгали, не дрались между собою. Много съ нами надзиратели не разговаривали, особенныхъ внушеній намъ не дѣлали. Поставятъ въ уголъ, на колѣни, не позволяютъ играть во время рекреаціи лѣтомъ въ саду, объявятъ лишеніе отпуска въ праздникъ; пожалуются старшему надзирателю, а въ крайнемъ случаѣ самому инспектору. За выдающуюся шалость, за грубость, а также за упорную лѣность назначалась розга, конечно, преимущественно для младшихъ классовъ. Отношенія къ намъ надзирателей, да даже и самого инспектора, были чисто формальныя. Надзиратели строго смотрѣли за дисциплиною, но они были сухи, безсердечны. Сколько я помню и понимаю теперь, въ этихъ отношеніяхъ не было ничего педагогическаго; не было теплоты душевной, согрѣвающей отношенія воспитателя къ воспитаннику, дѣлающей изъ воспитателя втораго отца для воспитанника.

Большею нашею симпатіею, любовью и уваженіемъ, сравнительно съ другими надзирателями, пользовался надзиратель въ старшихъ классахъ, — онъ же былъ преподавателемъ нѣмецкаго языка въ первыхъ двухъ классахъ, — Карлъ Мартыновичъ Томсонъ. Болѣе другихъ надзирателей образованный, умный, добрый, всегда спокойный, ровный, ласковый, привѣтливый съ нами, онъ намъ казался какимъ-то аристократомъ, баринотъ, между всеми надзирателями; мы его не считали способнымъ къ какому нибудь доносу на ученика. И мы все его дѣйствительно любили и уважали. Съ большою благодарностью вспоминаю я о надзирателѣ средней группы, Карлѣ Сергѣевичѣ Гетцерѣ. Въ высшей степени строгій прежде всего къ самому себѣ, крайне исполнительный, онъ былъ самымъ ревностнымъ блюстителемъ дисциплины между нами. Съ звонкомъ, возвѣщавшимъ, что надо садиться на мѣста ученикамъ передъ приходомъ учителя въ классъ, съ началомъ репетицій, въ дежурство Гетцера водворялась полная тишина. Мы очень боялись Гетцера за его строгость, но считали

справедливымъ. О старшихъ надзирателяхъ, Сиверсѣ и Суворовѣ, сказать особенно ничего не приходится.

Сиверсѣ отличался необыкновенною аккуратностью и крайнимъ формализмомъ, которые, впрочемъ, особенно проявлялись въ составленіи, веденіи и храненіи списковъ учениковъ съ отмѣтками по успѣхамъ и поведенію. Вліянія на насъ Сиверса, какъ воспитателя, не было никакого. Передъ началомъ уроковъ, Сиверсѣ стоялъ у конторки, гдѣ хранились списки учениковъ, и раздавалъ списки учителямъ. Когда мы приходили въ столовую, Сиверсѣ, въ день своего дежурства, аккуратно являлся въ столовой и ходилъ взадъ и впередъ между нашими столами. Но значеніе Сиверса увеличивалось тѣмъ, что онъ въ то же время былъ преподавателемъ нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ. Суворовъ былъ личностью совершенно безцвѣтною. Какъ теперь вижу передъ собою этого маленькаго, тоненькаго человѣка съ качающеюся отъ болѣзни головою, который также неизмѣнно, въ день своего дежурства, являлся передъ нами въ столовой. Что такое онъ былъ, что представлялъ собою, не знаю; только въ нашихъ глазахъ онъ являлся человѣкомъ совершенно необразованнымъ. Понятно, что и онъ не могъ имѣть на насъ никакого воспитательнаго вліянія. Вся гимназія держалась инспекторомъ Павломъ Михайловичемъ Поповымъ, бывшимъ учителемъ словесности (въ послѣдствіи онъ былъ директоромъ Моск. коммерч. училища.) Я не знаю его отношеній къ директору, — можетъ быть, многія распоряженія инспектора зависѣли отъ директора, — но для насъ инспекторъ Поповъ въ гимназіи былъ все; мы чувствовали, что все отъ него исходило, что онъ былъ душою воспитательнаго и учебнаго дѣла. Онъ былъ безотлучно въ гимназіи, часто приходилъ на уроки преподавателей, оставаясь, впрочемъ, въ классѣ не подолгу; почти постоянно бывалъ во время приготовленія учениками уроковъ, былъ съ нами въ столовой, приходилъ къ намъ въ спальни. Словомъ, цѣлый день онъ былъ съ нами, а если въ какое время дня его не было, мы ждали появленія его среди насъ каждую минуту: такъ привыкли мы видѣть его съ нами. Высокаго роста, полный, крайне серьезный, но многихъ изъ насъ онъ наводилъ страхъ: это была наша гроза. Многіе, и по окончаніи курса, составили себѣ понятіе о П. М. Поповѣ, какъ о человѣкѣ жестокомъ. Врядъ ли это справедливо.

Я полагаю, что при подобномъ сужденіи о личности П. М. Попова смѣшиваются понятія о личномъ его характерѣ съ господствовавшю

въ то время у насъ суровою системою воспитанія (тѣлесныя наказанія). Мнѣ думается, однако, что П. М. Поповъ былъ больше опытнымъ руководителемъ учебнаго дѣла, нежели отличнымъ воспитателемъ. Я ставлю въ заслугу П. М. Попову хорошій подборъ, въ большинствѣ случаевъ, умныхъ, даровитыхъ, знающихъ дѣло преподавателей.

Инспекторъ дѣлалъ намъ чрезъ каждые два мѣсяца пересадку, т. е., читалъ намъ списокъ учениковъ на основаніи отмѣтокъ по успѣхамъ; объявлялъ имена учениковъ, записанныхъ за отличные успѣхи на золотую доску, присутствовалъ почти на всѣхъ безъ исключенія экзаменахъ.

Директоромъ гимназіи, — онъ же директоръ училищъ, — въ мое время, былъ Матвѣй Алексѣевичъ Окуловъ, штатскій генералъ, что въ то время на директорскомъ мѣстѣ было большою рѣдкостью, камергеръ, лично извѣстный Великому Князю Михаилу Павловичу, извѣстный всей аристократической Москвѣ; слѣдовательно, человѣкъ вліятельный, особа. Говорили у насъ, что директоръ Окуловъ находится въ контрактъ съ попечителемъ учебнаго округа гр. С. Г. Строгановымъ, и мы никогда ихъ вмѣстѣ въ гимназіи не видали. Но для насъ директоръ Окуловъ не имѣлъ ровно никакого значенія. Можетъ быть, разъ въ мѣсяць и, самое большое, одинъ разъ въ недѣлю обходилъ онъ классы. Войдетъ, бывало, въ классъ высокій, плотный мущина, съ коротко, подъ гребенку, остриженными волосами (это былъ директоръ), въ какомъ нибудь пиджакѣ, въ красивомъ, цвѣтномъ жилетѣ, постоитъ нѣсколько минутъ въ классѣ и идетъ въ слѣдующій классъ, въ слѣдующій классъ и т. д.; тѣмъ и кончались, повидимому, по крайней мѣрѣ для насъ, отношенія къ намъ нашего директора.

Иногда, впрочемъ весьма рѣдко, директоръ приходилъ на какой нибудь экзаменъ, большею частью на французскій языкъ. Тогда, обыкновенно, клали передъ директоромъ листъ бумаги и карандашъ, и М. А. все время экзамена чертилъ и рисовалъ. Приходилъ, конечно, директоръ на экзаменъ, когда насъ посѣщаль какой нибудь почетный гость, такъ, напр., когда пріѣзжалъ на экзаменъ митрополитъ Филаретъ. Директоръ Окуловъ не зналъ никого изъ учениковъ, даже по фамиліи, и при окончаніи нами курса. Впрочемъ, Матвѣй Алексѣевичъ Окуловъ, какъ я не разъ въ жизни слыхалъ, былъ хорошій и добрый человѣкъ.

Нашу гимназію часто посѣщаль графъ С. Г. Строгановъ; посѣщаль ее во время уроковъ, въ рекреаціонное время, иногда поздно вечеромъ. Мы не умѣли давать графу С. Г. того значенія, какое въ послѣдствіи онъ получилъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, но и намъ, мальчикамъ и юношамъ, личность графа была всегда въ высшей степени симпатична: онъ всегда являлся передъ нами добрымъ, привѣтливымъ, обходительнымъ. Слышно было, что инспекторъ Поповъ пользовался его расположеніемъ.

Гимназія въ мое время была расположена въ двухъ корпусахъ: въ главномъ корпусѣ, противъ храма Христа Спасителя, помѣщались пансіонеры и происходило ученье въ I и II классахъ пансіонеровъ; въ корпусѣ, который выходитъ на Пречистенскій бульваръ (гдѣ нынѣ помѣщается квартира попечителя и его канцелярія) находились III, IV и V классы пансіонеровъ, I, II, III, IV и V классы приходящихъ учениковъ (они назывались у насъ своекоштными) и VI и VII классы смѣшанные, общіе, т. е., пансіонеры и своекоштные вмѣстѣ.

Во II, III, IV классѣ и въ первое полугодіе V класса я былъ пансіонеромъ; во второе полугодіе V класса, въ VI и VII классахъ своекоштнымъ. Вспомню здѣсь нашего добраго надзирателя за приходящими учениками, Янау, который вѣчно насъ допекалъ требованіемъ записокъ (ученикъ, не бывшій въ классѣ, долженъ былъ на другой день представить записку о причинѣ своего отсутствія въ классѣ). У пансіонеровъ были одни преподаватели, у своекоштныхъ — другіе. Перехожу къ воспоминаніямъ о томъ, какъ насъ учили.

***

(Продолженіе будетъ).

Русскіе педагоги.

I. Памфилъ Даниловичъ Юревичъ, профессоръ философіи.

A. Біографическія свѣдѣнія.

Профессоръ философіи, Памфилъ Даниловичъ Юревичъ, сынъ приходскаго священника м. Лицляваго, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, родился 16 Февр. 1826 г.

Первоначальное обученіе грамотѣ и письму и предметамъ программы духовныхъ уѣздныхъ училищъ получилъ въ домѣ отца — воспитанника Переяславской (Полтавской) семинаріи 20-хъ годовъ. Въ домѣ отца была школа, въ которой дѣти болѣе зажиточныхъ прихожанъ обучались церковно-славянскои грамотѣ; курсъ школы состоялъ въ изученіи «граматки» (родъ букваря съ молитвами), часослова и псалтыри. Обыкновенно, эти три книжки разучивались такъ, чтобы ученикъ могъ читать безошибочно и бѣгло. Этому требовали потребности семьи и церкви. Завѣдывали такою школою и обученіемъ или грамотная женщина, или причетникъ. Дѣтей, имѣвшихъ поступить въ духовныя уѣздныя училища, обучали сверхъ того и тѣмъ предметамъ, которые проходились въ училищахъ, какъ то: св. исторіи, латинскому, греческому и русскому языкамъ, ариѳметикѣ и географіи. Обученіемъ этимъ предметамъ завѣдывалъ самъ отецъ, особенно въ зимнее время, но иногда, на лѣто, приглашался и учитель изъ учениковъ семинаріи. Древніе языки, впрочемъ, преподавалъ исключительно отецъ. Подъ руководствомъ же отца происходило и обученіе нотному церковному пѣнію, въ долгіе зимніе вечера.

Получивъ такого рода домашнее обученіе, П. Д. отданъ былъ въ Переяславское духовное уѣздное училище, а по окончаніи училища въ 1841 году, поступилъ въ семинарію, тамъ же, въ Переяславѣ. И въ домѣ, и въ училищѣ, и въ семинаріи, П. Д. отличался и любозна-

тельностью, и прилежаніемъ, и способностями къ учению. Книжное занятіе было у него, въ буквальный смыслъ, страстью; такимъ оставалось оно и всю жизнь, до смерти.

Мѣстечко Липлявое, гдѣ былъ священникомъ отецъ, было въ то время бѣднымъ земледѣльческимъ селомъ. Не только ярмарокъ или базаровъ, даже лавчонки не было; народонаселеніе казачье жило исключительно земледѣліемъ. Потому и священникъ, получая изъ прихода скудные доходы, долженъ былъ также, для поддержанія семьи, заниматься хлѣбопашествомъ; и дѣтей приучалъ къ этому. Съ этою цѣлью дѣтямъ, въ полѣ, въ лѣтнее время, поручались разнаго рода полевыя занятія, напр., стребать сѣно, носить снопы, смотрѣть за скотомъ, чтобы не портилъ посѣвовъ или копень и т. п. Въ то время такія занятія священническихъ дѣтей въ лѣтнюю пору были обычнымъ явленіемъ. Въ 30—40 годахъ носились еще между семинаристами преданія про тѣхъ спартанцевъ семинаристовъ, которые изъ села, на собственныхъ плечхъ, приносили для себя провизію въ городъ. И не рѣдко начальство училища, отпуская дѣтей на каникулы, въ напутственной рѣчи говорило такія слова: «Поѣзжайте, отдыхайте отъ книгъ и помогайте родителямъ въ хозяйственныхъ занятіяхъ.» Но такого рода освѣжающія занятія были не по душѣ юношѣ П. Д-чу. Куда бы онъ ни отправлялся — въ поле, въ лѣсъ, на луга, онъ не разставался съ книгою и, забравшись въ уютное мѣсто, предавался чтенію. Отецъ, самъ любившій почитать въ свободное время, не мѣшалъ ему предаваться своему любимому занятію.

Въ училищѣ и въ семинаріи любимыми предметами занятій П. Д. были латинскій языкъ и математика. Раннее знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ дѣлало греческій языкъ, сравнительно съ латинскимъ, предметомъ легкимъ. Но латинскій языкъ, по бѣдности средствъ къ изученію, былъ въ то время, труднѣйшимъ предметомъ. Въ послѣдствіи, будучи уже профессоромъ въ Москвѣ, П. Д. такъ отзывался о вліяніи латинскаго языка на него лично: «Я помню, какъ я вдохновлялся Корнелиемъ; и это происходило отъ трехъ причинъ: а) отъ того, что съ каждой новой страницей входило въ голову новое и интересное содержаніе; б) это содержаніе представлялось въ живой связи съ прошедшимъ и ожидаемымъ; в) этимъ содержаніемъ наполнялась голова не случайно: она овладѣвала имъ съ помощью общихъ правилъ грамматики,

а такая встрѣча общаго съ частнымъ доставляетъ намъ во всякой наукѣ особенное наслажденіе». (Изъ письма отъ 1864 г.). Въ силу такого возрѣнія на вліяніе латинскаго языка, П. Д. не могъ понять стремленія нѣкоторыхъ педагоговъ вводить въ употребленіе обширные учебники и по нимъ учить. По его мнѣнію «цѣль грамматики — привести въ ясное сознаніе воспитанника одно общее, логическое, законообразное въ языкѣ; исключенія находятъ себѣ объясненіе въ лексиконѣ и филологіи» (тамъ же).

По окончаніи семинаріи въ 1847 г., П. Д. поступилъ въ Кіевскую духовную академію. Въ это время случилось происшествіе, могшее повліять радикально на жизнь юноши. Уже въ 7 классѣ семинаріи П. Д. составилъ себѣ планъ поступить въ медико-хирургическую академію. Отецъ не соглашался, и настоятельно требовалъ поступленія въ Кіевскую д. академію. Разногласіе приняло широкіе размѣры: не уступалъ отецъ, не уступалъ и сынъ. Тогда отецъ объявляетъ: «лучше жениться и стать священникомъ, нежели поступать въ медико-хирургическую академію.» Сынъ, повидимому, сдается на такое предложеніе, и съ цѣлью жениться отправляется съ отцомъ въ дорогу. На пути заѣхали къ знакомымъ. П. Д., не имѣя силы оставаться среди веселыхъ гостей, подъ давленіемъ сознанія разбитыхъ желаній, вышелъ походить въ лѣсъ, и, по дорогѣ, заслушался извѣстной пѣсни, предостерегающей молодца отъ женитьбы («Хлопче молодче съ карыми очима, нащо тобі жінка камень за плечима»). Пѣсня, давно ему извѣстная, при такомъ напряженномъ состояніи духа, произвела такое сильное впечатлѣніе, что онъ не медля повернулъ назадъ въ домъ и покорно заявилъ отцу, что ѣдетъ въ духовную академію.

Объ этомъ происшествіи въ послѣдствіи П. Д. часто любилъ вспоминать, и не находилъ словъ для выраженія благодарности отцу, уже покойнику, за оказанное упорство и сопротивленіе намѣренію сына. Въ семействѣ долго сохранялась переписка. Сынъ, напримѣръ, писалъ: «если я стану докторомъ, я горы подвину», а отецъ отвѣчалъ: «вѣрю, одною только вѣрюю можно горы двигать.» Въ послѣдствіи выяснилось, что, настаивая на поступленіи въ духовную академію, отецъ питалъ въ тайнѣ надежду видѣть въ сынѣ архіерея.

Поступивши въ 1847 г. въ Кіевскую духовную академію, П. Д. оказался, какъ заявляютъ современники, «однимъ изъ даровитѣйшихъ

воспитанниковъ ея XV курса 1847—1851 г.» (см. Кіевлянинъ 1882 г. № 20). Оказывая отличные успѣхи по предметамъ богословскимъ, онъ особенно полюбилъ философію, и, по окончаніи академіи, по особому распоряженію мѣстнаго начальства (какъ значится въ формулярномъ списокѣ), введенъ въ предназначенную ему академическою конференціею должность наставника по классу философскихъ наукъ (1851 г. окт. 12 дня.)

Въ 1860 году появился его философскій этюдъ: «Изъ науки о человѣческомъ духѣ», направленный противъ ученія матеріализма. Этюдъ этотъ обратилъ на автора вниманіе ученыхъ людей. Вскорѣ послѣ этого, послѣдовало приглашеніе отъ Московскаго университета занять каѳедру философіи. При переходѣ встрѣтилось такого рода препятствіе. П. Д. Юркевичъ былъ въ академіи ординарнымъ профессоромъ, хотя имѣлъ только степень магистра, а для полученія званія ординарнаго въ университетѣ требовалась степень доктора. Но препятствіе это, въ силу признанія за нимъ учености, было устранено. Изъявивъ согласіе на такое предложеніе, онъ, черезъ десять лѣтъ дѣятельности въ академіи, въ 1861 г. октября 18 дня, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора (какъ значится въ формулярномъ списокѣ), перемѣщенъ изъ Кіевской академіи въ Московскій университетъ, на каѳедру философіи, съ званіемъ ординарнаго профессора.

Тяжелы были для него первые годы службы. Въ 1848 г. умеръ отецъ, оставивъ вдову съ десятью дѣтьми при крайне-скудныхъ средствахъ. Съ первыхъ же дней службы, предстала предъ нимъ тяжелая необходимость — время и силы, необходимыя для науки, затрачивать на мелочи жизни, на борьбу съ бѣдностію. И онъ покорно подчинился такой необходимости, и терпѣливо переносилъ тяжелыя подѣлы ея требованія: помогалъ усердно роднымъ и хлопотами, и деньгами. И если осиротѣлое семейство отца не погибло подѣ тяжестію бѣдности, то этимъ обязано хлопотамъ, предстательству, заботамъ и помощи П. Д-ча.

Къ своему отцу, подѣ часъ суровому и строгому учителю и наставнику въ юности, П. Д. сохранялъ всю свою жизнь до смерти чистыя чувства святой любви и признательности. Наставленія, какія давалъ отецъ, мѣры и способы, которыя употреблялъ для приведенія въ исполненіе наставленій, казались ему чѣмъ-то непогрѣшимымъ. Въ тяжелыя минуты жизни П. Д. находилъ высшее утѣшеніе въ тѣхъ

латинскихъ изреченіяхъ, которыя усвоилъ отъ отца, въ родѣ: *ex tenebris lux*, или *per tuncem ad lucem*. И въ педагогическихъ бесѣдахъ нерѣдко прибѣгалъ къ такимъ изреченіямъ. Однажды нѣкій педагогъ доказывалъ, что можно и должно учить дѣтей безъ книгъ. Выслушавъ доводы, онъ отвѣтилъ коротко: *discere sine libro* — *haugire aquam sibi*, а затѣмъ прибавилъ: «такъ говорилъ мой отецъ, такъ буду говорить и я.»

Высокимъ уваженіемъ и признательностію отзывались воспоминанія П. Д-ча и объ умныхъ, преданныхъ наукѣ, наставникахъ школы. Слушая его рассказы, можно было подумать, что это были гиганты мысли и слова, подобныхъ которымъ не произведетъ современность.

Въ Москвѣ, на новомъ мѣстѣ и среди новыхъ знакомыхъ, П. Д. сохранилъ и любовь, и привязанность, и уваженіе къ старой академіи, и въ разговорахъ открыто заявлялъ, что академія развила въ немъ любовь къ философіи и положила твердыя и прочныя основы этой науки. Безъ преувеличенія можно сказать, что рассказы его о жизни въ академіи походили на рассказы благочестиваго паломника о святыхъ мѣстахъ; и если кто заводилъ рѣчь о темныхъ сторонахъ жизни въ академіи, то П. Д. такихъ рѣчей не поддерживалъ: промалчивалъ, ограничиваясь только своимъ «да, да» «да, да.» И то правда, что и онъ оставилъ по себѣ добрую память въ академіи, и тамъ всегда вспоминали о немъ съ уваженіемъ. Зная такія отношенія П. Д. къ академіи, братья его А. и В. Юркевичи основали, изъ доставшагося имъ наслѣдства, стипендію его имени (въ 6000 р.), именно при академіи, въ той мысли, что самое подходящее мѣсто для памятника покойнику по смерти — то мѣсто, которое покойникъ при жизни много любилъ.

Въ лекціямъ П. Д-чъ всегда приготавлился, и приготавлился добросовѣстно. Въ 1872 и 73 годахъ онъ уже страдалъ и отъ семейнаго горя (болѣзнь жены) и отъ собственныхъ болѣзней; но, при всемъ томъ, не разставался съ книгами, и очень огорчался, что хлопоты и болѣзни отвлекаютъ его отъ научныхъ занятій. Въ силу такого отношенія къ дѣлу преподаванія, «глубокая «мыслительность (какъ заявлялось въ печати) и сильная «логика въ связи съ эрудиціей отличали его философскія лекціи». Потому то и «Лекціи излагались языкомъ «свободнымъ, изящнымъ, и устно, т. е., не чтеніемъ «по тетради.»

Преданный всей душой философскимъ занятіямъ, П. Д-чь относился съ любовію, уваженіемъ и теплымъ участіемъ и къ тѣмъ юношамъ, въ которыхъ замѣчались способности и призваніе къ наукѣ. Для такихъ юношей онъ былъ учителемъ и другомъ: охотно принималъ ихъ у себя въ кабинетѣ, велъ продолжительныя бесѣды, честно и добросовѣстно давалъ совѣты. Къ массѣ слушателей относился, вообще, благодушно и снисходительно, и въ аудиторіи читалъ лекціи одинаково исправно, не обращая вниманія на число слушателей. Повидимому, для него было безразлично, были ли слушатели въ сотняхъ, въ десяткахъ, или же только въ единицахъ; но это безразличіе было только видимымъ безразличіемъ. Въ сущности, это былъ сознательный приѣмъ успѣшно дѣйствовать на юношество, даже мало расположенное къ философіи, или предубѣжденное противъ нея. По заявленію современниковъ, на первыхъ порахъ въ Москвѣ было трудновато для П. Д. Юркевича. Предубѣжденное противъ философіи юношество часто наскучало ему неуѣстными, наивными, а нерѣдко и вздорными возраженіями. П. Д. выслушивалъ возраженія серьезно, и съ разумною сдержанностію оспаривалъ ихъ порою курьезныя доводы. Какъ наружное безразличіе къ количеству слушателей, такъ и терпѣніе и серьезность въ выслушиваніи самыхъ вздорныхъ возраженій, находятъ для себя объясненіе, съ одной стороны, въ сознаніи печальнаго положенія философіи въ университетахъ въ 60 годахъ, съ другой — въ любви и преданности своему предмету.

Но относясь съ участіемъ и съ любовію къ юношамъ даровитымъ, способнымъ и съ призваніемъ къ наукѣ, относясь съ благодушною снисходительностію, мягкостію и терпѣніемъ къ массѣ слушателей, П. Д. былъ всегда честно строгъ и твердъ къ тѣмъ личностямъ, которыя, по самообольщенію или по какимъ либо житейскимъ побужденіямъ, брались за философію, не имѣя къ ней ни призванія, ни способностей. Такъ онъ произнесъ въ печати строгій, даже рѣзкій приговоръ надъ сочиненіемъ одного молодаго ученаго. Нѣкоторые изъ знакомыхъ замѣтили ему, что авторъ, де, человѣкъ способный. «Да» отвѣтилъ онъ: «безспорно способный, и способный на многое «въ жизни, только не для философіи.»

Другой разъ П. Д. не пропустилъ (не одобрилъ) докторской диссертациі одного магистра. Нѣкоторые изъ знакомыхъ начали

просить его обратить вниманіе на положеніе человѣка, который давно уже занимается философіей и все еще въ положеніи доцента. На представленія такого рода П. Д. отвѣтилъ: «Если ставится вопросъ между требованіями науки и положеніемъ человѣка, то требованія науки всегда нужно ставить выше положенія человѣка.» Послѣдствія показали, что П. Д. былъ правъ въ своихъ приговорахъ: и авторъ книги и докторантъ, отказавшись отъ философій, нашли себѣ въ жизни положеніе по своимъ силамъ о способностяхъ, и далеко обезпеченнѣе того положенія, какое могла имъ дать философія.

1872 и 1873 годы были самыми тяжелыми годами въ жизни П. Д. Любимая жена подверглась тяжкой болѣзни (горловое страданіе). Слабый, самъ давно страдавшій геморроидами, онъ все-таки не хотѣлъ, или, лучше, не могъ, не имѣлъ силы, поручить уходъ за больною женою кому-нибудь изъ постороннихъ; а ходилъ и хлопоталъ самъ лично. При этомъ, не имѣлъ силы разстаться и съ книгами: изнуренный и обезсиленный, онъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, тутъ бралъ книгу, бумагу и карандашъ, и принимался читать или писать. И если засыпалъ, то только уже въ крайнемъ изнеможеніи, и часто не на кровати, а просто, сидя въ креслѣ. Больная жена была перевезена въ Крымъ для излеченія. На первыхъ порахъ положеніе его облегчилось: онъ видимо свѣжѣлъ и поправлялся. Но осенью болѣзнь жены приняла дурной поворотъ; пришлось ѣздить въ Крымъ, навѣщать больную, а вмѣстѣ съ этимъ пришлось бросить и любимыя занятія.

Поѣздки въ Крымъ, перевозъ тѣла умершей жены изъ Крыма въ Москву такъ разстроили его здоровье, что осенью 73 года онъ и самъ слегъ въ постель. Къ январю 1874 г. онъ не много поправился; знакомые и друзья уговаривали его оставить занятія, взять отпускъ и отправиться въ теплые края полечиться. Но такого рода совѣтамъ онъ не внялъ, и на всѣ возраженія отвѣчалъ одно: «Много пропустилъ времени; дочитаю до каникулъ, а на каникулахъ и поѣду.»

Началъ чтенія, но болѣзнь дѣлала свое дѣло: въ маѣ 1874 года обнаружилились обмороки и отекъ ногъ. Лѣтомъ поѣхалъ въ Самару на кумысъ, но безъ пользы. Изъ поѣздки возвратился съ мыслью, что ему не долго жить: «ибо люди съ такимъ темпераментомъ

не долговѣчны», по его словамъ. И дѣйствительно, въ сентябрѣ слегъ, а 4 октября и умеръ, на 49 году жизни. Погребенъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ.

Будучи еще въ Кіевѣ профессоромъ академіи, П. Д. къ изученію философіи присоединилъ изученіе педагогики. И вскорѣ педагогика, наравнѣ съ логикой и психологіей, сдѣлалась для него существенною частью философіи и однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ его занятій. По его взглядамъ, занятіе философіей возможно безъ изученія педагогики, но занятіе педагогикой немыслимо безъ изученія философіи. Въ Москвѣ П. Д.-тъ нѣсколько лѣтъ преподавалъ педагогикую въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства.

Послѣдствіемъ такого соединенія занятій философіей съ изученіемъ педагогики было то, что ученые труды его, по содержанию, являются въ двухъ видахъ: одни содержанія философскаго, другіе педагогическаго. По времени написанія и печатанія, какъ тѣ, такъ и другіе, появлялись въ такомъ порядкѣ.

1) Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка (Труды Кіев. д. ак. 1860 г.).

2) Изъ науки о человѣческомъ духѣ (Труды Кіев. д. ак. 1860 г.).

3) Матеріализмъ и задачи философіи (Журн. М. Н. Пр. 1860 г. май-юнь).

Къ этому же 1860 году относится и полемическая статейка подъ заглавіемъ «Замѣтка», вызванная статьей В. Я. Шульгина по поводу открытія женской гимназіи въ Кіевѣ.

4) Критико-философскіе отрывки (Труды Кіев. д. акад. 1861 г.).

5) Языкъ фізіологовъ и психологовъ (Русск. Вѣстн. 1862 г., № № 4, 5).

NB. Письмо къ Баршеву. Статья полемическаго характера. (Совр. Лѣт. 1863 г.).

6) Чтенія о воспитаніи. Большой трудъ, въ 272 стр., in 8, б. ф. Москва, 1865 г.

7) Разумъ по ученію Платона и опытъ по ученію Канта (Рѣчь, произнесенная на актѣ 12 янв. 1866 г.).

8) Игра подспудныхъ силъ. Полемическая статья, по поводу статей, вызванныхъ диссертацией профессора Струве (Русск. Вѣстн. 1870 г.).

9) Курсъ общей педагогики, съ приложеніями. Капитальное сочиненіе, 404 стр. in 8° б. ф. Москва 1869 года.

10) Идеи и факты изъ исторіи педагогики. По поводу сочиненія Модзалевскаго: Очеркъ исторіи воспитанія и обученія. Статья критическая (Журн. М. Н. Пр. 1870 г.).

11) Планъ и силы первоначальной школы (Журн. М. Н. Пр. 1870 г.).

12) Будущность звукой (системы) методы (Журн. М. Н. Пр. 1872 г. Мартъ).

Нѣкоторыя статьи писались по поводу предложенія Мин. Н. Пр. сдѣлать разборъ или дать отзывъ о такомъ или другомъ педагогическомъ сочиненіи. Но за неимѣніемъ документовъ, трудно опредѣлить сколько такихъ статей и какія это статьи.

А. Юркевичъ.

(Продолженіе будетъ.)

2. А. И. Зессель, директоръ гимназіи.

Александръ Ивановичъ Зессель былъ сынъ иностранца изъ Эльзаса, и родился 4 іюля 1817 г. въ б. Бѣлостокской области, около мѣстечка Цѣхановца, Бѣлскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ арендаторомъ небольшого участка земли.

Первоначальное образованіе А. И. получилъ въ Бѣлостокской гимназіи, но, за недостаткомъ средствъ, вышелъ изъ нея по окончаніи 4-хъ класнаго ученія и опредѣлился на службу по таможенному вѣдомству. Незначительное содержаніе, получаемое имъ на новомъ поприщѣ жизни, сознаніе недостаточной подготовки къ этой жизни, а, главное, влеченіе къ научнымъ занятіямъ заставили его оставить службу и снова поступить въ Бѣлостокскую гимназію. По окончаніи въ ней курса, А. И. поступилъ въ Московскій университетъ по математическому факультету. Усидчивые труды его на студенческой скамьѣ увѣнчались успѣхомъ, и онъ вышелъ изъ университета съ ученою степенью кандидата въ 1846 г.

Съ этой поры А. И. весь остальной вѣкъ свой провелъ, служа высокому дѣлу просвѣщенія и воспитанія юношества. Сперва онъ былъ домашнимъ учителемъ въ домѣ Черткова, Московскаго губернскаго предводителя дворянства, а затѣмъ въ 1850 г. поступилъ на должность

учителя въ Виленскомъ дворянскомъ институтѣ, въ которомъ съ 1857 г. былъ инспекторомъ. По закрытіи дворянскаго института, А. И—чь, какъ выдающійся педагогъ, бывъ назначенъ въ 1864 г. директоромъ Минской гимназіи. Здѣсь вліяніе его было на столько благотворно, что, когда получено было извѣстіе о переводѣ А. И—ча въ Виленскую 1-ю гимназію, педагогич. совѣтъ, въ признательности къ заслугамъ своего начальника и друга, почтилъ его постановкою портрета въ актовомъ залѣ гимназіи.

Въ Вильнѣ снова служилъ А. И. до 21 декаб. 1873 г. и затѣмъ переведенъ былъ въ Ригу на должность помощника попечителя Дерптскаго учебнаго округа. Рѣдкими душевными качествами, свѣтлымъ взглядомъ на людей, терпимостью, знаніемъ дѣла онъ всюду пріобрѣталъ глубокое уваженіе всѣхъ сослуживцевъ, всѣхъ многочисленныхъ воспитанниковъ, наконецъ всѣхъ, кто только имѣлъ случай сходиться и знакомиться съ нимъ.

Русскій человекъ по убѣжденіямъ, — хотя и лютеранинъ, — гуманный по воззрѣніямъ, характеризовавшимъ людей «сороковыхъ годовъ», людей Московскаго университета временъ гр. Строганова, А. И. былъ врагомъ всякой, особенно, политической, неправды, и другомъ свѣта и успѣха общества, въ которомъ ему приходилось жить и дѣйствовать. Съ молодости, будучи еще на студенческой скамьѣ и вращаясь въ томъ кружкѣ, который группировался около Черткова, А. И. былъ близкимъ человѣкомъ къ такъ называемымъ славянофиламъ 40-хъ годовъ, глубоко проникся идеями ихъ о русской народности и государственномъ единствѣ, и потому всякія стремленія къ политической розни находили въ немъ рѣзкаго порицателя и противника. Этимъ университетскимъ идеаламъ онъ остался вѣренъ до конца своей жизни.

Проведя въ Ригѣ около 10 лѣтъ, покойный помогалъ русскому обществу, насколько это было въ его силахъ и возможности, и все, что касалось процвѣтанія и успѣха русской школы, находило въ немъ ревностнаго пособника. Тяжкій недугъ (нервный ударъ), поразившій его въ 1882 году, побудилъ выйти въ отставку, къ истинному прискорбію всѣхъ, кто только зналъ А. И—ча. Съ этого времени онъ не могъ уже вполне оправиться, и тихо скончался 24 августа 1884 г.

Рига почтила память А. И—ча торжественно — трогательнымъ выносомъ тѣла на станцію Риги-Динабургской ж. дороги, для отправленія въ Вильну, гдѣ, по заявленному ранѣе желанію покойнаго, была заготовлена могила на Виленскомъ православномъ кладбищѣ подлѣ жены

(А. В., урожд. Юрьевой), скончавшейся въ Вильнѣ 10 годами раньше мужа.

Похороны А. И—ча состоялись въ Вильнѣ 28 августа. Гробъ былъ вынесенъ изъ вагона бывшими его сослуживцами, а вѣнки, возложенные на гробъ въ Ригѣ отъ разныхъ учебныхъ заведеній, были несены до кладбища старыми друзьями, прослужившими съ А. И—чъ не одинъ десятокъ лѣтъ. Когда гробъ былъ спущенъ въ могилу, мѣстный пасторъ г. Бринкъ, въ прочувствованной рѣчи на русскомъ языкѣ, очертилъ свѣтлую личность А. И—ча, какъ педагога и человѣка.

Ф. Монюшко.

Отъ редакціи. Помѣстивъ передъ симъ краткую біографію великаго русскаго педагога — теоретика, П. Д. Юркевича, мы представляемъ затѣмъ образъ педагога — практика, А. И. Зесселя. Мы сами имѣли счастье, въ началѣ службы, пользоваться руководствомъ А. И. Зесселя, и можемъ судить объ этомъ рѣдкомъ на Руси педагогѣ, имѣвшемъ громадный нравственный авторитетъ даже въ такомъ разноплеменномъ и враждебномъ между собою народонаселеніи, какое въ Вильнѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ.

На учениковъ А. И—чъ смотрѣлъ, какъ на собственныхъ дѣтей, слѣдуя тому старому правилу, что «честь твоего ученика должна быть тебѣ также дорога, какъ твоя собственная», и если о комъ, то именно объ А. И—чѣ можно сказать, что онъ получилъ посвященіе въ педагогическое званіе въ извѣстныхъ словахъ: «паси овцы моя». Появленіе его въ классѣ всегда было пріятно для учениковъ и для учителей. Ровный, спокойный голосъ, привѣтливое обращеніе со всѣми, увѣренность въ дѣйствіяхъ, вліяли на всѣхъ ободряющимъ образомъ, тѣмъ болѣе что и ученики, и учителя хорошо знали, что въ его присутствіи никакая фальшь невозможна. При немъ нужно было не только преподавать урокъ, но и вызвать производительность въ ученикахъ; требовалось спросить большую часть класса, и урокъ долженъ быть спрошенъ въ связи съ прошлымъ, а отъ всѣхъ учениковъ требовалось умѣнье и говорить, и стоять, и, какъ слѣдуетъ, держаться даже у доски. Однимъ словомъ, ученики инстинктивно чувствовали, что приходъ А. И—ча даетъ имъ нѣчто новое, хорошее, и потому не только не прятались, но радовались его посѣщенію. Нечего и говорить,

что къ свѣтлымъ дѣтскимъ порывамъ, къ чистой юности А. И—чь былъ особенно чувствителенъ. «Берегите юность» говорилъ онъ часто «и помните, что и вы были молоды». Въ тоже время онъ былъ непримиримый врагъ фамиллярности и заигрыванія съ учениками, этой страшной язвы нашихъ гимназій, особенно въ 70-хъ годахъ, когда, по выраженію покойнаго Де-Пуле (въ «Руси»), и учителя и начальство боялись учениковъ.

Для подчиненныхъ это былъ образецъ начальника, при которомъ возможна только порядочность. «Не думай худо о себѣ, и не думай худо о другихъ» было правиломъ А. И—ча; и потому подчиненные старались быть каждый на своемъ мѣстѣ.

Но если какой преподаватель допускалъ крайность, А. И—чь приглашалъ его къ себѣ на домъ, и дѣлалъ замѣчаніе съ глазу на глазъ; ни ученики, ни сослуживцы этого не вѣдали. Особенно онъ требовалъ нравственной чистоты и благоприличія отъ учительской корпораціи, а существованіе партій въ гимназій считалъ явною деморализаціею учебнаго заведенія, и здѣсь уже гнѣвъ его не зналъ границъ. «За стѣнами хоть стрѣляйтесь», говорилъ онъ враждующимъ сторонамъ: «а въ гимназій должно быть одно — миръ и взаимное уваженіе». Цѣльность его натуры, неподкупность убѣжденій, чистота вѣрованій и живая любовь къ Богу и людямъ, сопровождали все его дѣйствія и невольно вызвали откликъ въ окружающихъ.

(Продолженіе будетъ).

Varia.

Митрополитъ *Филаретъ* (Московскій) рассказываетъ о себѣ, что когда онъ изъ преподавателей назначенъ былъ инспекторомъ и, опасаясь своеволія столичнаго юношества, просилъ содѣйствія ректора, ректоръ отвѣчалъ ему: — «Доколу тебя хорошо слушать будутъ, какъ преподавателя, будутъ слушаться и какъ инспектора». (Собр. мнѣній и отв. Филарета, Митр. Моск. и Кол., изд. подъ ред. преосв. Саввы, т. IV стр. 363).

Кіевскій Митрополитъ *Арсеній* приглашенъ былъ на открытіе перестроеннаго и преобразованнаго закрытаго учебнаго заведенія. Преосвященному показываютъ зданіе и объясняютъ: здѣсь для воспитанниковъ спальни, здѣсь столовая, здѣсь комнаты для занятій, здѣсь классы. — А гдѣ-же они будутъ жить? спросилъ владыка.

(Слышано отъ очевидца, Ред.)

Семь правил преподавателям Дистервега. 1) Старайся изучить свой предмет не только въ цѣломъ, но и во всѣхъ его частяхъ. 2) Держись одного учебника, но въ подробностяхъ должно быть твое творчество. 3) Приучи себя готовиться къ каждому уроку и предварительно обдумать каждую часть урока. 4) Старайся записывать тѣ наблюденія, которыя представляются при твоёмъ преподаваніи. 5) Когда ты совершенно овладѣлъ своимъ учебникомъ, изучай другіе учебники и руководства. 6) Изыскивай планъ занятій, наиболее соответствующій потребностямъ твоихъ учениковъ. 7) Постоянно читай сочиненія по общей педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ, логикѣ, психологіи и т. п., способствующія дальнѣйшему развитію учителя. (Diesterweg, Wegweiser).

Десять правилъ жизни американскаго президента Джефферсона. 1) Никогда не откладывая на завтра, что можешь сдѣлать сегодня. 2) Никогда не утруждай другихъ тѣмъ, что можешь сдѣлать самъ. 3) Никогда не трать денегъ, прежде чѣмъ ихъ получишь. 4) Никогда не покупай бесполезныхъ вещей, потому что онѣ дешевы. 5) Высокоцѣнне стоить намъ болѣе, чѣмъ голодъ, жажда и холодъ. 6) Мы никогда не должны жалѣть, что мало поѣли. 7) Ничто не трудно, если дѣлается охотно. 8) Какъ часто насъ мучитъ такая неприятность, которая никогда не наступала! 9) Смотри на все съ хорошей стороны. 10) Когда ты сердитъ, то, прежде чѣмъ сказать что нибудь, сосчитай до десяти, а когда ты очень сердитъ, считай до ста. (Pädag. Rundschau, 1887, 6).

Учебныя заведенія въ Берлинѣ. А. Высшія. 1) Университетъ съ 4600 студентовъ, не считая вольнослушателей. Это количество превышаетъ число студентовъ въ университетахъ Гессенскомъ, Ростокскомъ, Вильскомъ, Кенигсбергскомъ, Эрлангенскомъ, Іенскомъ и Гейдельбергскомъ, взятыхъ вмѣстѣ. 2) Технологическій институтъ. 3) Горная академія. 4) Земледѣльческій институтъ. 5) Ветеринарный институтъ. 6) Академія художествъ. 7) Консерваторія.

Б. Среднія. 1) 16 гимназій (5 казенныхъ, 11 городскихъ). 2) 8 реальныхъ училищъ съ латинскимъ языкомъ (1 казенное, 7 городскихъ). 3) 2 городскихъ реальныхъ училища безъ латинскаго языка. 4) 2 высшихъ городскихъ училища. 5) 7 женскихъ высшихъ училищъ. 6) 1 учительская семинарія для городскихъ учителей и 7) 1 учительская семинарія для городскихъ учительницъ.

В) Низшія составляютъ 167 приходскихъ училищъ, въ каждомъ около 930 учащихся съ 2810 классовъ, въ которыхъ учатъ: 167 ректоровъ, 1771 учитель и 884 учительницы, въ томъ числѣ 613 технически образованныхъ учительницъ, преподающихъ рукодѣлія и гимнастику. Весь городъ раздѣляется на 8 учебныхъ округовъ, ввѣренныхъ каждый особому инспектору. Расходы по содержанию начальныхъ училищъ составляютъ восьмую часть всѣхъ городскихъ доходовъ. (Pädagogium, 1887, I).

Признательность къ учителю. Посѣщая Германію, Румынская королева (Carmen Sylva) никогда не забываетъ бывшаго своего учителя, г. Гардера, нынѣ директора женскаго ремесленнаго училища въ Элбингѣ, болѣею частью стараясь лично повидаться и побесѣдовать. Въ этомъ году г. Гардеръ вмѣстѣ съ своей дочерью, тоже учительницей, приглашенъ былъ королевой на лѣтнее время, въ окрестности Бухареста, на дачу. (Pädagogium, 1887, I).

Связь университета съ гимназіей. По случаю исполнившагося 1-го сего мая 50-лѣтія педагогической дѣятельности директора Рижской губернской гимназіи А. К. Крангальса, Дерптскій университетъ возвелъ почтеннаго директора въ званіе доктора философіи.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ФЕРД. ВАССЕРМАНА ВЪ РЕВЕЛѢ.

(Существ. съ 1838-го г.)

Обширный складъ замѣчательнѣйшихъ произведеній международной литературы; рекомендуетъ свои услуги при выписываніи вышедшихъ за границу книгъ. Много-стороннія и солидныя связи съ центрами книжной торговли за границей даютъ возможность выполнять всякія порученія съ совершенной готовностью и добросовѣтностью.

Складъ древне-классическихъ писателей изд. Лейпцигской фирмы Тейбнера.

==== Каталоги высылаются бесплатно. ====

СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

- Бѣлицкій**, упражненія для перевода съ русскаго языка на латинскій и ключъ къ нимъ для учениковъ среднихъ классовъ гимназій. I. Цѣна 1 р. 50 к.
- Шловайскій**, мелкія сочиненія, статьи и письма 1857—87 г. По вопросамъ о преподаваніи исторіи. Путевыя замѣтки и воспоминанія. 2 р. 50 к.
- Сениговъ**, историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи В. Н. Татищева. 2 р.
- Филоклетъ**, трагедія Софокла съ русскими примѣчаніями, схемою метровъ и введеніемъ, проф. Вейсмана. 80 к.
- Eichthal**, La langue grecque, mémoires et notices 1864—1884. Précédé d'une notice sur les services rendus par M. G. d'Eichthal à la Grèce et aux études grecques par le marquis de Queux de Saint Hilaire. 3 p. 50 к.
- Gaudry**, Les ancêtres de nos animaux dans les temps géologiques, avec 49 figures. 2 p. 45 к.
- Henry**, Précis de grammaire comparée du grec et du latin. 5 p. 25 к.
- Jamet**, Essai d'une nouvelle théorie élémentaire de logarithmes. 42 к.
- Peyre**, Histoire générale de l'antiquité. Orient, Grèce, Rome. Avec 106 illustr. et 2 cartes. 4 p. 20 к.
- Star**, (Ely) Les mystères de l'horoscope. Préface de C. Flammarion avec 9 figures. 2 p. 45 к.
- Ackermann**, E., Die häusliche Erziehung, geh. 1 R. 57 C.
- Bauer**, G., Die Gesundheitspflege in der Schule. Vortrag. 35 C.
- Bilderatlas**, kulturhistorischer, I. Alterthum. bearb. von Th. Schreiber. 2. Aufl. 1. Lfg. Каждый выпускъ 70 к.
- Birth**, Th., zwei politische Satyren des alten Rom. Ein Beitrag zur Geschichte der Satyre. 1 R. 54 C.
- Blätter** für das Bayrische Gymnasial-Schulwesen, herausg. von A. Römer. 24. Bd. (10 Hefte). eplt. 4 R. 20 C.
- Denkmäler** griechischer und römischer Sculptur. In historischer Anordnung unter Leitung von H. Brunn, herausg. von F. Bruck. 14 R.
- Eichner**, E., Zur Umgestaltung des lateinischen Unterrichts. 84 K.
- Frohberg**, W., Handbuch für Turnlehrer und Vorturner. 70 K.
- Goetzeler**, Observationes Herodianaе. 56 C.
- Gutersohn**, Gegen Vorschläge zur Reform des neusprachlichen Unterrichts. 42 C.
- Hartel**, W. v., Abriss d. Grammatik d. homerischen u. herodotischen Dialekts. 42 C.
- Holdermann**, die grundlegenden Unterschiede zwischen Knaben- und Mädchenschulen. 42 C.
- Knackfuss**, Deutsche Kunstgeschichte. 2 Bde. mit 750 Abbildg. im Text etc. 14 R.
- Kurtz**, Miscellen zu Plutarch's Vitae et Apophthegmata. 70 C.
- Metzger**, geographisch-statistisches Weltlexicon. 6 R.
- Münch**, Aufsätze über Unterrichtsziele und Unterrichtskunst an höheren Schulen. ca. 20 Bogen.

- Nohl**, Pädagogik für höhere Lehranstalten III. Th. Die Vorbildung wissenschaftlicher Lehrer auf ihren Beruf. 1 R. 82 C.
- Pfleiderer**, zur Lösung der Platonischen Frage. 2 R. 24 C.
- Rudolph**, E., Berufswahl unserer Söhne. Mit besonderer Berücksichtigung der gewerblichen Berufsarten. 1 R. 5 C.
- Scheidler**, Methodik des grammatischen Unterrichts im Griechischen. 98 C.
- Schmidt**, Handbuch der griechischen Chronologie, herausg. v. Ruhl. 11 B. 20 C.
- Toussaint**, Volapük. 70 C.
- Wiget**, die formalen Stufen des Unterrichts. Eine Einführung in das Studium der Herbart-Ziller'schen Pädagogik. 98 C.

Выдающіяся произведенія нѣмецкой литературы.

- Andree**, Allgemeiner Hand-Atlas in 120 Karten, geb. 21 R.
- Becker's** Weltgeschichte, neubearbeitet von Müller, mit Illustrationen, 6 Bde., geb. 25 R.
- Berge**, Schmetterlingsbuch, 50 colorirte Tafeln und 900 Abbildungen, geb. 14 R. 50 C.
- Bilderbogen**, kunsthistorische. Band-Ausgabe Bd. I/IV, geb. 9 R. 80 C.
- Brehm**, Illustr. Thierleben, Volks-Ausgabe, 3 Bde., geb. 21 R.
- — — Grosse Ausgabe mit Chrombildern, 10 Bde., geb. à 11 R. 20 C.
- Brockhaus**, Illustr. Conversations-Lexicon, 13. Aufl. mit Suppl., 17 Bde., geb. in 1/2 Frz. 110 R.
- Curtius**, Griechische Geschichte, 2 Bde., geb. 14 R. 50 C.
- Falcke**, Hellas und Rom. Eine Kulturgeschichte des klassischen Alterthums, illustr., 49 R.
- Friedländer**, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms, 3 Bde., geb. 27 R.
- Georges**, deutsch-lateinisches Handwörterbuch, 2 Bde., geb. 11 R. 50 C.
- — — lateinisch-deutsches — — — 2 Bde., geb. 15 R. 75 C.
- Gregorovius**, Wanderjahre in Italien, 5 Bde., geb. 21 R.
- Hellwald**, die Erde und ihre Völker. Wohlf. Ausg. 11 R. 50 C.
- — — Kulturgeschichte, 2 Bde., geb. 17 R. 50 C.
- Henne am Rhyn**, Kulturgeschichte d. Deutschen Volkes, 2 Bde., 17 R. 50 C.
- Hoffmann**, Pflanzen-Atlas, geb. 8 R. 40 C.
- — — Lehrbuch der praktischen Pflanzenkunde. 14 R. 70 C.
- Humboldt**, Kosmos, 4 Bde., wohlf. Ausg., geb. 8 R. 40 C.
- Jacob**, Unsere Erde. Astronomische und physische Geographie. 7 R.
- Kirchhoff**, Vorlesungen über mathematische Physik. 10 R.
- König**, Deutsche Litteraturgeschichte, geb. 12 R. 60 C.
- Kürschner**, Taschen-Conversations-Lexicon, geb. 2 R. 10 C.
- Lemke**, populäre Aesthetik, geb. 7 R. 70 C.
- Lübke**, Grundriss der Kunstgeschichte, geb. 11 R. 90 C.
- Lübker**, Reallexicon des classischen Alterthums, 9 R. 80 C.
- Mädler**, Wunderbau des Weltalls, mit Atlas. 10 R. 50 C.
- Meyer's** Handlexicon, 2 Bde., geb. 10 R. 50 C.
- Mommsen**, Römische Geschichte, 3 Bde. in 2 Bde. geb. 18 R.
- Müller u. Pouillet**, Lehrbuch der Physik, 4 Bde., geb. 34 R.
- Naturkunde**, Allgemeine. (Forts. zu Brehm's Thierleben. Bd. I. 11 R.)
- Overbeck**, Pompeji in seinen Gebäuden etc., geb. 15 R.
- Pawlowsky**, russisch-deutsches Wörterbuch, geb. 6 R. 50 C.
- — — deutsch-russisches — — — geb. 9 R.
- Perthes**, Taschen-Atlas, geb. 1 R. 40 C.
- Peschel**, Völkerkunde, geb. 9 R. 80 C.
- Preller**, römische Mythologie, geb. 8 R. 40 C.
- Putzger**, historischer Schulatlas, geb. 1 R. 40 C.
- Ribbach**, Geschichte der bildenden Künste, geb. 14 R.
- Ritter's** geographisch-statistisches Lexicon, 2 Bde., 24 R.
- Scherr**, Allgemeine Geschichte der Litteratur, geb. 9 R. 45 C.
- — — deutsche Kultur- und Sittengeschichte, geb. 6 R. 30 C.
- — — Germania. Zwei Jahrtausende deutschen Lebens, geb. 14 R.
- Schödler**, Buch der Natur, 2 Thle in 1 Bd., geb. 7 R. 70 C.
- Schumann**, Lehrbuch der Pädagogik, geb. 7 R. 25 C.
- Schütze**, evangelische Schulkunde. 7 R. 40 C.
- Stacke**, deutsche Geschichte, 2 Bde., 22 R.
- Stahr**, Ein Jahr in Italien, 2 Bde., geb. 11 R. 75 C.
- Stoll**, Sagen des classischen Alterthums, geb. 6 R. 30 C.
- Ule u. Langhoff**, Warum und Weil, physikalischer Thl., geb. 2 R. 90 C.
- — — chemischer Thl., geb. 2 R. 90 C.
- Wagner**, Hellas, Land und Volk, 2 Bde., geb. 8 R. 40 C.
- — — Rom, — — — 2 Bde., geb. 10 R. 50 C.
- Weiss**, Bilder-Atlas der Sternenwelt, geb. 8 R. 40 C.
- Winkelman**, Geschichte der Kunst des Alterthums, geb. 3 R. 60 C.
- Ziegler**, das alte Rom. Illustr. im Text, geb. 3 R. 15 C.

К. НЕГЕЛСБАХЪ.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ

ПЕДАГОГИКА.

Переводъ съ 3-го изданія.

Изданіе журнала „Гимназія“.

Ревель, 1888.

Типографія Эстляндскаго Губернскаго Правленія.

К. ПЕТЕРБУРГ

ИМПАРИАЛЬ

ПЕДАГОГИКА

Лекция по педагогике

AR
Dr. P. ... u2 waidi
nim. ... lik
Raametuukogu

65.649

1892

Imperial University Library

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

1. *Цѣль и назначеніе гимназій.* Происхожденіе. Филантропинизмъ. Сущность образованія.
2. *Какъ совершается расширеніе сознанія?* Средства образованія. Языки. Природа. Исторія. Философія. Народныя училища. Задача гимназій.
3. *Однородныя учрежденія.* Семинаріи и альюмнеи. Частныя воспитательныя заведенія. Домашнее обученіе.

Первый отдѣлъ. Учитель.

4. *Общія качества учителя:* тѣлесныя, душевныя, умственныя.
5. *Нравственныя качества учителя:* терпѣніе, безкорыстное служеніе своему призванію; посвященіе дѣятельности исключительно призванію. Ученыя занятія.
6. *Образованіе учителя.* Спеціальное образованіе.
7. *Учитель на должности.* Испытанія.

Общіе принципы дидантинки.

8. *Направленіе занятій учениковъ.* Вопросы; отвѣты. Приготовленіе уроковъ: повтореніе; упражненіе памяти.
9. *Занятія учителя гимназій въ частности.* Способы чтенія авторовъ. Переводъ. Объясненіе. Курсорное и стартарное чтеніе.
10. *Поправка работъ.*
11. *Препятствія въ преподаваніи.* Плохо подготовленные, переполненные, сводные классы.
12. *Средства къ усиленію успѣшности преподаванія.* Учительская корпорація. Публика. Испытанія.

Второй отдѣлъ. Дисциплина.

13. *Сущность и объемъ понятія «дисциплина».* Учитель и ученикъ.
14. *Принципъ дисциплины.* Любовь или строгость?
15. *Примѣненіе дисциплины или дисциплинарныя средства.* а) Награды. Почетныя награды: мѣста, преміи. Система разрядныхъ списковъ. Похвала. Побужденія къ занятіямъ.

16. б) Наказанія. Цѣль наказанія. Штрафныя работы. Тѣлесныя наказанія. Наказаніе посредствомъ лишенія свободы и другія наказанія.
17. *Взглядъ на природныя свойства учениковъ.*
18. *Совѣты молодымъ учителямъ.*

Третій отдѣлъ. Дидантина въ тѣсномъ смыслѣ.

I. Преподаваніе языковъ.

19. *Общія замѣчанія.* Объемъ въ отношеніи количества и содержанія. Цѣль. Отдѣльные языки.
20. *Родной языкъ.* Слѣдуетъ обучать сравнительно, а не по грамматикѣ. Родная рѣчь. Чтеніе. Письменное изложеніе. Упражненія. Устное изложеніе безъ записокъ. Руководство къ ознакомленію учениковъ съ писателями. Исторія словесности? Домашнее чтеніе.
21. *Преподаваніе латинскаго языка.* Общія замѣчанія. Дѣленіе и методъ. Подстрочный переводъ Гамильтона и параллельный Жакото.
22. Грамматика. Первая ступень: этимологія.
23. Вторая ступень: синтаксисъ. Примѣры: *ut, quin, dubito, quum, dum.*
24. Третья ступень: сравнительная стилистика. Позднѣйшая латынь?
25. Чтеніе писателей вообще. Предварительные вопросы и общія замѣчанія. Христоматія? Цѣль чтенія авторовъ. Критика и толкованія, напр., при переводѣ Цезаря.
26. Латинскіе прозаики. I. Исторія: Корнелій Непотъ. Цезарь. Курцій. Ливій. Саллюстій. — II. Рѣчи: Цицеронъ. Тацитъ. — III. Философія: Цицеронъ. Діалогъ Тацита.
27. Латинская поэзія: Эпосъ. Овидій. Вергилій. Элегии? — Лирика: Гораций. — Драма? *Sermones* Горация.
28. *Преподаваніе греческаго языка.*
I. Преподаваніе языка.
29. Продолженіе. II. Писатели. Есенофонтъ. Геродотъ. Демосенъ. Исократъ. Ликургъ. Платонъ. Гомеръ. Еврипидъ. Софокль.
30. *Новые языки.*
31. II. *Исторія.*
32. III. *Математика.*
33. IV. *Естественныя науки.*
34. V. *Законъ Божій.*
35. VI. *Чистописаніе, рисованіе, пѣніе, гимнастика.*
Прибавленіе: Класное или предметное преподаваніе?
Заключеніе (1855): святость призванія.
Указатель именъ.
Указатель приведенныхъ сочиненій.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Цѣль и назначеніе гимназій.

Что лѣтъ назадъ, на вопросъ: «что такое гимназія?» мы получили бы отвѣтъ: «гимназія есть учебное заведеніе для обученія латинскому и, въ ограниченныхъ размѣрахъ, греческому языку.» — Гимназіи стали впервые учреждать послѣ реформаціи; большинство замѣчательнѣйшихъ гимназій возникло благодаря ей или даже самимъ реформаторамъ. Въ тѣ времена не существовало другой науки, кромѣ поставившей себѣ задачею изученіе древности, и не было возможности получить образованіе изъ иныхъ источниковъ, кромѣ именно греческаго и латинскаго языковъ; другія науки еще не были приспособлены служить матеріаломъ для ученія. Направленіе, господствовавшее двѣсти-триста лѣтъ назадъ, было утилитарное въ лучшемъ смыслѣ слова, ибо направленія образованія и потребностей времени вполне совпадали: нужно было учиться, чтобы запастись извѣстными свѣдѣніями, безъ которыхъ нельзя было занять ни церковной, ни государственной должности (ср. Thaulow, *Gymnasialpädagog.*, 35), или, какъ Trotzendorfъ прямо формулировалъ цѣль своей школы: «мальчики должны быть приготовляемы для послѣдующихъ занятій на высшихъ факультетахъ, какъ-то: богословскомъ, медицинскомъ, философскомъ и юридическомъ (ср. Raumer, *Geschichte der Pädagogik* I, 220). Тогда, поэтому, можно было признать вышеприведенное опредѣленіе гимназіи правильнымъ. Но такъ какъ въ то же время христіанское ученіе стало глубже проникать во всѣ стороны жизни, то гимназіи должны были, совмѣстно съ нѣмецкими школами, стремиться и къ болѣе обширному преподаванію закона Божія, даже догматическаго богословія.

Такое состояніе этихъ заведеній долго продолжалось съ необычайною неподвижностью; тогда не мѣнялись каждыя пять лѣтъ учебники, такъ что, напр., грамматики Melancthon'a были господствующими во многихъ школахъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, и Галльская грамматика была только незначительнымъ усовершенствованіемъ первой.

Когда-же, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій прошлаго столѣтія, особенно, во время семилѣтней войны, совершилось возрожденіе Германіи, главнѣмъ образомъ, въ области словесности, то взоры опять обратились на гимназіи, гдѣ, большею частью, преподаваніе коснѣло подъ гнетомъ рутины. Оказалось, что гимназіи черезъ чуръ отстали отъ вѣка, и поднялся всеобщій вопль противъ греческаго и латинскаго педантизма, противъ «мизантропическихъ» заведеній, въ пользу т. наз. филантропическаго направленія; особенно Базедовъ домогался, въ сущности, полнѣйшаго вытѣсненія классическихъ занятій. Гимназіи очутились въ чрезвычайно невыгодномъ положеніи, о которомъ мы едва можемъ составить понятіе. «Non scholae discendum, sed vitae» сдѣлалось лозунгомъ, — въ томъ смыслѣ, что отъ школы требовалось обученія тому, чѣмъ можно было воспользоваться въ послѣдующей жизни. Такимъ образомъ вскорѣ выяснилось, что теоріей земледѣлія можно лучше воспользоваться, чѣмъ знакомствомъ съ Цицерономъ, — однимъ словомъ, вторглось своего рода утилитарное направленіе, но уже далеко не безвиннаго свойства. Латинскій языкъ стали изучать только ради пандектовъ, греческій ради новаго завѣта, который тогда во многихъ школахъ служилъ единственнымъ предметомъ чтенія. Такъ, во многихъ заведеніяхъ преподавалась діететика, и лекціи по этому предмету читались въ университетахъ. Поэтому-то гимназіи, за исключеніемъ саксонскихъ Fürstenschulen и, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ, сдѣлались каррикатурами на самый извращенный эклектицизмъ. Въ школьную программу, выработанную Н. Браун'омъ, въ царствованіе Максимилиана III Иосифа, для курфиршества баварскаго, входятъ рядомъ: латинскій, греческій, нѣмецкій, математика, исторія, географія, естественныя науки (физика, космографія, міѳологія, археологія, геральдика, нумизматика, дипломатика *);

*) Въ Brieg'ѣ еще при ректорѣ Scheller'ѣ (лексикографъ, 1772—1803) преподавались слѣдующіе предметы: латинскій, греческій, нѣмецкій, математика, исторія, географія, физика, міѳологія, законъ Божій, библейская исторія, толкованіе евангелія, французскій, польскій, еврейскій, философія, естественная исторія, технологія, древности, рисованіе, чистописаніе, чтеніе газетъ. Ср. Guthmann, Zur Geschichte unseres Gymnas. in s. dritten Jahrb. Brieg, Osterprogr. 1864 г.).

вмѣстѣ съ тѣмъ, однакоже, была введена класная система, т. е., каждый учитель долженъ былъ преподавать все это, потому-де, что знаніе этихъ наукъ требуется отъ каждаго гувернера. И такъ, водворялся всеобщій дилетантизмъ въ видахъ ученія «для жизни!» И какъ все это преподавалось? Преподаватель просто читалъ ученикамъ, примѣрно, естественную исторію Раффа или диктовалъ наборъ ботаническихъ названій. Еще не далеко то время, когда въ гимназіи географія преподавалась безъ картъ, и ученику никогда не показывали или не чертили, напр., теченія главныхъ рѣкъ. Это называлось преподаваніемъ естественной исторіи и географіи!

Какъ бы педантично ни занимались латынью, все-таки что-нибудь да выходило изъ этого, и въ Германіи были распространены извѣстныя познанія по латинскому языку, и хотя его зубрили механически и безъ смысла, тѣмъ не менѣе онъ былъ изучаемъ, и мужчина въ болѣе зрѣломъ возрастѣ могъ читать съ удовольствіемъ Горация и Тацита. Потому-то древность опять заявила свои права, и тогда послышались голоса: «гимназія должна дать формальное образованіе уму, практическая польза не заслуживаетъ вниманія!» «Умъ, — и въ этомъ заключался смыслъ требованія, — долженъ быть органомъ познанія; чрезъ exercitatio mentis должно выработаться *subactum ingenium*.»

Этотъ взглядъ не ронялъ, по крайней мѣрѣ, человѣческаго достоинства, между тѣмъ какъ филантропическое направленіе смотрѣло на человѣка преимущественно съ тѣлесной стороны. Такимъ образомъ, взглядъ высказанный однажды открыто президентомъ графомъ Rumford'омъ, что онъ уважаетъ въ человѣкѣ только кожу, потому-де, что можетъ одѣвать ее, и желудокъ, потому что можетъ давать ему ѣсть, а остальное для него безразлично, оказался отсталымъ.

Но умственные способности могутъ быть образуемы различными средствами: напр., между науками, быть можетъ, нѣтъ другой, которая требовала бы болѣе проницательности ума, чѣмъ оптика; слѣдовательно, вышеприведенное требованіе формальнаго образованія еще не рѣшаетъ вопроса о пригодности для достиженія этой цѣли единственно греческаго и латинскаго языковъ. Цѣль заключается въ образованіи ума чрезъ какой бы то ни было предметъ преподаванія, въ видѣ средства; средство-же опредѣляется цѣлью, и потому спрашивается: что мы подразумеваемъ подъ словомъ «образованіе»? Только тогда мы можемъ начать отыскивать матеріалы для обученія.

Прежде всего, что говорятъ намъ самые языки о существенныхъ признакахъ понятія «образование?» — Греки, называя его *παιδεία*, обозначаютъ этимъ словомъ извѣстную выправку мальчика, посредствомъ которой онъ долженъ быть изъятъ изъ непосредственно-природнаго состоянія. Здѣсь, слѣдовательно, подразумѣвается отрицательная сторона образованія: ребенокъ не долженъ оставаться такимъ, каковъ онъ есть. Въ латинскомъ «*egreditio*» выражается возрѣніе, что мальчикъ есть какъ бы сырой матеріалъ, который долженъ получить опредѣленную форму; о самой формѣ выраженіе это умалчиваетъ. За то болѣе точное опредѣленіе заключается въ словѣ *humanitas*, сообразно которому образованность является такимъ состояніемъ человѣка, въ которомъ онъ *actu*, въ дѣйствіи и въ дѣйствительности, бываетъ таковымъ, каковымъ онъ можетъ быть *potentia*, *δυνάμει*, по способности.

Человѣкъ становится человѣкомъ только чрезъ образованіе, существенные признаки и проявленіе котораго мы можемъ узнать на его противоположностяхъ. Невѣжда знаетъ только себя и свою ближайшую обстановку; да и не имѣетъ потребности знать что-либо другое. Это безвредный, но страшный эгоистъ; мы это качество часто называемъ ограниченностью (именно, самимъ собою). Такой человѣкъ знаетъ, что онъ существуетъ, но не имѣетъ понятія о своей связи съ цѣлымъ міромъ; и дѣйствительно, онъ самъ для себя средоточіе всѣхъ вещей.

Образованіе, напротивъ, не допускаетъ человѣка оставаться единичнымъ, а расширяетъ самое сознание единичной личности до сознанія всего, что присуще цѣлому; оно освобождаетъ и возвышаетъ его чрезъ это до истиннаго самопознанія, такъ какъ человѣкъ познаетъ себя въ цѣломъ, и цѣлое въ себѣ. Оно пріостекаетъ изъ знанія всего общечеловѣческаго, изъ усвоенія всѣхъ пріобрѣтеній ума человѣческаго. Поэтому мы можемъ сказать: образованіе есть расширеніе индивидуальнаго сознанія до всеобщаго.

2. Какъ совершается это расширеніе сознанія?

Отвѣтъ кратокъ: чрезъ усвоеніе человѣкомъ того, что дають ему основныя отношенія, въ которыя онъ поставленъ, какъ человѣкъ. Основныя отношенія опредѣлены Богомъ *ipsa condicione nascendi*, и не произвольны. Первое основное отношеніе есть отношеніе

къ человѣческому уму — самому въ себѣ, а послѣдній всегда ближе всего касается человѣка; но такъ какъ первый самъ по себѣ невидимъ, и для откровенія своего нуждается въ тѣлесномъ посредникѣ — наималѣйшемъ количествѣ матеріи, именно въ языкѣ, то въ послѣднемъ онъ и находитъ самое чистое и наглядное свое выраженіе. Здѣсь подразумѣвается языкъ не только самъ по себѣ, какъ мимолетный звукъ, но и произведенія, въ которыхъ онъ живетъ самую прекрасною и благородною жизнью.

Но разумъ человѣка находится въ отношеніи и къ внѣшнему міру, а послѣдній распадается на царство природы и область исторіи; а самое возвышенное его отношеніе — это отношеніе къ Богу.

Отсюда, въ качествѣ средствъ, способствующихъ расширенію индивидуальнаго сознанія до общечеловѣческаго, вытекаютъ: изученіе языка и его произведеній, знаніе природы и исторіи, и религія.

Однако, не ограничиваясь этими общими опредѣленіями, мы должны сдѣлать выборъ изъ вытекающаго отсюда матеріала, если только не желаемъ впасть въ идеализмъ, лишенный практической почвы. Вполиѣ справедливо Heiland (über die Reform des Gymnasialunterrichts, 15) называетъ «вѣрнѣйшимъ способомъ сдѣлать невозможнымъ преусилѣніе идеальныхъ натуръ — многосторонность образовательнаго матеріала въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». Посредствомъ дрессировки можно научить самымъ разнообразнымъ предметамъ, но дѣйствительное образованіе, просто на просто, парализуется многопредметностью, потому что юный умъ не умѣетъ найтись въ массѣ матеріала. Потому, мы должны выбирать по опредѣленному принципу. Я не хотѣлъ бы быть представителемъ иного принципа, кромѣ слѣдующаго: нужно учиться тому, что болѣе всего вліяетъ на умъ; не тому, чего онъ наибольше можетъ воспринять, не тому, что можетъ быть очень хорошо, по обстоятельствамъ, не тому, что можетъ доставить ему пріятное умственное приобрѣтеніе.

Во первыхъ, человѣческой умъ находится подъ вліяніемъ религіи. Человѣкъ становится такимъ или инымъ, смотря по религіознымъ задаткамъ. Поэтому, прежде всего для гимназіи необходимо преподаваніе закона Божія, и здѣсь-то и кроется главное различіе между христіанскимъ и языческимъ обученіемъ юношества; ибо и язычниковъ преподаванія закона Божія не существуетъ. Но такъ какъ отправления ума совсѣмъ не могутъ быть понимаемы безъ посредничества языка, то сама собою возникаетъ необходимость преподаванія языковъ.

Далѣ, умъ особи находится подъ вліяніемъ прошедшаго, а не только настоящаго, обиліе явленій котораго онъ не въ состояніи воспринять.

Съ тѣхъ поръ какъ понятіе органическаго развитія заставило переродиться германскую науку, всякій долженъ признаться, что прошедшее сильнѣе всего вліяетъ на умъ. Изъ этого слѣдуетъ необходимость преподаванія исторіи. Но такъ какъ вліяющія на умъ условія должны различаться отъ временнаго состоянія послѣдняго, разъ ему не слѣдуетъ оставаться на самомъ себѣ, то лингвистическій элементъ мы должны подвергнуть воздѣйствію историческаго. Другими словами: мы не должны придерживаться ложнаго мнѣнія, будто изученіе новыхъ языковъ одно даетъ необходимое лингвистическое образованіе; ибо они всѣ похожи другъ на друга. Намъ нужны, поэтому, иначе сложившіеся языки, и оттого мы избираемъ не какіе угодно, а всемірно-историческіе, тѣ языки, которые сильнѣе и плодотворнѣе всѣхъ повліяли на развитіе словесныхъ способностей человѣческаго ума, латинскій и греческій.

Вторымъ критериумомъ при выборѣ образовательныхъ матеріаловъ должно быть возбужденіе ими соотвѣтственной возрасту производительности; образовательные матеріалы должны быть въ полномъ распоряженіи ума, и на болѣе низкой ступени онъ долженъ имѣть возможность самодѣятельности. Относительно историческаго матеріала умъ adolescentulus'a является болѣе воспринимающимъ; онъ копитъ для лѣтъ грядущихъ, и не можетъ тотчасъ пустить въ дѣло свои познанія. За то изъ преимуществъ изученія языковъ для человѣческаго ума одно изъ превосходнѣйшихъ заключается въ томъ, что дозволяетъ послѣднему уже и въ отроческомъ возрастѣ воспринимать и производить.

Но, возразятъ мнѣ, умъ человѣческій есть умъ познающій, и именно потому онъ и есть умъ, что познаетъ; поэтому, познаніе ума и требуетъ особеннаго поощренія: поэтому не слѣдуетъ-ли въ гимназической программѣ отвести мѣсто и философіи? Я говорю — нѣтъ; философія не мыслима безъ знанія о знаніи, безъ того, чтобы не сдѣлать самого познанія предметомъ познанія-же. Но его нельзя предложить, какъ предметъ изученія, юному уму, который сначала долженъ привыкнуть къ мышленію и знанію. Философія, въ смыслѣ систематической науки, отнюдь не можетъ быть предметомъ гимназическаго образованія, хотя и вникаетъ въ суть вещей и въ конечныя причины, потому что въ такихъ случаяхъ, когда приходится

практически изучать многое, слѣдуетъ довольствоваться относительнымъ обоснованіемъ. Правда, способность познанія, какъ таковая, должна быть развиваема; но развитіе ея должно достигаться посредствомъ предмета, суть котораго заключается въ качествѣ, а не въ содержаніи познанія. Такой предметъ представляетъ математика. Мы изучаемъ, напр., теорему Пифагора не для того, чтобы примѣнить ее на практикѣ; для насъ важенъ только способъ, посредствомъ котораго мы постигаемъ теорему. Платонъ требовалъ вполне основательно: *μηδεις ἀγεωμέτρητος εἰσίοτω*.

И такъ, въ число гимназическихъ предметовъ преподаванія мы включили: законъ Божій, исторію, древніе языки, математику; о естественныхъ наукахъ рѣчь впереди. Но прежде чѣмъ продолжать, надо отвѣтить еще на вопросъ: неужели только тотъ обладаетъ образованнымъ умомъ, кто въ состояніи окончить курсъ гимназіи? или: въ какомъ отношеніи находятся народное училище и гимназія? Въ первомъ образовательные матеріалы одинаковы съ гимназическими; они отличаются только въ количественномъ отношеніи. Въ народномъ училищѣ преподается законъ Божій, при прохожденіи котораго оно стремится къ относительно — обстоятельному и глубокому знанію катихизиса. Преподается и языкъ, и тутъ-то оказывается большая разница, которая, въ извѣстномъ отношеніи, и должна быть такова.

Но если дитя научилось грамотѣ, оно располагаетъ твердымъ основаніемъ для лингвистическаго образованія. Между грамотнымъ и неграмотнымъ человѣкомъ та разница, что первый принимаетъ слово за членораздѣльный звукъ, такъ какъ можетъ разложить его на составныя части; для послѣдняго, напротивъ, каждый звукъ — нечленораздѣльный. Тотъ народъ, о каждомъ членѣ котораго можно сказать, что онъ грамотенъ, есть образованнѣйшій; за то старанія тѣхъ, которые хотятъ напичкать народное училище всевозможными предметами, неразумны. Что касается исторіи, то, разумѣется, въ народномъ училищѣ нельзя преподавать всемірную исторію, еще менѣе слѣдуетъ заставлять заучивать одни имена и годы царствованія государей. Здѣсь должно обучать библейской исторіи *instar omnium*, потому что при этомъ встрѣчаются данныя и изъ всемірной исторіи; она содержитъ важнѣйшіе факты исторіи рода человѣческаго и допускаетъ изслѣдованіе источниковъ, потому что источникъ находится въ рукахъ каждаго ученика. Изъ этихъ зачатковъ можетъ въ послѣдствіи, развиться любовь къ исторіи, такъ что можно

будеть заняться и отечественной исторіей. Чѣмъ, наконецъ, математика служить для гимназій, тѣмъ ариѳметика для народнаго училища.

Summa: объ аристократіи знанія въ худшемъ смыслѣ, т. е., чтобы извѣстныя отрасли знанія были доступны только одному сословію, не можетъ быть и рѣчи.

Но возвратимся къ нашему предмету. Коснувшись умственнаго образованія, мы должны обратить вниманіе и на нравственное. Человѣкъ связанъ съ міромъ нравственными отношеніями, и поэтому спрашивается: можетъ-ли человѣкъ, если ему слѣдуетъ знать, что присуще его роду, въ разсужденіи воли ограничиваться самимъ собою? Разумѣется, нѣтъ, даже и того менѣе.

Невѣжда знаетъ только самого себя, нравственно неразвитый человѣкъ хочетъ только самого себя. Но человѣкъ не долженъ оставаться *αὐτόβολος*. Хотя этой, чисто эгоистичной, волѣ и противодействуютъ семейныя инстинкты, но они влекутъ ребенка безсознательно; они не возникаютъ предъ нимъ какъ нѣчто чуждое, напротивъ — составляютъ собственную его стихію; послушаніе, хотя и не прирожденное, поддерживается здѣсь привычкой. Еще въ школѣ оно наталкивается на чуждую волю въ видѣ общаго, всѣхъ обнимающаго закона; послѣдній же олицетворяется своими органами, въ данномъ случаѣ — учителями. Послушаніе облегчается обязательностью повиновенія для всѣхъ. Такъ школа чрезъ законъ, т. е. чрезъ органы закона, по обязанности послушанія равныхъ, становится государствомъ юности.

Такимъ образомъ, придя къ выводу о необходимости дисциплины сверхъ необходимости обученія, мы можемъ опредѣлить воспитаніе, какъ единство дисциплины и обученія. Это не противоположности, и потому не правильно выражаются, говоря, что школа должна не только обучать, но и воспитывать. Задача гимназій, слѣдовательно, состоитъ въ слѣдующемъ: воспитывать своихъ учениковъ посредствомъ умственнаго и нравственнаго образованія, являясь посредницей между ними и умственными и нравственными благами человѣчества, особенно, минувшихъ временъ, а не между ними и ихъ личнымъ положеніемъ въ жизни. Другими словами: гимназія должна образовывать людей, а не юристовъ, филологовъ, математиковъ и т. д.

Дѣйствительность, правда, не даетъ вполнѣ осуществиться этому идеалу; но требованія, предъявляемыя къ образованному уму, остаются тѣ-же: болѣе и болѣе успѣвать въ этомъ общеніи; человѣкъ долженъ оставаться человѣкомъ и въ отдѣльномъ жизненномъ положеніи; гимназіи принадлежитъ только починъ. И способъ сообщенія этого образованія гимназіею опредѣляется такъ: гимназія связуетъ посредствомъ знанія, а не учености или философіи, равномѣрнымъ поощреніемъ соотвѣтственной производительности и воспримчивости; способности должны быть уравновѣшены съ познаніями; она связуетъ, далѣе, посредствомъ нравственнаго воспитанія, а не условнаго образованія, насаждая въ своихъ ученикахъ *ingenium pudorem et modestiam*.

3. Однородныя учрежденія.

Около сорока лѣтъ назадъ, въ школьномъ мірѣ произошло волненіе: говорилось, что гимназіи не оказываютъ никакихъ успѣховъ, что слѣдуетъ на ряду съ ними или въ противоположность имъ основать другія заведенія. Такъ возникли т. н. семинаріи, питомники (*Alumneen*), называвшіеся просто заведеніями (*Institute*), особенно для помѣщенія пріѣзжихъ учениковъ и надзора за ними. Но такія заведенія умаляютъ свободу ради порядка, да и не могутъ иначе поступать, потому что, коль скоро 30 или 40 молодыхъ людей живутъ совмѣстно, должна послѣдовать и казарменная дисциплина. Но такое состояніе не есть нормальное для молодой души. Нельзя быть понукаемымъ цѣлый день и быть всегда подчиненнымъ только чужой волѣ; нужно иногда смѣть и свою волю имѣть, насколько она можетъ проявляться въ семьѣ, ибо иначе ребенокъ лишается возможности добровольно дѣлать добро. Но кушать, спать, работать по командѣ настолько же неестественно, насколько, съ другой стороны, въ такихъ заведеніяхъ неизбѣжно. Только благодаря необычайной мудрости и любви наставниковъ, при такихъ порядкахъ можетъ быть достигнуто что-нибудь хорошее. Нѣсколько иначе дѣло обстоитъ въ заведеніяхъ, существующихъ уже столѣтія, гдѣ монастырская дисциплина для всей страны не составляетъ поражающаго явленія, и воспитанникъ не ощущаетъ ее, какъ извращеніе природы. Только при такихъ условіяхъ виртембергскія младшія семинаріи и саксонскія *Fürstenschulen* могли сдѣлать хорошіе успѣхи; существенно важно еще то, что въ такія заведенія принимаются, такъ сказать, только

избраннѣйшіе изъ избранныхъ. Кромѣ того, правительству принадлежить заслуга назначенія знающихъ свое дѣло учителей.

Отъ частныхъ воспитательныхъ заведеній тогда также чаяли спасенія Германіи; однако можно было предсказать съ достаточною вѣроятностью, что они просуществуютъ не долго, потому что, кромѣ внѣшнихъ препятствій, они страдали внутреннимъ противорѣчіемъ: они смѣшивали два высшіе воспитательные авторитета, стремясь одновременно быть и семьею, и гимназіей. Семейство никогда не состоитъ изъ 50—100 душъ; количественная разница обусловливаетъ въ данномъ случаѣ и качественную. И здѣсь были принуждены вмѣсто семейной жизни, которую обѣщали замѣнить, ввести монастырскую дисциплину. Сверхъ всего этого, плата была слишкомъ высока, и потому родители ожидали чего-то необыкновеннаго, болѣе разумнаго, по крайней мѣрѣ, чего-то лучшаго, чѣмъ въ гимназіи. Кромѣ того, назначали молодыхъ, неопытныхъ и неискусныхъ учителей, которые, при всемъ этомъ, еще часто мѣнялись. Затѣмъ, публичныя испытанія должны были представлять доказательства большихъ успѣховъ, и ближайшимъ послѣдствіемъ этого была лживая по своему существу дрессировка къ испытанію. Въ связи съ этимъ, находилась затѣмъ и кичливая пагубная погоня за методами; такъ напр., требовали, чтобы классическое обученіе начиналось греческимъ языкомъ и т. под. Исправительное средство противъ вреда, приносимаго такими заведеніями, заключается въ ограниченіи числа воспитанниковъ.

Наконецъ, одно частное обученіе въ семьѣ, чрезъ гувернеровъ и т. п., есть самый худой видъ обученія, и если бы въ этой сферѣ были возможны законодательныя мѣры, то его слѣдовало бы просто воспретить; даже принцамъ королевскаго дома слѣдовало бы давать гимназическое воспитаніе. Частное обученіе лишаетъ мальчика, — по крайней мѣрѣ, въ отношеніи нравственныхъ привычекъ, — грандіознаго вліянія величественнаго въ его глазахъ школьнаго организма, государства въ миниатюрѣ. Семья и образовательное заведеніе смѣшиваются здѣсь прямо противоположно, воспитаннику частнаго воспитательнаго заведенія не достаетъ дисциплинарнаго вліянія одного изданнаго для многихъ закона, поощренія истиннаго духа общности, потому что нѣтъ ничего болѣе образовательнаго въ нравственномъ отношеніи, какъ быть возвышаемымъ и поддерживаемымъ духомъ класса, если онъ только хорошъ; это и есть истинное сокровище гимназической жизни. Напротивъ того, частное обученіе, развиваетъ, хотя и не намѣренно,

эгоизмъ: мальчикъ знаетъ только себя, и въ особенности при этомъ утрачивается привычка — безъ зависти смотрѣть на опережающихъ, болѣе способныхъ товарищей.

Но и по части преподаванія здѣсь достигается далеко не столько, какъ въ публичныхъ заведеніяхъ. Нелѣпо требовать, хотя бы отъ самаго дѣльнаго гувернера, того что достигается цѣлымъ заведеніемъ, гдѣ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, всетаки есть нѣсколько знающихъ свое дѣло учителей. Микрокосмъ въ одномъ лицѣ никакъ невозможенъ; полезна, напротивъ, смѣна нѣсколькихъ, слѣдующихъ другъ за другомъ учителей, и особенно полезенъ непокладливый преподаватель, личность котораго не сразу нравится ученику: *ὁ μὴ δαρείς ἄνθρωπος οὐ παιδεύεται*. Правда, учитель заведенія не можетъ такъ хорошо присмотрѣться къ каждому ученику, но при этомъ забываютъ величайшее несчастье домашняго обученія, состоящее въ томъ, что день деньской проповѣдуютъ только одному. А кто можетъ постоянно производить или постоянно воспринимать? Бѣдный мальчикъ долженъ всегда одинъ на одинъ выдерживать огонь своего учителя, и, если, по обыкновенію, ничего не выходитъ, то гувернеръ еще ретивѣе принимается за дѣло, а мальчикъ еще болѣе тупѣетъ.

Во избѣжаніе этихъ послѣдствій, на урокахъ должны участвовать, даже бесплатно, другія дѣти, потому что общество другихъ дѣтей обязательно; бѣда тому учителю, который самого себя дѣлаетъ участникомъ игръ своего ученика.

Если же такимъ образомъ преподаваніе невысказанно безъ дисциплины, и если дѣльное преподаваніе и хорошая дисциплина предполагаютъ дѣльную личность преподавателя, то намъ слѣдуетъ сначала разсмотрѣть образованіе и качество преподавателя. Это составитъ переходъ къ гимназической педагогикѣ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Учитель.

4. Общія качества учителя.

Должность учителя, прежде всего, есть должность преподаванія; но для преподаванія требуются извѣстныя тѣлесныя и душевныя качества. Учитель долженъ, разумѣется, обладать соответственнымъ здоровьемъ и, въ особенности, хорошею грудью; здоровье его, однакоже, можетъ быть и не абсолютно совершеннымъ; тѣлесная слабость нашего учителя (Gabler'a*) внушала намъ еще большее почтеніе къ нему. Но слѣдуетъ беречься и излишней изнѣженности; и того учителя, который слишкомъ нѣжничаетъ съ «снѣдью червей», выказывая этимъ свой эгоизмъ, презираютъ, и вполне справедливо. За то, съ другой стороны, тѣлесный недостатокъ нисколько не вредитъ, если нравственный обликъ учителя достоинъ уваженія: *ubi animi bona praevalent, corporis mala nihil nocent*. Только страдающему неизлечимыми недостатками органовъ языка не слѣдуетъ быть учителемъ.

Въ отношеніи душевныхъ качествъ, учитель долженъ быть, въ умственномъ отношеніи, человекъ съ научнымъ образованіемъ; слѣдовательно, быть способнымъ понимать какія бы-то ни было научныя данныя научнымъ образомъ; въ особенности, онъ долженъ въ высокой мѣрѣ обладать воспріимчивостью. Нѣтъ необходимости, чтобы производительность его равнялась воспріимчивости; ибо задача его вовсе не въ томъ, чтобы двигать міръ новыми идеями. За то *tardum ingenium* сильно рискуетъ быть оставленнымъ безъ вниманія учениками,

*) Негелсбахъ учился въ Нюренбергской гимназіи. Ред.